

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3 (19)
2018** ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2018

*Редактор
Е. В. Невская*

*Корректор
О. В. Балашова*

Технический редактор

А. В. Родина

*Верстка оригинал-макета
Е. А. Кузьминой*

*Выпускающие редакторы:
А. А. Амирсейидова
Е. В. Невская*

*Автор перевода
А. В. Борзов*

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

*Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

*Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а*

*Подписано в печать 21.09.18
Заказ №*

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 15,11
Тираж 500 экз.*

*Издательство Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87*

Редакционная коллегия серии «Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоз-
ведения (зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАН
- И. Я. Кантеров* доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ
РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионо-
ведения Исторического факультета
СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогиче-
ского государственного университета
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- Г. С. Егорова* кандидат ист. наук,
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллекции)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Э. В. Костяев

«Приказ № 1»: участие российских социал-демократов в его выработке и реализации 5

И. С. Тряхов

Состояние средств массовой информации в годы Великой Отечественной войны (на примере периодической печати Владимирского края)..... 21

А. В. Маковецкий

Роль иерархов Русской Православной Церкви Заграницей в открытии приходов РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата (1990 – 1995 гг.)..... 34

Н. С. Скоробогатых

Неонацизм в современной Австралии: реальна ли угроза?..... 46

ФИЛОЛОГИЯ

Е. А. Абрамова, А. И. Степаненко (Ломова)

К вопросу об аспектах описания грамматической категории обособления в современном русском языке 67

А. А. Гладкова

Русская тема в романах А.Накваски и Т.Я.Папи и рецепция польского восстания 1830 – 1831 гг. в русской прозе..... 74

А. В. Марков

Иконография русской усадьбы в поэзии Виктора Кривулина, Елены Шварц и Ольги Седаковой..... 81

ФИЛОСОФИЯ

Н. И. Петев

Образ «женщины» и «женское» в мифологии древних скандинавов (на примере богини Фрейи) 92

Е. И. Аринин, Г. А. Геранина

Проблемы обучения в духовных образовательных учреждениях в период царствования Александра I (философско–религиоведческий анализ)..... 109

П. Е. Матвеев

Религиозные и моральные суждения: проблема истины и ответственности 118

Сведения об авторах..... 129

CONTENTS

HISTORY

- E. V. Kostyaev**
«Order No. 1»: Participation of the Russian Social Democrats in Its Development
and Realization..... 5
- I. S. Tryakhov**
The State of the Mass Media during the Great Patriotic War
(Case Study: Periodicals of the Vladimir Region)..... 21
- A. V. Makovetsky**
The Role of the Hierarchy of the Russian Orthodox Church in Establishing
of the ROCOR Parishes in the Canonical Territory of the Moscow Patriarchate
(1990 – 1995) 34
- N. S. Skorobogatyh**
Neo-Nazism in Modern Australia: Is the Threat Real?..... 46

PHILOLOGY

- E. A. Abramova, A. I. Stepanenko (Lomova)**
Revisiting the Question of the Aspects of Description of the Grammatical
Category of Detachment in the Modern Russian Language 67
- A. A. Gladkova**
Russian Theme in the Novels by A. Nakwaska and T. J. Papi and the Reception
of the 1830-1831 Polish Uprising in the Russian Prose..... 74
- A. V. Markov**
Iconography of the Russian Manor in the Poetry by Victor Krivulin,
Elena Schwarz and Olga Sedakova..... 81

PHILOSOPHY

- N. I. Petev**
The image of "Woman" and "Female" in the Mythology of the Ancient
Scandinavians (Case Study: Goddess Freya)..... 92
- E. I. Arinin, G. A. Geranina**
The Method Of Training In State Educational Institutions During Alexander I
(Philosophical and Theological Analysis)..... 109
- P. E. Matveev**
Religious and Moral Judgment: the Problem of Truth and Responsibility..... 118
- Contributors** 129

УДК 94 (47). 083

Э. В. Костяев

«ПРИКАЗ № 1»: УЧАСТИЕ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В ЕГО ВЫРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ

В статье проводится анализ участия РСДРП в разработке, издании и реализации «Приказа № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 года. Автор сделал вывод, что, руководствуясь намерениями проведения демократизации армии в условиях Февральской революции, социал-демократы не смогли просчитать все возможные последствия издания «Приказа № 1» для судьбы российской армии, которые выразились в ещё большем её разложении и упадке дисциплины среди солдат, что в конечном итоге привело к бесславному выходу России из Первой мировой войны и подписанию унизительных условий Брестского мира.

Ключевые слова: российская социал-демократия, меньшевизм, Первая мировая война, Петроградский Совет, «Приказ № 1».

Большое влияние на содержание революционного процесса в России в 1917 г. оказал «Приказ № 1», который был отдан 1 марта 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов (Петросоветом) «по гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения» [1, с. 169]. Активное участие в выработке и редактировании этого документа принимали такие известные социал-демократы-«оборонцы», как Семён Аронович Кливанский и Николай Дмитриевич Соколов.

По этому приказу солдаты уравнивались в гражданских правах с офицерами, запрещалось грубое об-

ращение с нижними чинами (в частности, обращение к солдатам на «ты»), отменялись традиционные формы армейской субординации (к примеру, вставание во фронт и обязательное отдание солдатами чести офицерам во внеслужебное время), легализовывались солдатские комитеты, вводилась выборность командиров, в армии разрешалось вести политическую деятельность. Петроградский гарнизон был подчинён Совету и обязывался выполнять лишь его распоряжения [Там же, с. 169 – 170].

Краткая история появления на свет «Приказа № 1» такова. 28 февраля 1917 г. от имени Военной комиссии Временного комитета Государственной думы за подписью его председателя Михаила Родзянко был

отдан приказ, предлагавший солдатам немедленно вернуться в казармы под команду офицеров и возвратить взятое в дни революции оружие. Российский социалист Николай Суханов (Гиммер) писал по этому поводу, что Временный комитет, стремясь в первые дни Февральской революции «установить связь между офицерами и солдатами», желал видеть эту связь совершенно «такою же, какой она была при царизме». То есть он с полным основанием надеялся, что офицерство, «примыкая к революции и отдавая себя в распоряжение Государственной думы, делается верным слугой буржуазии, и Временный комитет, естественно, стремился к тому, чтобы нижние чины в руках этого офицерства были прежними безвольными орудиями, "самодействующими винтовками", а вся армия, тем самым перейдя в прежнем своём виде из рук царя в руки самоуправляющейся плутократии, стала бы основой её диктатуры вообще и её борьбы с демократией в частности». В этих условиях Исполнительному комитету (Исполкому) Петросовета необходим был, считал Суханов, «достаточно зоркий глаз, чтобы среди бури революции, среди невозможных условий работы разглядеть Сциллу потери офицерства, анархии и гибели переворота под прямыми ударами контрреволюции и Харибду цепких лап плутократии, захвата ею всей реальной силы, оказавшейся в руках народа, и постепенного, но быстрого поглощения всех достигнутых и будущих завоеваний по примеру других

революций торжествующей буржуазией». Дабы такое поглощение не произошло, Исполком немедленно принял меры по воссозданию связи между различными элементами российской армии, не желая при этом допустить, чтобы эта связь была «прежним механическим подчинением, слепым повиновением, элементарным беспрекословным послушанием солдатской демократической массы буржуазному офицерству». «Строились новые основы нашего государственного бытия, – пояснял автор "Записок о революции", – и для демократии они обязательно предполагали какие-то новые формы "связи", какие-то новые отношения внутри армии, какую-то новую её конституцию, исключавшую во что бы то ни стало возможность *использовать* армию для завершения переворота *против* (курсив Суханова. – Э. К.) народа, в узкоклассовых интересах плутократии» [12, с. 106].

Вечером 28 февраля солдаты обратились в Петроградский Совет с протестом против приказа Временного комитета. Они увидели в этом приказе стремление контрреволюционных сил взять под свой контроль положение в столице. «Родзянко дал сильный толчок, – считал Суханов, – развитию солдатского самосознания, оформлению солдатских лозунгов и солдатской организации. Всё это проявилось на следующий день в заседании солдатской секции Совета...» Сложившаяся тогда обстановка крайнего недоверия находившихся в Петрограде солдат к офицерству не

только поддерживала «распылённое и возбуждённое состояние гарнизона», но и грозила «ввести эксцессы в систему и послужить источником действительно безудержной анархии». «Было необходимо, – полагал Суханов, – преодолеть стихийный дух протеста, озлобления, мести, опасений за мелькнувший призрак свободы и новой жизни; и было необходимо собрать солдатскую рассеянную по городу пыль в прежние кадры, в прежние организации (за исключением иных), чтобы начать планомерную организованную борьбу за профессиональные солдатские интересы, за гражданскую свободу армии и за действительно новую жизнь» [12, с. 123].

1 марта к председателю Военной комиссии Временного комитета Государственной думы полковнику Борису Энгельгардту (октябрист, введён в комитет ночью 27 февраля 1917 г.) [5, с. 43] пришли выборные от двадцати частей Петроградского гарнизона и потребовали «выработки приказа, регулирующего на новых основаниях взаимоотношения офицера и солдата». Посоветовавшись с коллегами по комитету, которые высказались против удовлетворения требования солдат, Энгельгардт указал выборным, что Временный комитет «находит недопустимым издание такого приказа». Тогда солдаты заявили Энгельгардту: «Не хотите, так мы и без вас обойдёмся» [10, с. 74].

Обсуждение солдатских дел и принятие практических решений, касавшихся жизни столичного гарнизо-

на, происходило в Петросовете вечером 1 марта. Причём Исполком, по утверждению Суханова, «не участвовал в принятии этих решений и не руководил заседанием», все постановления по данному вопросу были «буквально голосом самих солдатских масс». Совет постановил свести все эти решения в одном воззвании или приказе, а для его составления избрал особую комиссию, поручив ей выполнить эту работу немедленно. Через некоторое время после этого Суханов застал в комнате № 13 Таврического дворца следующую картину: «...за письменным столом сидел Н. Д. Соколов и писал. Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты и не то диктовали, не то подказывали Соколову то, что он писал. ...Оказалось, что это работает комиссия, избранная Советом для составления солдатского "Приказа". Никакого порядка и никакого обсуждения не было, говорили все – все, совершенно поглощённые работой, формируя своё коллективное мнение безо всяких голосований... Окончив работу, поставили над листом заголовок: "Приказ № 1"». Такова история появления на свет этого документа, содержание которого не заключало в себе, по мнению Суханова, «ничего страшного». «Вызван же он был, – считал Николай Николаевич, – общими условиями революции, а в частности бестактной, провоцирующей политикой по отношению к солдатам со стороны представителей думского комитета». «Приказ № 1»

виделся ему «в полном смысле продуктом народного творчества, а ни в каком случае не злонамеренным измышлением отдельного лица или даже руководящей группы...» «Буржуазная пресса, – читаем мы в «Записках о революции», – вскоре сделавшая этот приказ поводом для бешеной травли Совета, почему-то приписывала авторство его Стеклову, который неоднократно отрекся от него, не виноватый ни сном ни духом... Но и Соколова никак нельзя считать автором этого документа. Этот "ра-аковой человек", как любил говорить Чхеидзе, явился лишь техническим исполнителем предначертаний самих масс. Напротив, со стороны пленума Совета это был едва ли не единственный акт самостоятельного политического творчества за всю революцию» [12, с. 144 – 145].

Генерал Монкевиц уверял, что приказ такого же содержания, изданный Советом депутатов 3-го железнодорожного батальона, он читал в 1905 г. в Красноярске. Редактировавший же «Приказ № 1» Соколов извлёк якобы образец его из своего архива, как бывший защитник по делу красноярского Совета 1905 г. [1, с. 170 – 171].

В глазах Н. Н. Суханова Н. Д. Соколов – это «знаменитый петербургский политический адвокат, числящийся по традиции даже большевиком, но более связанный с петербургскими радикальными кругами, везде бывающий и всё знающий», «один из главных работников первого периода революции», «представи-

тель оборонческого течения». Не раз говорил Суханову, что это он повёл 27 февраля 1917 г. восставшие Волынский и Литовский полки именно к Государственной думе. На момент избрания в ночь на 28 февраля членом Исполкома Петросовета стоял «вне всяких фракций», был «видным деятелем Исполнительного Комитета», «порхавшим по всем уголкам революционного Петербурга, присутствовавшим во всех закоулках одновременно и приносившим в Исполнительный Комитет сенсацию за сенсацией» [12, с. 52 – 53, 59, 75, 113, 185]. Большевики Давид Заславский и Владимир Канторович называли его «малоодарённым» [2, с. 102]. Находясь в должности сенатора 1-го департамента Министерства юстиции, на которую премьер А. Ф. Керенский его назначил летом 1917 г., Соколов прислал заявление министру юстиции меньшевику Павлу Малянтовичу, в котором «указывал на то, что сенат поставил совершенно незаконное и произвольное требование, заставляя сенаторов надевать на себя "эмблемы рабства" (этими словами он обозначал пуговицы на мундире с изображением двуглавого орла над законом), и сам в свою очередь требовал решения вопроса законодательным путём в демократическом духе» [6, с. 70 – 71].

То, что «Приказ № 1» был «рождён буквально под диктовку возбуждённой толпы солдат», американский историк Ричард Пайпс считает одним из «мифов русской революции», ибо подробный анализ

документа «выдаёт не столь случайное его происхождение». «Первоначально приказ был сформулирован вовсе не рядовыми солдатами, – пишет Пайпс, – но подобранными Исполкомом гражданскими и гарнизонными депутатами (среди которых были и офицеры), в большинстве связанных с социалистическими партиями» [7, с. 333]. Ссылается при этом Пайпс на большевика Александра Шляпникова, так описывавшего день 28 февраля 1917 г.: «В Исполнительный Комитет приходили группами делегации от солдат, выбранные в Совет. Все были крайне взволнованы воззваниями и распоряжениями Комитета Государственной думы относительно офицеров. Вечером в одной из комнат Исполнительного Комитета собралось несколько десятков солдат различных полков и просили Исполнительный Комитет войти в положение солдат. Возвращавшиеся офицеры по-прежнему повели работу по царскому уставу, с чем солдаты-революционеры мириться уже не могли. Многие солдаты высказывали опасения, что офицеры, вернувшиеся под влиянием распоряжений Комитета Государственной думы, будут мстить солдатам и поведут провокационную работу против революции, против завоеванных народом прав. Настроение было ярко антиофицерское». В результате Исполком Петросовета вынужден был поставить вопрос о солдатах, а разработка необходимых мероприятий по изменению правовых и бытовых условий их казарменной,

служебной и внеслужебной жизни была поручена группе представителей Петроградского гарнизона, взявшей на себя инициативу организации солдат. «В этой группе солдат, – вспоминал Шляпников, – были товарищи, стоявшие на нашей точке зрения, как то: Садовский, Падерин, Борисов и один матрос, фамилии которого не помню.

Сами мы мыслили внутреннюю организацию солдатской жизни по фабрично-заводскому типу. Выборность начальников мы поддерживали, но не делали из этого принципиального вопроса. В отношении изменения правовых норм мы агитировали за отмену всех стеснений, связанных со словами "нижний чин", а равно и уничтожение самого названия "нижний чин". В этом направлении вели работу наши партийные товарищи» [14, с. 170 – 171, 172 – 173].

Если Суханов утверждал в «Записках о революции», что Исполком Петросовета не участвовал в принятии практических решений, касавшихся жизни столичного гарнизона, все постановления по данному вопросу были «буквально голосом самих солдатских масс», а «Приказ № 1» – «продуктом народного творчества» [12, с. 144 – 145], то мемуары Шляпникова рисуют нам несколько иную картину участия или неучастия в этом деле Исполкома. Мы читаем в них, что вечером 1 марта 1917 г. после обсуждения в Совете вопроса о правах солдат и организации гарнизона все принятые решения для окончательной обработки и редакци-

рования были принесены именно в Исполнительный комитет, после чего всему его наличному составу пришлось обсудить все выдвинутые предложения. «После обмена мнений по существу предложенных мероприятий по организации казармы и обеспечению прав солдата, – вспоминал Шляпников, – решили объединить в одно целое и опубликовать в виде приказа. Составление и редактирование приказа поручили группе товарищей, членов Исполнительного Комитета, работавших в Военной Комиссии, и солдат, делегированных в Исполнительный Комитет». Заседание Исполкома Петросовета вечером 1 марта запомнилось ему так: «За длинным столом, покрытым зелёным сукном, заседали члены Комитета. На одном из концов стола с листом бумаги в руках сидел глубоко штатский человек, Н. Д. Соколов, окружённый представителями от солдат, среди которых помню: А. Падерина, Садовского, В. Баденко, Ф. Линде, диктовавших Н. Д. Соколову параграфы приказа. Остальные члены Исполнительного Комитета не вмешивались в их техническую работу, выжидая, когда приказ будет закончен и целиком поставлен на обсуждение». Когда же это произошло и Соколов зачитал присутствовавшим результат проведённой работы, ни одного принципиального возражения высказано не было. После принятия «Приказа № 1» в Исполкоме той же группе товарищей предложили провести его и на собрании Совета. «Солдаты и рабочие заслушали приказ в торжествен-

ной тишине. Нужно было видеть лица солдат, – делился впечатлением Шляпников, – чтобы понять, какое революционное значение имел тогда этот приказ. Гул одобрения, как будто гигантский вздох облегчения, раздавался в душных, набитых комнатах Совета. Солдаты были вне себя от восторга» [14. с. 188 – 189].

Генерал Лукомский утверждал (по мнению Заславского и Канторовича, неправильно [2, с. 74]), что в составлении «Приказа № 1» принимал участие «генерального штаба генерал Потапов (назвавший себя "первым революционным генералом")» [4, с. 30].

Несколько слов об этом человеке. Генерал-майор Николай Михайлович Потапов (1871 – 1946) с 27 ноября 1916 г. являлся начальником эвакуационного и по заведованию военнопленными отдела Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), а 13 апреля 1917 г. был назначен генерал-квартирмейстером ГУГШ. Был одним из первых представителей высшего военного командования, который пошёл на сотрудничество с большевиками и начал предоставлять им необходимую информацию ещё до прихода их к власти. Знавший Потапова ещё с юношеских лет известный большевик Михаил Кедров позднее вспоминал, что после событий 3 – 5 июля 1917 г. в Петрограде помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер Потапов «предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)». После октябрьского

переворота сразу начал сотрудничать с Советом народных комиссаров (СНК) и 23 ноября 1917 г. был назначен начальником Генерального штаба и управляющим Военным министерством. Сам Потапов называл имена составителей «Приказа № 2» (Соколов, Добраницкий, Борисов, Кудрявцев, Филипповский, Падерин, Заас, Чекалин, Кремков), о котором будет речь ниже, дополнявшего первый, предполагая, что та же комиссия редактировала и «Приказ № 1» [1, с. 171].

В пользу же версии Суханова о непричастности членов Исполкома Петросовета к выработке «Приказа № 1» говорят воспоминания Заславского и Канторовича, свидетельствующие, что в то время 1 марта 1917 г., как Исполнительный Комитет был занят вопросом об отношении к организовывавшемуся Временному правительству, в соседнем помещении шло шумное и беспорядочное собрание солдатских представителей, председательствовал на котором Соколов. «Видных и ответственных деятелей» Исполкома там не было, а вниманием солдат больше других владел «товарищ Максим», т. е. журналист и публицист Семён Кливанский, хорошо известный Заславскому и Канторовичу по совместной работе в 1917 г. в органе социалистической мысли – газете «День», активное участие в которой принимал лидер меньшевиков-«оборонцев» Александр Николаевич Потресов. Собрание находилось под впечатлением слухов о начинавшемся разоружении солдат, угрожающем

поведении офицеров, группировавшихся вокруг Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. И ораторы и слушатели были настроены решительно. В результате по предложению Кливанского были намечены следующие меры: «1. Немедленно предложить товарищам солдатам не выдавать оружие никому. 2. Предложить товарищам солдатам немедленно избрать представителей в Совет солдатских и рабочих депутатов по одному на каждую роту. 3. Предложить товарищам солдатам подчиняться при своих политических выступлениях только Совету рабочих и солдатских депутатов. 4. Предложить товарищам солдатам, подчиняясь во фронте офицерам, вместе с тем считать их вне фронта равноправными гражданами» [2, с. 50 – 51]. К этим намеченным мерам, которые были приняты, собрание присоединило свои – «выбор ротных и батальонных комитетов, которые заведовали бы всем внутренним распорядком полков; подчинение военной комиссии лишь до той поры, пока её распоряжения не расходятся с постановлениями Совета рабочих депутатов, и др.». «Для редактирования этих мер и для составления воззвания, – писали Заславский и Канторович, – была избрана комиссия, которая тут же и занялась делами. Руководил комиссией Соколов, но руководства в сущности никакого не было. Воззванию придали внешний вид приказа. Его сочиняли несколько человек по указаниям собрания, где выходили на трибуну нико-

му не известные солдаты, вносили предложения, одно другого радикальнее, и уходили при шумных аплодисментах. Ошибкою было бы искать индивидуального автора этого произведения, получившего историческую известность под именем "приказа № 1". Его составила солдатская безличная масса, приведённая в крайнее возбуждение. Члены И[сполнительного] К[омитета] познакомились с ним впервые, когда он на другой день, 2 марта, появился в "Известиях Совета"...» [2, с. 51].

Познакомившись же, они «отреклись от него при первом же запросе Временного правительства». «Отменить его нельзя было, – писали Заславский и Канторович. – Действие его пытались ослабить разъяснением, что он относится к Петрограду. Это не достигло цели. Переданный по телеграфу приказ № 1 стал известен всей действующей армии» [Там же, с. 52].

Реакция солдат и офицеров на появление «Приказа № 1» была диаметрально противоположной. Первые, как писал Шляпников, были «вне себя от восторга». И этот восторг легко объяснить, ибо появление «Приказа № 1», считал он, «внесло значительное успокоение в ряды разбушевавшейся солдатской массы». «В этом приказе, – читаем мы в его воспоминаниях, – солдаты получили все необходимые им указания, как организовываться в политическую силу, как устроить свой быт внутри казармы. Этот же приказ резко оттолкнул недоверие к офицерскому составу петроградского гарнизона. Вся его

деятельность стала под общественный контроль ротных, батальонных, полковых и других комитетов, избранных самими солдатами». Что же касается резко негативной реакции на содержание «Приказа № 1» со стороны «буржуазных кругов» и высшего командного состава, то своим отрицанием и пренебрежением к нему, полагал Шляпников, они только способствовали его популярности: «Солдаты, самые широкие армейские низы, приняли приказ как манифест об освобождении от гнуснейших сторон милитаристического ига. Действие его распространялось далеко за пределы Петроградского гарнизона» [14, с. 190 – 191].

Авторы «Приказа № 1» были убеждены, считали Заславский и Канторович, что совместить «воинскую дисциплину и воинскую организацию с тем внутренним строем, который они вводили единым росчерком пера», вполне возможно. «Но уж одна властность приказа... и создание выборных комитетов с неопределёнными полномочиями, – тут же признавали они, – способна была разбить существующую воинскую организацию. Офицер переставал быть командиром; он превращался в лучшем случае в инструктора» [2, с. 52].

Но это, действительно, только в лучшем случае. Совсем другую реакцию на содержание «Приказа № 1» мы наблюдаем в среде высшего офицерства. По мнению генерала Деникина, «Приказ № 1» дал «первый, главный толчок к развалу армии» [1, с. 169], а генерал Краснов писал

даже, что «Брестский мир явился неизбежным следствием приказа № 1 и разрушения армии» [3, с. 103]. Быстрое и повсеместное распространение «Приказа № 1» по всему фронту и тылу обуславливалось, по мнению Деникина, тем обстоятельством, что идеи, проведённые в нём, «зрели и культивировались много лет – одинаково в подпольях Петрограда и Владивостока, как заученные прописи проповедовались всеми местными армейскими демагогами, всеми наводнившими фронт делегатами, снабжёнными печатью неприкосновенности от Совета рабочих и солдатских депутатов». Постепенно под влиянием «Приказа № 1» «солдатская масса зашевелилась». «Началось с тылов, – пояснял Антон Иванович, – всегда более развёрнутых, чем строевые части; среди военной полуинтеллигенции – писарей, фельдшером, в технических командах. Ко второй половине марта... командующий 4-й армией в своей главной квартире ожидал с часу на час, что его арестуют распущенные нестроевые банды...». Наконец, получив 18 марта 1917 г. указание немедленно отправиться к военному министру в Петроград, где Деникина ждало назначение на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, и проезжая по пути через штабы генералов Лечицкого, Каледина, Брусилова, «встречая много лиц военных и причастных к армии», он везде слышал одни и те же горькие жалобы, одну и ту же просьбу: «Скажите им, что они (курсив Деникина. – Э. К.) губят армию...» [1, с. 173 – 174, 176].

Являвшийся летом 1917 г. начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал Лукомский писал, что «Приказ № 1» «в корне подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над солдатами» [4, с. 30]. На практике это приводило к тому, что солдаты отказывались подчиняться офицерам и подвергали их всяческим издевательствам. Так, состоявший на корабле «Севастополь» Балтийского флота лейтенант Евгений Винтер приехал 21 марта 1917 г. на один день из Гельсингфорса в Петроград, чтобы проститься с матерью, ибо был уверен, что «как только весна наступит, то неприятельский флот подойдёт в Финский залив и весь русский флот уничтожит». Мнение своё он основывал на том, что теперь после революции, отразившейся гибельно на флоте убийством революционными матросами 4 марта 1917 г. в Гельсингфорсском порту командующего Балтийским флотом вице-адмирала Адриана Ивановича Непенина и многих офицеров, «никакой дисциплины нет, корабли с их командой дезорганизованы и беспорядки во всём». Другой офицер Балтийского флота в это же время покинул Гельсингфорс из-за «ужасного положения» там офицеров. «Солдаты не слушают, – говорил он, – порядка и дисциплины не существует, солдаты делают, что хотят до такой степени, что они захватили в свои руки корабельные капиталы и кутят, никого не спрашивая». Этот офицер купил штатскую одежду и уезжал к себе в

деревню, утверждая, что «так делают и поступают если не все, то очень много» морских офицеров. Ещё один из них рассказывал 24 марта 1917 г. отставному генералу Ростковскому: «Безобразия солдат достигает невозможных ужасов: на одном корабле... солдаты заперли... несколько десятков своих офицеров в трюме и пустили на них горячий пар, сварив их живьем» [11, с. 115, 118, 119].

В августе 1917 г. на Юго-Западном фронте солдаты схватили начальника 111-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гиршфельдта, «повели его в лес, раздели, привязали к дереву, истязали и надругивались над ним, после чего убили» [3, с. 111]. Солдаты же 703-го Сурамского полка 10-й армии Западного фронта 21 июня 1917 г. «отблагодарили» своего благодетеля Н. Д. Соколова, приехавшего «с благородной целью бороться с тьмой невежества и моральным разложением, особенно проявившемся в этом полку», когда редактор «Приказа № 1» и «творец нового строя армии» был нещадно до полусмерти избит и арестован ими, попробовав «от имени Совета рабочих и солдатских депутатов призвать полк к исполнению долга и к участию в наступлении» [1, с. 488, 519].

По поводу этой расправы правые круги командного состава офицеров, «настолько озлобленных против демократии, что даже на театре военных действий, где кровь офицеров смешивалась с кровью членов военно-демократических организаций, они не переставали проявлять

свое не примиримо враждебное отношение к революции и ко всем без различия выборным фронтовым организациям», не скрывали своего торжества и открыто говорили: «Соколову жаловаться не на кого. Ведь он же с товарищами издавал Приказ № 1. Вот Сурамский полк и показал им, как этот приказ проводится в жизнь» [13, с. 56 – 59].

Уже на следующий день после опубликования «Приказа № 1», 3 марта 1917 г. начальник Главного артиллерийского управления генерал Алексей Маниковский послал записку во Временный комитет Государственной думы: «Крайне необходимо *немедленно*, то есть не теряя *ни одной минуты* (курсив источника. – Э. К.), издать приказ от имени нового правительства – вместо гуляющего по рукам "Приказа № 1" – от Совета рабочих депутатов. Иначе нельзя работать» [9, с. 235]. 5 марта вышел приказ военного министра А. И. Гучкова «о солдатских правах и вольностях», который «довольно точно воспроизвёл добрую половину известного нам советского "Приказа № 1", упраздняя "нижние чины", "тыканье", титулование, запрещение вне службы всего дозволенного прочим гражданам...». «Прямо и текстуально разрешая "участие в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью и пр.", приказ Гучкова, – писал Суханов, – официально санкционировал прежде всего солдатскую советскую организацию, а затем и внутренние профессиональные (или корпоративные) объединения, то есть

всякого рода армейские комитеты» [12, с. 230]. По мнению автора «Записок о революции», приказ этот «не явился событием» [Там же], однако «довольно безобидным», считал уже генерал Деникин, он был только на первый взгляд. Тем временем последствия его издания были совершенно неожиданными для лиц, не знавших солдатской психологии. «Солдатская масса, – пояснял Деникин, – не вдумавшись несколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто, как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чиновничества. Свобода, и кончено!».

В результате Гучкову в приказе от 24 марта пришлось разъяснять такие, например, положения: «Воинским чинам предоставлено право *свободного* посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако право *свободы* (курсив источника. – Э. К.) посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по видимому, понято некоторыми солдатами» [1, с. 167]. Нарушения дисциплины и неуважительное отношение к начальникам усилились. «В частях, и особенно в тыловых, – читаем у Деникина, – начала сильно развиваться карточная игра с дурными последствиями для солдат, имевших на руках казённые деньги или причастных к хозяйству. ...Временное правительство только 22 августа 1917 г., обес-

покоенное последствиями этого, казалось, мелкого изменения устава в пользу демократизации, сочло себя вынужденным особым постановлением воспретить военнослужащим на театре военных действий, а также в казармах, дворах, военных помещениях и вне театра войны – всякую игру в карты». Но если все эти мелкие изменения устава, распространительно толковавшиеся солдатами, отражались только на воинской дисциплине, то разрешение приказом 5 марта военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью», представляло уже, на взгляд Деникина, «угрозу самому существованию армии» [Там же, с. 167 – 168].

Учитывая это, понятной становится точка зрения генерала Лукомского, считавшего, что хотя Временное правительство и «отрицало своё участие в издании этого приказа, но попустительство было явное, так как, во-первых, этот приказ был передан в армии по прямому проводу из Управления генерального штаба, а во-вторых, официальное заявление Временного правительства о том, что этот приказ от него не исходит, несмотря на настояния генерала Алексева, появилось со значительным запозданием, и в армиях приказ № 1 был принят как распоряжение правительства и послужил первым решительным толчком к развалу» [4, с. 30].

Со своей стороны, предчувствуя негативные последствия распространения «Приказа № 1» на

фронте, 5 марта 1917 г. Исполком Петросовета поспешил опубликовать разъяснение его применения. В качестве представителя военного министра содействовал появлению этого разъяснения, считали Заславский и Канторович, генерал Потапов. «Это разъяснение, – читаем мы у Заславского и Канторовича, – получившее название приказа № 2, касалось главным образом вопроса о выборности командного состава, который в общем разрешался в отрицательном смысле; кроме того, устанавливалось окончательно, что приказ № 1 имеет применение только в пределах Петроградского гарнизона и на фронт отнюдь распространяться не может. Это разъяснение значительно ослабило первоначальное впечатление, вызванное приказом № 1, но всё же психологическая атмосфера вражды и недоверия в кругах высшего офицерства была создана и рассеять её уже было трудно». Спустя 2 дня после «Приказа № 2» Исполком обратился снова с кратким разъяснением-воззванием к войскам фронта. В этом воззвании обращалось внимание на соблюдение воинской дисциплины и окончательно устанавливалось ограничительное толкование «Приказа № 1», который отнюдь не должен распространяться на фронт. Воззвание было составлено по соглашению с Гучковым и было подписано членом Исполкома Петросовета меньшевиком Матвеем Ивановичем Скобелевым и председателем Военной комиссии генералом Потаповым [2, с. 74].

О том, как было выработано воззвание Исполкома от 7 марта, рассказывал также генерал Потапов: «6 марта вечером на квартиру Гучкова пришла делегация Совдепа в составе Соколова, Нахамкеса и Филипповского (ст. лейтенант), Скобелева, Гвоздева, солдат Падергина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформах в армии... Происходившее заседание было очень бурным. Требования делегации Гучков признал для себя невозможными и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано от Совдепа Скобелевым, от комитета Государственной думы мною и от правительства – Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат» [1, с. 172 – 173]. Генерала Потапова поправлял генерал Деникин. «В действительности же, – замечал он, – воззвание, опубликованное в газетах 8 марта, вовсе не аннулировало приказов № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только к войскам Петроградского военного округа. ... Как приказ № 2, так и это воззвание, не получили никакого распространения в войсках и ни в малейшей степени не повлияли на

ход событий, вызванных к жизни приказом № 1» [1, с. 173].

Когда появился проект «Декларации прав солдата», принятой в итоге Временным правительством 9 мая 1917 г., Ставка сначала разослала его для ознакомления главнокомандующим фронтами, а затем вызвала их всех в Могилёв, чтобы обсудить, какие меры военное командование могло бы принять для предотвращения утверждения правительством «Декларации». На этом совещании главнокомандующие приняли решение немедленно ехать в Петроград и сделать совместное представление Временному правительству и представителям Совета против узаконения новых порядков в армии. 4 мая 1917 г. в Мариинском дворце под председательством главы Временного правительства князя Георгия Львова состоялось собрание, в котором приняли участие все члены нового коалиционного Временного правительства и полный состав Исполкома Петросовета, с одной стороны, а с другой – Верховный главнокомандующий генерал Алексеев и главнокомандующие фронтами: Западным – Гурко, Юго-Западным – Брусилов, Северным – Драгомиров и Румынским – Щербачёв. Среди прочего Брусилов в своём докладе заявил, что «Приказ № 1» «смутил армию, так как предписанные в нём меры против офицеров Петроградского гарнизона были истолкованы как относящиеся ко всем офицерам». «Ввиду таких толкований, – сказал он, – Петроградский Совет издал новый приказ,

разъяснявший, что приказ № 1 обращён к гарнизону Петроградского округа и не относится к фронту. Однако солдаты всё же продолжали толковать приказ по-своему. У них явилась мысль, что новый приказ исходит не от Совета, а от начальства, которое хочет скрыть от них правду» [13, с. 401, 405].

Когда же Верховный главнокомандующий генерал Михаил Алексеев прямо заявил участникам собрания, что армия «на краю гибели» и начало её разложения было положено «Приказом № 1», на защиту последнего грудью встал «революционный оборонец» Скобелев, заявивший: «Вам, может быть, стал бы понятен приказ № 1, если бы вы представили себе обстановку, в которой он был издан. Перед Советом была неорганизованная масса солдат, перешедшая на сторону революции и покинутая своими офицерами. В условиях, когда победа революции ещё не была обеспечена, приказ № 1 предписывал две срочные меры. Первая заключалась в создании выборных комитетов, способных к политическому руководству солдатами, ставшими свободными гражданами. Потребность в таких организациях дала себя знать вскоре во всей армии, и они были санкционированы Ставкой.

Но приказ № 1 включал в себя и вторую меру, которая диктовалась особенной обстановкой первых дней революции в столице. Совет предписывал выборным солдатским комитетам взять под контроль оружие военных частей и ни в коем случае не вы-

давать его офицерам, если они того потребуют. Чем была вызвана такая мера? Тем, что в момент перехода солдат на сторону восставшего народа все офицеры Петроградского гарнизона покинули полки и скрылись. Легко понять, что такое поведение офицеров в разгар борьбы на жизнь и смерть между старым режимом и революцией вызвало тревогу в Совете, как и среди солдат. Было опасение, что офицеры найдут послушные им силы и сделают попытку разоружить революционные полки. Мог ли Совет в этих условиях не принять тех мер, которые он принял? Но даже в этих условиях Совет не забыл напомнить солдатам об их воинском долге и включил в приказ № 1 предписание, что в строю и при отправлении воинских обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину» [13, с. 407, 409].

Хотя «Приказ № 1» и отражал некоторые действительные солдатские нужды, всё-таки в первую очередь, считает Пайпс, он являлся «политическим манифестом». «Его авторы, – поясняет американский историк, – хорошо знакомые с историей революции, знали, что традиционно главная угроза контрреволюции таится в вооружённых войсках. Надеясь не допустить этого в России, они желали окоротить права офицеров и лишить их доступа к оружию. ...Исполком воспользовался вечными жалобами солдат на дурное обращение с ними офицерства для свержения офицерской власти, что вовсе не отвечало нуждам армии. Достаточно

сказать, что из семи статей приказа только два последних были посвящены положению рядового, остальные же касались роли вооружённых сил при новом режиме и целью их было лишить "буржуазное" правительство возможности воспользоваться ими, как это сделал Кавеньяк в 1848 году и Тьер в 1871-м (генерал Луи Эжен Кавеньяк, будучи военным министром и главой исполнительной власти Французской республики, руководил расправой над парижскими рабочими во время подавления Июньского восстания 1848 г., а глава исполнительной власти Франции с 17 февраля 1871 г. Адольф Тьер в марте вывел из столицы в Версаль оставшиеся верными войска и полицию, с помощью которых в мае 1871 г. с исключительной жестокостью подавил Парижскую Коммуну. – Э. К.)». Пайпсу трудно представить, что Исполком Петросовета, проголосовавший за «Приказ № 1» и распространивший его в войсках, не предвидел последствий, одним из которых было «свержение власти правительства и офицерского корпуса над войсками» [7, с. 333 – 334].

Деникин также писал: «Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведённое военными властями расследование "не обнаружило" авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергали участие своё личное и членов комитета в редактировании приказа». Но Антон Иванович не верил в

искренность этих заявлений и утверждал, что «вожди революционной демократии» отлично осознавали последствия принятия «Приказа № 1». В доказательство он приводил слова фактического лидера революционной демократии России в 1917 г. меньшевика Ираклия Церетели, сказанные 4 мая 1917 г. на упоминавшемся заседании главнокомандующих, Временного правительства и Исполкома Петросовета: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и её надо было организовать...». Лидер «революционных оборонцев» говорил ещё на этом заседании, что там не было «никого, кто способствовал бы разложению армии, кто играл бы в руку Вильгельма» [1, с. 373]. Однако Деникин считал, что Совет сознательно разрушал дисциплину в армии «Приказом № 1» и другими воздействиями на военное законодательство и войсковые организации, «унизив и обезличив командный состав» [Там же, с. 223]. В доказательство Деникин приводил слова Скобелева, произнесённые на заседании 4 мая: «В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1...» [Там же, с. 374]. Ещё более искренним, по мнению Деникина, был внефракционный социал-демократ Иосиф Гольденберг, заявивший: «Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является еди-

нодушным выражением воли Совета. В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство» [Там же, с. 172].

Выражаясь образно, российский философ, литературный критик и публицист Василий Розанов в своём «Апокалипсисе нашего времени» (1917 – 1918) констатировал, что «Приказ № 1» превратил «одинадцатью строками одинадцатимиллионную русскую армию в труху и сор...». Но справедливости ради он заметил, что этот приказ «не подействовал бы на неё и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература», благодаря которой ещё задолго до издания «Приказа № 1» в России начало слагаться пренебрежение к офицеру как к «дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти к вору». Когда вся эта литература прошла (Гоголь, Толстой и др.), тогда присяжный поверенный Соколов «снял с неё сливки». «Но ещё более, – полагал Розанов, – "снял сливки" Берлинский Генеральный штаб, охотно бы заплативший за клочок писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германии...». Он считал бесспорным, что «Приказ № 1» «был заготовлен в Берлине». «Берлин вообще очень хорошо изучил русскую ли-

тературу, – читаем мы в «Апокалипсисе нашего времени». – Он ничего не сделал иного, как выжал из неё сок. Он отбросил целебное в ней, чающующее, истинное.

...От ароматов и благоуханий он отделил ту каплю желчи, которая несомненно содержалась в ней. ...И в нужную минуту поднёс её России» [8, с. 71 – 72].

Поскольку разложение и уничтожение боеспособности российской армии «могло быть на руку тем, для кого сильная скованная армия представляла внушительную угрозу, то есть Германии», постольку Родзянко «ни одной минуты» не сомневался в «немецком происхождении» «Приказа № 1». «По крайней мере, – вспоминал председатель IV Государственной думы, – начальник одной из дивизий действующей армии ... генерал Бар-

ковский прямо заявил мне, что этот приказ в огромном количестве был доставлен в распоряжение его войск из германских окопов» [10, с. 74].

Конечно, российские социал-демократы, участвовавшие в составлении и распространении «Приказа № 1», предпринимавшие массу усилий для его практической реализации ради достижения цели демократизации российской армии, не могли предусмотреть всех негативных последствий своих действий. Однако не достигшие цели благие намерения вождей революционной демократии нисколько не умаляют их ответственности за то, что «Приказ № 1» фактически разрушил армию, привёл к целому ряду её тяжелейших поражений в 1917 г. и подписанию впоследствии позорного Брест-Литовского мирного договора.

Библиографические ссылки

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2003.
2. Заславский Д. О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль – май. Пг., 1924.
3. Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. М., 1991.
4. Лукомский А. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Т. 2. М., 1991.
5. Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.
6. Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. М., 1991.
7. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1994.
8. Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М., 1991.
9. Половцов П. А. Дни Затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году). М., 1999.

10. Родзянко М. В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М., 1991.
11. Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001.
12. Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991.
13. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Paris, 1963.
14. Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. Т. 2: Семнадцатый год. Кн. 1–2. М., 1992.

E. V. Kostyaev

«ORDER NO. 1»: PARTICIPATION OF THE RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATS IN ITS DEVELOPMENT AND REALIZATION

The article analyses participation of RSDWP in the development, publishing and realization of «Order No. 1» of the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies issued on the 1st of March, 1917 spent. The author has made the conclusion, that, guided by the intention to carry out democratization of the army in the conditions of the February revolution, the social democrats could not foresee all possible consequences of the «Order No. 1» for the fate of the Russian army which were expressed in its even greater decomposition and decline of discipline among the soldiers, that finally led to a disgraceful withdrawal of Russia from the World War 1 and to signing of humiliating conditions of the Brest Peace Treaty.

Keywords: Russian social democracy, men'shevism, World War 1, Petrograd Soviet, «Order No. 1».

УДК 93/94.908 "1941/1945"

И. С. Тряхов

СОСТОЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ)

Средства массовой информации в годы Великой Отечественной войны являлись мощным инструментом идеологического воздействия. В предлагаемой статье автор рассматривает состояние средств массовой информации в период военного лихолетья на примере конкретного тылового региона, имевшего свои специфические особенности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, идеология, управление пропаганды и агитации, средства массовой информации, цензура, пресса, тираж, Телеграфное агентство Советского Союза.

Для формирования общественного мнения и пропагандистской деятельности средства массовой информации – важнейший фактор. В период военных кризисов их значение неизменно возрастает, так как возникает настоятельная необходимость консолидации населения. В годы войны советское руководство уделяло средствам массовой информации огромное внимание, однако суровая обстановка тех лет не способствовала в целом количественному и качественному развитию периодической печати, радиовещания и прочих средств, через которые велась пропаганда и агитация. В связи с этим любопытно рассмотреть количественные показатели печатных средств агитации и пропаганды военных лет и проследить на примере тылового Владимирского региона динамику изменений в прессе военных лет.

Тыловая печать переживала в военные годы, как и вся страна, трудные времена и испытывала схожие с «нестратегическими» отраслями народного хозяйства проблемы. Ограниченность возможностей редакций не позволяла создавать достаточное количество самобытных материалов, которые могли заинтересовать читателей в должной мере. Сказывались усилившиеся в годы войны цензура и контроль над прессой всех уровней со стороны партийных инстанций [10].

Начальник Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров в своих отчётах и письмах в ЦК ВКП(б) неоднократно критиковал со-

ветскую периодическую печать за недостаточное и слабое освещение работы советского тыла, вопросов, связанных с проблемами промышленности, сельского хозяйства, восстановления жизни в освобождённых районах, партийных и советских организаций. В военные годы сократилось количество материалов, подготовленных самими редакциями газет. Вместо этого расширилось место, занимаемое официальными материалами, прежде всего, подготовленными Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС). Недовольство вызывала работа редакций, которая зачастую велась без плана и без выделения главных решающих задач. Г. Ф. Александров отмечал также слабый опыт работы на местах и был недоволен недостаточной критикой в местной прессе отстающих предприятий, колхозов и районов. Но при этом критика начальника Управления пропаганды и агитации плохо учитывала местные реалии, контингент редакций в это время сильно поредел.

По мнению Александрова, руководство местной печатью осуществлялось не на должном уровне. В своём письме секретарю ЦК ВКП (б) А. С. Щербакову он выделял следующие важные проблемы: во-первых, это недооценка отделами пропаганды обкомов и райкомов ВКП (б) значения газет как центра политической работы среди трудящихся, во-вторых, поверхностный анализ недостатков в работе, таких как низкий культурный уровень газет, слабое участие в газетах вне редакционного авторского ак-

тива, поверхностное освещение хозяйственно-политической жизни области. Третьей проблемой Г. Ф. Александров выделял отсутствие обеспечения населения систематической информацией о событиях на фронтах войны и нерегулярность публикаций обзоров военных действий. Особое недовольство у начальника Управления вызывало то, что секретари обкомов по пропаганде и их заместители, как правило, не читали районных газет [8, с. 514]. Однако местное руководство прагматично ставило на передний план задачи по выполнению государственных планов в сельском хозяйстве и промышленности. Пропагандистская сфера при всей своей кажущейся важности отодвигалась в сторону.

Обычным явлением в военные годы стал запоздалый выход не только местных, но и центральных газет. Тот же Г. Ф. Александров отмечал: «Многие областные и центральные газеты, как правило, выходят из печати во второй половине дня и рассылаются подписчикам на второй и третий день после выхода. Одной из основных причин систематического опоздания газет является крайне поздняя передача материалов ТАСС (зачастую передачи ТАСС продолжаются до 6 – 7 часов утра)» [Там же]. Средства массовой информации в годы войны также столкнулись с нехваткой кадров. Руководящий и редакционный состав газет, журналов и издательств резко сократился, при этом значительно ухудшилась его квалификация, а среди работников мест-

ной печати подавляющее большинство составляли люди с начальным и средним образованием [Там же, с. 515].

В целом по стране в годы войны, несмотря на необычайный рост спроса (как пишет Александров), резко сократился общий тираж. Так, если в 1940 г. общий разовый тираж газет составляла 37 454 тыс. экз., то в 1944-м он составил лишь 14 671 тыс. экз. Разовый тираж всех журналов по стране в 1940 г. составлял 14 600 тыс. экз., в 1944 г. – всего лишь 2 794 тыс. экз., то же самое касалось книг и брошюр. В 1940 г. в стране вышло 44 136 книг и брошюр общим тиражом 446 500 тыс. экз., в 1942 г. издательства страны выпустили только 16 520 книг и брошюр общим тиражом 358 261 тыс. экз., а в 1943 г. их количество ещё сократилось и составило 14 850 книг и брошюр общим тиражом 212 611 тыс. экз. Таким образом, разница только между 1940 и 1943 гг. составила более 50 % [Там же, с. 518]. На территории современной Владимирской области в начале войны выходило не менее 22 наименований газет общим тиражом более 93 тыс. экз. В течение войны тираж сократился до 81 тыс. экз., к концу 1942 г. уменьшение составило 13 %. Меньшими стали как форматы, так и объёмы изданий. К концу войны тираж снизился до 78 тыс., что составило 84 % в сравнении с первым полугодием 1941 г. С учётом численности населения, которое составляло 1 351 419 чел. согласно переписи 1939 г., охват его прессой был невысоким [5, с. 7, 40], а в течение войны

ещё более сократился. Следует также учитывать, что приведённые данные – расчётные, составленные на основе сведений о тиражах, опубликованных в самих изданиях. Отдельные наименования местных периодических изданий в 1943 – 1944 гг. таких данных не содержат вообще, поэтому охват мог быть на самом деле ещё ниже.

В письме А. С. Щербакову, датированном 31 марта 1944 г., Г. Ф. Александров писал: «В настоящее время в стране издаётся 3 680 газет, из них: 20 центральных, 160 республиканских, областных и краевых, 3 500 районных. Выпускается 199 журналов и 124 бюллетеня и периодических сборников. Общий тираж газет – 14 671 тыс. экз. и журналов – 2 794 тыс. экз. Имеется 120 издательств, из них: 62 центральных и 52 местных, которыми за два с половиной года войны издано 747 933 тыс. экз. книг и брошюр, из них по Отечественной войне – 250 млн экз., учебников – 45 млн экз., по промышленности, транспорту и связи – 24 млн экз., по сельскому хозяйству – 39 млн экз. и т.д.» [8, с. 512]. В масштабах такой огромной и населённой страны, как Советский Союз, приведённые выше цифры не кажутся слишком впечатляющими, особенно если смотреть на тираж.

Наряду с партийной периодической печатью существовали так называемые многотиражные заводские газеты. Данный вид газет весьма информативен и порой даже более интересен, чем районные и городские

газеты. Однако он сравнительно плохо сохранился. Так, сохранились номера газет крупнейших заводов города Коврова – «Абельмановка», «Экскаваторщик» и «Инструментальщик»; Кольчугино – «Металлист»; Муром – «Голос Дзержинца», «Семафор» и «Фанерщик», а также завода автотракторной осветительной арматуры в Киржаче – «Советская фара» и газета «Стахановец» органа политотдела I отделения Горьковской железной дороги.

Деятельность средств массовой информации в годы Великой Отечественной войны на территории Владимирского края можно условно разделить на четыре этапа. Первый этап охватывает период с начала войны и примерно до середины декабря 1941 г., его окончание связано с победой Красной Армии в битве за Москву. В этот период происходил переход пропагандистской работы с интернациональных на патриотические позиции. Вторым этапом продолжался с середины декабря 1941 г. и примерно до конца ноября 1942 г., когда Красная Армия начала операцию по окружению немецко-фашистских войск под Сталинградом. Этот период ознаменовался определённым «шапкокозакидательством», связанным с воодушевлением вследствие разгрома немецких войск под Москвой, а также преувеличением потерь вермахта и его союзников. Третьим этапом продолжался с конца 1942 г. и до конца 1943 г. – период коренного перелома войны в пользу Советского Союза. Для этого этапа характерен более

взвешенный подход в оценке обстановки на фронтах, всё чаще встречаются сообщения о сотрудничестве стран антигитлеровской коалиции. Заключительный этап войны примерно совпадает с последним периодом в деятельности отечественной периодической печати в военное время. В конце войны проблемы боевых действий стали постепенно отходить на второй план, больше внимания стало уделяться текущей экономической и социальной жизни области. Для Владимирского края следует учитывать также ещё один момент, который связан с воссозданием Владимирской области в августе 1944 г., что, конечно же, сказалось на деятельности редакций области в последние месяцы войны. Например, газета «Призыв» тем самым становилась уже не районной и городской газетой, а областной. И хотя административные преобразования по созданию необходимых областных служб и контор будут полностью закончены лишь ближе к концу войны, для периодической печати водоразделом может служить конец августа – начало сентября 1944 г.

В годы войны объем и тираж всех без исключения газет Владимирского края неуклонно уменьшались. Это было связано исключительно со сложным, а порой очень тяжёлым положением в нашем тылу. Несмотря на важность пропаганды среди населения в условиях войны, ограниченность средств для издания (недостаток бумаги, печатных материалов), а также сокращение штатов редакций

не позволяли не только увеличивать, но даже и поддерживать первоначальные тиражи на прежнем уровне на протяжении всей войны. Недостаток бумаги был связан как с трудным финансовым положением государства в годы войны, так и с потерей значительных промышленных мощностей по производству бумаги, следствием чего стало «постановление ЦК ВКП (б) о создании мощностей по производству газетной бумаги в восточных областях страны», изданное в августе 1941 г. Строительство целлюлозно-бумажного комбината в г. Чепце Кировской области было возложено на ГУЛАГ НКВД СССР, причём строительство комбината в отношении материально-технического снабжения было приравнено к оборонным стройкам. Завод должен был начать действовать уже в 1942 г., а окончательно войти в строй во II квартале 1943 г. [8, с. 118]. В начальный период войны недостаток в полиграфическом оборудовании, а также сокращение его количества были связаны с передачей значительной его части в вооружённые силы. Там оно использовалось для изготовления армейских и дивизионных периодических изданий. В дальнейшем уменьшение количества оборудования было вызвано износом и выходом из строя уже имеющегося и почти полного отсутствия новых поступлений. Так, И. А. Токарев отмечает: «Перед войной в СССР действовало 220 издательств и около 5 000 полиграфических предприятий... На восток

удалось перебазировать лишь часть полиграфического оборудования» [11, с. 336]. За три военных года количество издательств сократилось на 45 %.

Стоит отметить, что объём производства газетной и печатной бумаги на предприятиях наркомата бумажной промышленности и до войны не позволял обеспечивать полностью всё возрастающие запросы. Для сравнения: перед войной, т. е. в 1-м квартале 1941 г. среднемесячное производство газетной бумаги составляло 19 000 т, а печатной – 9 800 т. А через три года, в первом квартале 1944 г. среднемесячное производство газетной бумаги снизилось до 3 500 т, что составляло лишь 18,4 % довоенной выработки, а печатной – до 1 150 т, что соответственно составляло лишь 12,7 % довоенной выработки. Тот же Г. Ф. Александров отмечал, что даже достигнутый перед войной уровень производства газетной бумаги не позволял довести тиражи центральных и местных газет до размеров, удовлетворявших запросы читателей. В годы войны размер производства газетной бумаги был настолько мал, что ставил под угрозу срыва выход существующей сети газет, тиражи которых были до крайности уменьшены. В целом по стране только на издание школьных учебников и серии книг для школьных библиотек требовалось ежемесячно не менее 3 500 т печатной бумаги, на издание одной книги объёмом 15 печатных листов, тиражом 5 млн экз., позволявшим удовлетворить запросы ши-

рокого круга читателей, требовалось около 1 500 т бумаги [8, с. 520].

Полиграфическая промышленность Советского Союза считалась одной из наиболее отсталых отраслей народного хозяйства, её основные производственные процессы изготовления печатной продукции не были механизированы и продолжали оставаться на уровне технологии второй половины XIX в., причём это отмечали не какие-то недоброжелатели нашей страны, а начальник Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров, являвшийся высокопоставленным чиновником. Физический износ большей части оборудования достигал 60 – 70 %, а отечественное производство полиграфического оборудования до войны развивалось крайне медленно и в основном свелось к выпуску незначительного количества машин, большей частью устарелых конструкций. Начавшаяся война почти полностью прекратила производство полиграфического оборудования. За время войны производство шрифтов снизилось до 20 % от довоенного уровня [Там же, с. 521]. Более чем в половину сократилось количество рабочих, занятых в типографиях, расположенных в неоккупированных областях. Если в начале войны их число составляло 107,5 тыс. чел., то в 1944 г. их было лишь 50,5 тыс. [Там же, с. 522]. Большинство из этих работников было призвано в действующую армию.

Наиболее распространёнными форматами газет Владимирского края были А-2 (42×62,5 см) и А-3 (42×30 см).

Последний формат встречается значительно чаще, а владимирская газета «Призыв», изначально имевшая формат А-2, в течение 1942 г. полностью перешла на формат А-3. Цены на газеты варьировались от 5 до 20 копеек за номер и в течение войны медленно, но росли. Так, например, цена на ковровскую газету «Рабочий клич» выросла с 1941 г. по 1945 г. в два раза, с 10 до 20 коп. Газеты в более крупных городах (Владимир, Ковров, Муром, Гусь-Хрустальный, Александров, Вязники) стоили дороже, нежели в малых городах и посёлках. Цены на издания регулировались не уровнем области или определённого района, а спускались высшим руководством. Об этом пишет А. С. Щербаков в своём письме В. М. Молотову; там он тщательно указывает конкретные рамки цен с целью сделать периодическую печать как минимум безубыточной [8, с. 167].

О больших проблемах в работе СМИ, возникавших из-за износа оборудования, красноречиво свидетельствует годовой отчёт издательств по Владимирской области за 1945 г., в котором отмечался большой износ оборудования и необходимость его капитального ремонта [2, л. 27]. Эта проблема была типичной для всей страны. Современница О. С. Лункина, перед войной окончившая владимирскую школу фельдшеров-акушеров, вспоминала: «В деревне под Владимиром, где я жила с родителями, никакой информации о происходящем в мире не было. Газеты выписывали

2 – 3 семьи, да и то только для курева – на цыгарки» [1, с. 218]. Нельзя сказать, что такая ситуация была типичной на территории всего края, но отсутствие информации имело место в годы войны, особенно в сельской местности. Недостоверность и скудость информации могли порождать самые разнообразные и страшные слухи. Органы власти же пытались бороться со слухами жёсткими мерами [9]. Воспоминания О. С. Лункиной в некоторой степени подтверждают утверждение ответственного за пропаганду в годы войны Г. Ф. Александрова, который указывал, что для массовой пропаганды не хватало наличных средств из-за дефицита в полиграфической промышленности и «кадрового голода». Хотя бывало и такое, что значительная часть газет скупалась одним лицом, а остальным уже ничего не доставалось. О такой ситуации в Александрове в годы войны писала С. Гришина: «...Продавщица тов. Масалова в целях скорейшей распродажи допускает ненормальное явление: мальчики, заняв первую очередь, скупают газету, беря десятками номеров, а остальным уже ничего не остаётся» [3, с. 2]. Чисто формально тираж распродавался, но реальный охват населения становился меньшим, чем если бы каждый покупатель получал по одному экземпляру.

Следует иметь в виду, что вся советская пресса была подцензурной. Причём цензура носила предварительный характер. С 1933 г. по 1946 г. цензурой в Советском Союзе занима-

лось Управление Уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Усиление цензуры произошло незадолго до войны, что может служить косвенным доказательством того, что руководство страны предполагало её скорое начало.

В годы войны цензура играла скорее положительную роль. Она способствовала консолидации населения и идеологической победе советского народа. При этом следует избегать другой крайности, утверждающей исключительно положительную роль цензуры и, главное, её безошибочность. Такой подход подвергался критике ещё в советской историографии. Одновременно ошибочно было бы думать, что такие демократические страны, как США или Великобритания, не имели органов, занимавшихся цензурированием средств массовой информации, особенно в период войны. Начальник Главлита Н. Садчиков прямо писал о таких структурах в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) за двадцать дней до начала Великой Отечественной войны: «Во всех воюющих странах осуществляется в настоящее время самая строгая почтово-телеграфная цензура. Достаточно сказать, что англичане в 1940 году отправили на Бермудские острова 700 цензоров, контролирующих всю поступающую в Англию из других стран корреспонденцию. В лондонском почтамте работает 1 500 цензоров. В Германии письма не могут быть отправлены без

указания адреса отправителя. Он должен лично явиться на почту и предъявить паспорт. Отправитель не имеет права наклеивать на письмо марку, это делается почтовым чиновником. Все эти мероприятия в Англии и Германии введены в целях борьбы с разведкой противника и исключения передачи всякого рода сведений, которые правительство считает нежелательными» [4, с. 85 – 86].

Для военного времени наличие цензуры обычное явление, причём в период Второй мировой войны это не зависело от действовавшего в стране политического режима. Ярким примером здесь служит «демократическая» Великобритания, которая применяла схожие с Советским Союзом меры для обеспечения государственной безопасности во время войны.

Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, утверждённый на период войны, занимал несколько страниц. Запрещалось опубликовывать сведения о неудовлетворительном состоянии дисциплины и политико-морального состояния подразделения, части, корабля, соединения (к этому относилось невыполнение боевых приказов и распоряжений, случаи дезертирства, перехода на сторону врага, членовредительства, проявления недовольства материальным положением, случаи воровства, мародёрства, неуставных взаимоотношений военнослужащих между собой и населением). Запрещалось писать о предании суду и находящихся под следствием генералах, адмиралах, офицерского

состава Красной Армии и Военно-Морского флота, а также приводить цифровые данные о судимости рядового, сержантского, старшинского состава. Не подлежали опубликованию сведения о противнике, которые могли вызвать паническое и упадочное настроение как в действующей армии, так и в тылу. Нельзя было приводить выдержки из листовок, газет, радиопередач и других материалов противника, а также сообщать о фактах чтения военными и населением материалов, распространяемых противником; без разрешения начальников штабов нельзя было публиковать письма, дневники и показания солдат и офицеров противника. Особое внимание уделялось запрету на публикацию карикатур глав государств, членов правительств и членов миссий не только союзных нашей стране государств, но и тех, кто имел лишь дипломатическую связь с СССР. Помимо карикатур не положено было публиковать сведения об их въезде и пребывании в СССР, что делалось в первую очередь для их же безопасности. В то же время запрет на публикацию интервью с представителями иностранных государств в какой-то степени был мерой по принципу «кабы чего не вышло», так как всё равно интервью у них могли брать журналисты, работавшие на подконтрольную партии печать. Потому проникновение каких-либо крамольных сведений и высказываний в средства массовой информации было маловероятно.

Логичным был запрет на публикацию выдержек и цитат из материалов и изданий, имеющих ограничительные грифы: «Совершенно секретно», «Секретно», «Для служебного пользования» и ссылки на них (хотя, пожалуй, не все документы, подвергавшиеся засекречиванию в те годы, заслуживали этого). Секретными являлись сведения о правилах ведения секретной переписки, хранении секретных материалов, документов, потере и хищении секретных бумаг, все сведения о шифрах, шифровальной и дешифровальной работе.

Особое внимание уделялось безопасности государственного и военного руководства, и соответственно сведения об их местопребывании, маршрутах поездок, остановках и местах выступлений публиковать было нельзя.

В этом же перечне накладывался запрет на сообщения о шпионской, вредительской и диверсионной деятельности противника, о поимке шпионов, вредителей, диверсантов и о методах борьбы с ними, также нельзя было публиковать сведения о судебных процессах и о приведении в исполнение приговоров судов над военнопленными. Однако в центральной печати разрешалась публикация всех вышеперечисленных материалов с санкции соответствующих правительственных органов, в местных же изданиях разрешалась лишь перепечатка материалов из центральной печати, что нашло немалое отражение в газетах Владимирского края.

С разрешения Наркомата юстиции СССР в центральной печати

позволялось сообщать сведения о закрытых судебных процессах по государственным преступлениям, публиковать официальные сообщения о деятельности в пределах СССР антисоветских организаций, группировок и о борьбе с ними [8, с. 555]. Местная периодическая печать перепечатывала такие статьи и сообщения. Публикация сведений о военных преступлениях вермахта, СС и их союзников, а также изредка об изменниках Родины также использовалась в пропагандистских целях.

Помимо прочего, запрещено было публиковать статистику политических и уголовных преступлений как в целом по стране, так и по отдельным регионам вплоть до районов; нельзя было сообщать о количестве расстрелов, а также об административных высылках так называемого социально опасного элемента. И действительно, в газетах Владимирской области вышеперечисленных сведений обнаружить не удалось. Эти запретительные меры были целиком направлены на контроль над настроениями населения даже в заключительный период войны. При этом назидательные сообщения о выявлении, арестах и даже судах над «трусами», «паникёрами» и «шептунами» встречаются довольно часто, но наибольшее их количество приходится на начальный период войны.

Никаких сомнений не может вызвать запрет на публикацию сведений о номерах телефонов воинских частей, соединений, штабов, учреждений и прочего. Исключением бы-

ли лишь военно-учебные заведения, комендатуры и коммутаторы штабов военных округов. Средствам массовой информации запрещалось помещать материалы о конфликтах в пограничной полосе с соседними государствами, численности, месте нахождения и порядке использования военнопленных и перебежчиков противника. Секретными являлись сведения о системе и методах охраны границ, промышленных предприятий, государственных сооружений, мест заключения, а также о методах борьбы с контрабандой, бандитизмом и фальшивомонетчиками. Запрещалось писать о посещении воинских частей иностранными представителями, если эти сообщения не были правительственными [Там же].

Как известно, в СССР значительное число книг, журналов брошюр, особенно иностранных, имели ограничительный гриф, так как многие из изданий запрещались, изымались органами цензуры и отправлялись в спецхран, однако сообщать об этом, а также о методах работы органов цензуры было нельзя.

Для безопасности родственников семей военнослужащих, находящихся на территории, оккупированной врагом, запрещалось указывать местожительство военнослужащих. Нельзя было сообщать и нумерацию полевых почт. Для поддержания высокого морального уровня населения действовал запрет на сообщения об утере военнослужащими воинских, партийных и комсомольских документов [Там же, с. 556].

Для предотвращения возможных панических настроений нельзя было печатать сведения о катастрофах, происходивших с поездами на железнодорожном транспорте и судами на водном транспорте, сведения о катастрофах, взрывах и крупных пожарах на промышленных предприятиях, и в государственных учреждениях [8, с. 557]. С точки зрения современных средств массовой информации это может казаться неправомерным, но с позиции реалий военного времени это было верным решением. Оппоненты такого мнения, правда, могут сослаться на оговорку, действовавшую в данном документе и разрешавшую публикацию таких сведений, если на это есть решение правительства и, соответственно, сообщение становилось правительственным. На взгляд сторонников данного положения, это говорит о возможности умело манипулировать мнением масс, однако, как нам кажется, для относительно устойчивого функционирования государственной и общественной системы нашей страны в экстремальных условиях войны таковой запрет был не только правильным, а жизненно необходимым. Особенно важно это было в первый период войны, хотя и на заключительном этапе сообщения о различных катастрофах могли негативно повлиять на победоносное завершение войны. Особенно если учитывать, что фронтовые победы улучшали условия жизни в тылу. Сам процесс, успехи и итоги цензурирования местной прессы в годы войны представляет собой отдельную проблему [6].

Как для центральных, так и для местных газет основным поставщиком информации (так в источнике. — *И.Т.*) выступало в годы войны ТАСС. Телеграфное агентство Советского Союза поставляло информацию и пропагандистские статьи, а также снабжало печать фотоиллюстративным материалом. Кроме того, оно издавало ежедневные закрытые служебные выпуски секретного характера и бюллетень. Помимо этого издавались так называемые «окна ТАСС» [8, с. 134]. Всё это, с одной стороны, давало простор для деятельности корреспондентов местных газет только в рамках их района, города или административно-территориальной единицы, с другой стороны, позволяло максимально контролировать ту информацию, которая затем печаталась в газетах на самом низовом уровне.

Роль, которую играло ТАСС для районных газет, особенно ярко характеризует тот факт, что районным газетам ТАСС рассылало готовые клише. Причём через некоторое время после начала войны металлические клише были заменены пластмассовыми, что позволило как улучшить качество клише, так и упростить их экспедирование. Таким образом, экономилась сотня тонн металла. Снабжение районных газет в 1941 г. даже прекращалось на два месяца из-за эвакуации производственной базы Фотохроники из Москвы в запасную столицу Куйбышев. Несмотря на то что документы ТАСС не уточняют сроки этого перебоя, можно весьма точно предположить, что

эта неприятная для прессы ситуация сложилась в последние три месяца трудного 1941 года [8, с. 140]. С одной стороны, чисто технически эта рассылка, безусловно, облегчала работу местных редакций, ведь состав редакций с началом войны резко сократился, а общий уровень подготовленности работников снизился. С другой стороны, рассылка готовых клише ещё раз подтверждает всесторонний и всеобъемлющий контроль над прессой.

Большое значение имели фотографии, которые размещались в газетах. Они тоже поставлялись для местных газет ТАСС. В годы войны значение фотоиллюстраций, по мнению руководителей советской пропаганды, «неимоверно возросло» [Там же, с. 139]. В газетах печатались фотографии, отображавшие работу тыла и его помощь фронту, снимки из действующей армии или же, что чаще, изображения наиболее отличившихся бойцов и командиров РККА. Помимо этого практиковалось использование негативов и снимков, найденных у

убитых и плененных немцев. Однако, несмотря на декларируемые партийными работниками заявления о важности фотографии, в течение войны их присутствие в прессе постепенно снижается. В газетах, которые относились к небольшим районам Владимирской области в 1944 – 1945 гг., фотографии почти не встречаются. Это явление связано с отсутствием технических средств для их публикации.

В годы войны, несмотря на декларации партийных и государственных органов пропаганды и агитации, состояние местной прессы оставляло желать лучшего. Нужды фронта забирали едва ли не все трудовые и материальные ресурсы, а местная пресса снабжалась в значительной степени по остаточному принципу. С изменением ситуации на фронте состояние периодической печати не улучшалось, так как на него, как и на тыл советского государства в целом, действовали негативные экономические и кадровые факторы. Изменение ситуации случится лишь в послевоенные годы в несколько иных условиях.

Библиографические ссылки

1. Война глазами ветеранов: воспоминания владимирцев – участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Посвящается 100-летию со дня рождения Г. К. Жукова) / сост. А. О. Зуев [и др.]. – Владимир : Фолиант, 1997. – 621 с.
2. ГАВО РФ. Ф. Р-3738. Оп. 1. Д. 4.
3. «Голос труда». 1944. 8 апр, суббота.
4. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
5. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Демографическая ситуация во Владимирской и Ивановской областях в 1939 – 1945 гг.: динамика и характер изменений // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016, № 4. С. 39 – 42.

6. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (по материалам Владимирского края) // Вестник Ленинград. гос. ун-та. Сер. «История». 2015. № 2. С. 49 – 59.
7. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966 – 1001 (Разработочная таблица ф. 15А) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 05.01.2018).
8. Советская пропаганда в годы Великой отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. 805 с.
9. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011, – № 1. С. 19 – 32.
10. Тряхов И. С. Проблемы в работе органов пропаганды в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирского края) // Вестник Владим. гос. ун-та. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». 2017. № 1. С. 25 – 35.
11. Токарев И. А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007. – 370 с.

I. S. Tryakhov

**THE STATE OF THE MASS MEDIA DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR (CASE STUDY: PERIODICALS
OF THE VLADIMIR REGION)**

The mass media during the Great Patriotic War were a powerful instrument of ideological influence. In the proposed article, the author examines the state of the media in the period of the war hard times, using the example of a specific rear region, which had its own particular features.

Keywords: the Great Patriotic War, ideology, propaganda and agitation management, mass media, censorship, press, circulation, telegraph agency of the Soviet Union (TASU).

А. В. Маковецкий

**РОЛЬ ИЕРАРХОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ В ОТКРЫТИИ ПРИХОДОВ РПЦЗ
НА КАНОНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО
ПАТРИАРХАТА (1990 – 1995 гг.)**

Объектом настоящего исследования является обзор литературного наследия епископа Вашингтонского и Флоридского РПЦЗ Григория (Граббе) в связи с его непосредственным участием в процессе возникновения и организационного оформления приходов Зарубежной Церкви в СССР, на канонической территории Московского Патриархата в начале 1990-х гг. Предметом исследования являются богословские и публицистические тенденции в трудах епископа Григория в контексте полемики с представителями Московского Патриархата в обсуждении вопросов «сергианства», возможности участия православных церквей в экуменическом движении и канонизации Новомучеников и исповедников Российских. В результате исследования выявлены причины, сопутствующие идеологическому успеху миссии Архиерейского Синода РПЦЗ в процессе распространения своего влияния на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), Архиерейский Синод РПЦЗ, каноническая территория, епископ Григорий (Граббе), Первоиерарх РПЦЗ, Суздальско-Владимирская епархия РПЦЗ, церковно-государственные отношения, свобода совести, «сергианство», мировое Православие, экуменическое движение.

С самого начала процесса возникновения приходов РПЦЗ в России в начале 1990-х гг. [15, с. 1–2] активную роль в нем играл находящийся на покое иерарх РПЦЗ, бывший епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий (Граббе) [4, с. 164–165]. Не имея возможности непосредственно формировать политику Архиерейского Синода РПЦЗ в российских вопросах, епископ Григорий поддерживал тесную связь с епископами РПЦЗ в России, в первую оче-

редь с епископом Суздальским и Владимирским Валентином (Русанцовым)¹, оказывал им консультации канонического характера и затем представлял в Синод свои соображения по конкретным вопросам миссионерской деятельности Зарубежной Церкви.

¹ В этот период в СССР проживал еще епископ РПЦЗ Лазарь (Журбенко) с титулом Тамбовский и Моршанский, рукоположенный в г. Москве, тайно по благословению Архиерейского Синода РПЦЗ в 1982 г.

Одновременно с открытием приходов РПЦЗ в России в них стали широко распространяться многочисленные издания Зарубежной Церкви, среди которых было значительное число творений епископа Григория.

Литературное наследие епископа Григория

Литературно-публицистическое наследие епископа Григория чрезвычайно обширно. Оно состоит из двух десятков книг, посвященных каноническим и церковно-историческим вопросам, и внушительного количества статей и писем, разбросанных по разным изданиям Русского Зарубежья, и частично еще не опубликованных. В настоящее время еще не существует сколько-нибудь полного библиографического перечня опубликованных трудов епископа Григория. В то же время несомненный интерес для исследователей представляет архив епископа Григория, хранящийся в Отделе специальных коллекций Библиотеки Станфордского университета в Калифорнии [25].

В литературном творчестве епископа Григория можно выделить пять основных этапов: довоенный, белgrado-варшавский (1924 – 1938), послевоенный (1945 – 1960), эпоха митрополита Филарета (1961 – 1985) и заключительный (1986 – 1995). Рассмотрим каждый из этих периодов.

Довоенный период

Будущий епископ Григорий родился в 1902 г. и начал публиковаться в эмигрантской прессе, когда

ему было немногим более 20 лет. Особенно много публикаций будущего епископа датируются 1924 г., когда великий князь Кирилл Владимирович, старший из оказавшихся в эмиграции представителей династии Романовых, был провозглашен Всероссийским Императором в изгнании. Двадцатидвухлетний Юрий Павлович Граббе стал издавать в Белграде, тогдашнем религиозном центре русской эмиграции, газету «Голос верноподданного» – орган русских монархистов-легитимистов. Издание просуществовало около семи лет, на полосах газеты опубликованы также статьи будущего святого – святителя РПЦЗ Иоанна (Максимовича).

Белgrado-варшавский период

Первая известная церковно-каноническая работа будущего епископа Григория – брошюра «Корни церковной смуты», изданная в Белграде по благословению основателя РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого). В ней представлен анализ причин, приведших к зарубежным церковным разделениям – американскому, возникшему после провозглашения в 1924 г. самочинной «автокефалии» временным главой русских епархий в Северной Америке митрополитом Одесским Платоном (Рождественским), и евлогианскому, или парижскому, возникшему в 1926 г. из-за нежелания митрополита Волынского Евлогия (Георгиевского), назначенного управляющим

русскими приходами в Западной Европе, подчиниться Архиерейскому Синоду РПЦЗ, расположенному в Сремских Карловцах под Белградом.

Фундаментальная работа Юрия Павловича Граббе, посвященная идеям А. С. Хомякова, увидела свет в Варшавской Синодальной типографии в 1929 г. Она так и озаглавлена: «Алексей Степанович Хомяков». К вопросам, связанным с творчеством этого славянофила, епископ Григорий возвращался постоянно на протяжении всей своей жизни. Тезисы Хомякова о недопустимости так называемого «догматического творчества» и о «прямом действии» канонов Вселенских Соборов и святых отцов, важности преемственного сохранения церковной традиции и недопустимости каких-либо «реконструкций церковного института» встречаются во многих работах епископа Григория, касающихся участия Православной Церкви в экуменическом движении [9, с. 5 – 9].

В Варшавской Синодальной типографии также изданы в 1930 – 1931 гг. брошюры, являющиеся творческим осмыслением взглядов А. С. Хомякова: «Единство и единственность Церкви», «Англиканы и Православная Церковь», «Истинная соборность», «Культура, прогресс и Церковь», «Свобода с христианской точки зрения».

Для всех брошюр «варшавского цикла» характерна одна особенность. В них нет столь характерного для церковных мыслителей XX века

разделения на «внутрицерковную» и «профанную», мирскую, сферы. Воспитанный в монархическом и патристическом духе, владыка Григорий не принимал разделения жизни на частную, компонентом которой является церковная, и общественно-политическую, с которой церковная никак не связана, потому что якобы «Церковь находится вне политики».

Во всех без исключения работах владыки церковная проблематика рассматривается в контексте проблематики общественной. Владыка Григорий, давая церковную оценку различным политическим, культурным и научным процессам и явлениям своего времени, воспринимал Церковь как силу социальную, несущую практически всю полноту ответственности за жизнь общества (в случае с Русской Церковью – русского общества). Безусловно, он был сторонником «социального Православия», всю жизнь писавшем о том, что РПЦЗ призвана сохранить залог неповрежденного Православия для того, чтобы вернуть его в Россию после падения здесь коммунистического режима.

Под духовным руководством митрополита Антония (Храповицкого) в начале 1930-х гг. в Белграде Юрий Павлович издает еще две церковно-общественные брошюры: «Церковь и государство в будущей России» и «Единение и раздробление». Этот период его жизни совпал с началом работы в канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ, руководить которой владыке Григорию суждено было

вплоть до 1986 г. – года избрания Первоиерархом РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова). Публицистическое творчество во второй половине 1930-х и в 1940-е гг. представлено статьями в периодической печати: «Церковном вестнике», «Православной Карпатской Руси» и «Православной Руси». Значительная часть материалов II Всезарубежного Собора 1938 г., изданная отдельным сборником [2, с. 124 – 138], также принадлежит перу Ю. П. Граббе.

К началу 1950-х гг. фундаментальной основой идеологии ставшего священником Георгия Граббе становится тезис об окончательном разделении православного мира под влиянием катаклизмов XX в. на лжеправославный в лице Поместных Церквей и истинно-православный во главе с РПЦЗ. Обоснованию этого тезиса посвящена вышедшая в 1954 г. в Джорданвилле книга «Лжеправославие на подъеме». Она стала своего рода учебником для целого поколения пастырей Русского Зарубежья. Идеи и термины из этой книги можно встретить в проповедях архиепископа Аверкия (Таушева) [1, с. 7 – 15], митрополита Филарета (Вознесенского) [33, с. 81 – 133], иеромонаха Серафима (Роуза).

Эпоха митрополита Филарета (Вознесенского)

Наиболее полное выражение эта идеология нашла в книге «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом», изданной в Джорданвилле в 1961 г. Задуманная как ответ на рабо-

ту парижского богослова Троицкого «О неправде Карловацкого раскола» [36], «Правда о Русской Церкви» стала наиболее авторитетным доказательством каноничности РПЦЗ – историческим, богословским, юридическим и нравственным обоснованием обособленного пути Зарубежной Церкви вне Московского Патриархата. Публикация книги практически совпала с избранием нового Первоиерарха РПЦЗ – святителя Филарета (Вознесенского). В этот период владыка Григорий ближе знакомится с идеологией «старостильников» – приверженцев старого стиля в богослужении – христиан Греции, результатом чего стало появление работы «Измена Православию путем календаря».

Фундаментальная полемика с оппонентами РПЦЗ, начатая владыкой Григорием в книге «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом», была продолжена в брошюре «К истории русских церковных разделений за границей», опубликованной в 1985 г. [7]. Она была написана в ответ на работу профессионального критика РПЦЗ, канадского профессора Дмитрия Поспеловского, считавшего РПЦЗ излишне политизированной и неканоничной [34, с. 119 – 174]. Используя широкий круг источников по новейшей церковной истории, владыка Григорий убедительно доказывает правильность пути, по которому шла РПЦЗ с 1920 г.

В 1964 г. в Монреале начинается издаваться собрание сочинений епи-

скопа Григория под общим названием «Церковь и ее учение в жизни». Под этим названием вышло три тома в 1964, 1970 и 1986 гг. [22; 23; 24]. Последний, четвертый том собрания увидел свет уже после смерти владыки, в 1996 г., и был напечатан в Москве при участии прихода РПЦЗ в честь святого Царя-Мученика Николая [6]. В этом собрании сочинений представлены самые важные, ключевые статьи и работы разных периодов жизни владыки, так что оно позволяет составить достаточно полное представление о развитии его взглядов, основных идеях его богословия, философии и пастырской деятельности.

Епископ Григорий вошел в историю Зарубежной Церкви в первую очередь как выдающийся канонист – знаток церковного права, стяжавший за годы своей работы в канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ огромный опыт применения канонов в современной церковной практике. Первая работа, посвященная применению канонов в специфических условиях эмиграции, в которой РПЦЗ осуществляла свою деятельность, была опубликована по благословению Архиерейского Синода в Нью-Йорке в 1964 г. [19].

Главным литературным памятником епископу Григорию как канонисту стала Книга Правил Святых Апостолов и Вселенских Соборов в трех томах с примечаниями, изданная в Монреале в 1971 – 1974 гг. Лаконичные комментарии владыки к церковным правилам выделяют те

их аспекты, которые наиболее важны в современной практике, а обширные алфавитные указатели позволяют быстро ориентироваться в объемном материале канонического права.

Стремясь помочь западной политической и церковной элите разобраться в причинах русских церковных разделений и понять позицию РПЦЗ, владыка Григорий писал статьи и брошюры на английском языке. Например, в 1971 г. в Нью-Йорке была опубликована его работа «The canonical and legal position of the Moscow Patriarchate». Полемика с самочинными американскими автокефалистами была продолжена в брошюре «Отрицание вместо утверждения», изданной в Джорданвилле в том же году. К этому же циклу статей можно отнести статьи «Церковь на Аляске после двухсот лет» [3, с. 24 – 31] и «Докладная записка о каноничности и церковно-бытовом значении соглашения Московской Патриархии и Американской об Автокефалии последней» [20, с. 6 – 8], заслушанную на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ в 1969 г. Отдельное исследование о каноническом статусе Православной церкви Америки (ПЦА) нашло отражение в статье «О Томосе Американской Автокефалии», взятой за основу синодального определения об этой юрисдикции [21, с. 6 – 7].

Большую роль в проповеди Православия после распада СССР и прекращения коммунистического строя сыграла книга епископа Григория «Русская Церковь перед лицом

господствующего зла», увидевшая свет в Джорданвилле в 1991 г. [18]. В ней вновь, с учетом всего трагического опыта XX в., осмысливается исторический путь Русской Церкви, четко разделяются и противопоставляются друг другу курс РПЦЗ и Московского Патриархата. По силе эмоционального воздействия на читателя и по убедительности канонической и исторической аргументации книга занимает совершенно особое место в творчестве епископа Григория.

В период своей наиболее продуктивной работы в качестве руководителя дел канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ владыка редактировал официальный орган Синода – журнал «Церковная жизнь». Особенностью этого издания в тот период стала не только публикация церковных документов, но и актуальных новостей из жизни других церквей и конфессий, а также из сферы политики и культуры. Тогда сложился особый «граббовский» способ подачи информации, когда не столько сообщается о самом событии, сколько дается его грамотный анализ с церковной точки зрения. Имея очень широкий кругозор и наблюдая за публикациями в десятках инославных и светских изданий, владыка Григорий составлял для православных читателей «Церковного вестника» своеобразный путеводитель по процессам и тенденциям современного мира, которые имеют значение для дела спасения души и для будущего Церкви. Одно время, в начале 1980-х гг., такие подборки

новостей издавались под названием «Уведомления из Отдела внешних сношений Архиерейского Синода РПЦЗ».

Исключительное место в творчестве владыки Григория занимает образ его духовного наставника, Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого), который назначил в свое время 29-летнего выпускника Богословского факультета Белградского университета правителем дел Синодальной канцелярии РПЦЗ. В последних томах «Жизнеописания Блаженнейшего Митрополита Антония» [30], подготовленного архиепископом Никоном (Рклицким), помещены письма основателя РПЦЗ с комментариями епископа Григория. К различным юбилеям, связанным с жизнью и служением митрополита Антония, владыка Григорий публиковал о нем статьи в журналах «Православная Русь», «Православная Жизнь» и «Церковная жизнь». В 1986 г., когда отмечалось 50-летие со дня кончины митрополита Антония, была опубликована статья епископа Григория «Митрополит Антоний» [6, с. 31 – 37]. Характерно, что, несмотря на активную полемику вокруг специфического богословия митрополита Антония, которая велась среди зарубежных православных богословов, епископ Григорий проявляет себя как преданный ученик и последователь первого главы РПЦЗ. В этом отношении особенно показательна написанная в конце 1970-х гг. статья «О догмате искупления по митрополиту Антонию» [13, с. 38 – 43].

Епископ Григорий – автор и нескольких собственных богословских работ, посвященных экзегетике Священного Писания Нового Завета, экклезиологии, пастырскому богословию. Это статьи «О семи диаконах» [14, с. 294 – 298] (на стихи 2 – 7 из 6-й главы Деяний святых Апостолов), «Догмат о Церкви в современном мире», «Психиатрия и исповедь» [16, с. 237 – 242].

Заключительный период

В контексте проводимого исследования наибольший интерес представляет публицистическое творчество епископа Григория в период, непосредственно предваривший открытие приходов Зарубежной Церкви на постсоветском пространстве.

Последние годы жизни епископа Григория, уволенного на покой в 84-летнем возрасте, были еще более плодотворными, чем предшествующие, когда свою писательскую, публицистическую деятельность он совмещал с огромным объемом административной работы в Архиерейском Синоде РПЦЗ. Статьи этого периода опубликованы в основном в журнале «Православная Русь».

Вот главные из них: «Путь Русской Зарубежной Церкви» [17, с. 87 – 91], «Сомнительное православие группы митрополита Киприана», «Завет Святого Патриарха» [12, с. 31 – 37], «Нет ничего дороже истины» [8, с. 8], «Догматизация сергианства» [10, с. 5], написание которых по времени совпало с возникновением и организационным оформлением

приходов РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата в соответствии с новой стратегией Архиерейского Собора РПЦЗ [15, с. 1 – 2].

На момент открытия в России приходов и епархий РПЦЗ епископ Григорий являлся одним из активных сторонников возвращения иерархии Зарубежной Церкви на постсоветское пространство и убежденным противником возможности объединения с Московским Патриархатом.

Документы, отражающие роль епископа Григория в исследуемом процессе, хранятся в специальном фонде «Документы Григория Граббе, М0964» Отдела специальных коллекций в Библиотеке Станфордского университета в Калифорнии [32] и в деле 53/38 (личном деле епископа Григория) в Синодальном Архиве РПЦЗ в США.

Практически все документы, вышедшие из-под пера владыки Григория в 1990 – 1995 гг., были также опубликованы в периодических изданиях Суздальско-Владимирской епархии РПЦЗ [27; 28; 31; 35].

Доклады епископа Григория Архиерейскому Синоду РПЦЗ по российской тематике

Самые важные с точки зрения исторической объективности – доклады, сделанные епископом Григорием Архиерейскому Синоду РПЦЗ по практическим, каноническим и идеологическим вопросам миссии Зарубежной церкви в России в 1990 – 1995 гг.

О невозможности диалога с Московским Патриархатом

Вопрос возможности диалога с Русской Православной Церковью Московского Патриархата и восстановления евхаристического общения между двумя частями Российской Церкви стал актуален в среде РПЦЗ с началом в СССР «перестройки» и объявлением руководством страны «периода гласности». Незадолго до принятия Архиерейским Синодом РПЦЗ Постановления от 2/15 мая епископ Григорий направил в Синод доклад, в котором подверг анализу анонимный доклад «О возможности диалога с Русской Церковью Заграницей» [5, с. 61 – 64]. В качестве аргумента, подтверждающего невозможность начала такого диалога епископ Григорий приводит следующие доводы: «Зарубежная Церковь, канонически образованная как независимая область на основании Патриаршего определения 7/20 ноября 1920 г., ничем не погрешила против верности Матери Русской Церкви. Однако ее в принципе временная независимость отличается от статуса Экзархата. Из изложения Записки также явствует, что ряд явлений в Московской Патриархии, которые появились после кончины Патриарха Тихона и теперь нас разделяют, – суть последствия физического и насильственного устранения ее возглавителей, а затем – выдвижения гонителями Митрополита Сергия, который уже ввел управление, духовно оторванное от Патриарха Тихона и его Местоблюстителей-

лей-мучеников. Вместо исповедников, с 1927 г. Патриархия возглавлялась людьми, которые канонически должны быть определяемы как «падшие», поставив себя в услужение атеистической власти. В самом начале сергианства Митрополит Антоний сравнивал их с древними либелатиками. Позднее их служение как прислужничество антихристовой власти еще углубилось. С помощью террора эти начала возобладали над церковной властью. Неоднократно делались попытки через сергианство распространить эти начала и на Зарубежную Церковь, но она этому не поддавалась» [Там же, с. 62].

Подводя итог, епископ заключает: «В этом суть нашего разделения с Москвой. Оно может быть устранено только в двух случаях:

Прежде всего, в случае, что государственная власть в России изменится по существу, и тогда будут устранены те свойства ее, существующие в отношении Церкви, которые перечислены на последней странице Записки, а Патриарх отречется от сергианства. При существующих условиях это не может быть достигнуто простым частным соглашением между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией при ее современном состоянии. Наш Архиерейский Собор менее года тому назад отверг призывы Московской Патриархии, и Архиерейский Синод должен руководствоваться его определением» [Там же].

Епископ Григорий заключает свой доклад выводом о том, что начало диалога с Московским Патриархатом нанесет урон имиджу РПЦЗ в России и ее нелегальному иерарху на территории СССР – епископу Тамбовскому и Моршанскому Лазарю (Журбенко), тайная хиротония которого по решению Архиерейского Синода РПЦЗ состоялась в Москве в 1982 г. единолично архиереем РПЦЗ епископом Каннским Варнавой (Прокофьевым)²: «Согласившись теперь на диалог, мы отвергли бы святой подвиг Патриарха Тихона, Митрополитов Петра, Владимира, Кирилла, Вениамина, Иосифа и многих тысяч их последователей. Более того, это было бы принято в России как предательство по отношению к Епископу, священникам и мирянам, пусть малочисленным, но верным

---

² В 1982 году Преосвященный Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, вместе с Преосвященным Марком, Епископом Берлинским и Германским, по постановлению Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, тайно совершили архиерейскую хиротонию над иеромонахом Варнавой (Прокофьевым), дабы при содействии сих архипастырей урегулировать церковную жизнь Катакомбной Православной Церкви в России.

Поскольку теперь внешние обстоятельства более не вынуждают ни Преосвященного Епископа Лазаря в России, ни Преосвященного Епископа Варнаву во Франции состоять тайными Архиереями нашей Русской Зарубежной Церкви, то Архиерейский Синод официально заявляет об этом 1/14 августа 1990 г. [26, с. 6]

исповеданию истины, для которых Зарубежная Церковь служит источником духовной поддержки и одобрения» [5, с. 64].

Анализ публицистического наследия епископа Григория позволяет сделать несколько выводов.

Открытие приходов РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата явилось неканоническим деянием, что позже подтвердили и некоторые архиереи Зарубежной Церкви – архиепископ Берлинский и Германский Марк (Ардт) [29, с. 137 – 149] и епископ Ишимский и Сибирский Евтихий (Курочкин).

Аргументация епископа Григория при рассмотрении вопросов возможности диалога с Московским Патриархатом является его частным мнением и не совпадает с мнением по этому вопросу Архиерейского Собора РПЦЗ.

Литературное наследие епископа Григория и трансляция идей «Белой Церкви» в период демократических преобразований в СССР и коренного изменения церковно-государственных отношений послужили успеху миссионерской деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата.

Библиографические ссылки

1. Аверкий (Таушев), архиеп. Свято-Троицкая Духовная Семинария – ее значение, цели и задачи // Современность в свете Слова Божия. К 25-летию служения в Америке в Свято-Троицком монастыре. Слова и речи. Джорданвилль. (N.Y.) : Типография Преподобного Иова Почаевского, 1975. С. 7 – 15.
2. Граббе Ю.П. Взаимоотношение Русской Православной Церкви за границей и Матери-Церкви // Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1(14) – 11(24) августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939. С. 124 – 138.
3. Григорий (Афонский), еп. Церковь на Аляске после двухсот лет // Ежегодник Православной Церкви в Америке. Нью-Йорк, 1976. С. 24 – 31.
4. Григорий (Граббе Георгий Павлович) // Антуан Нивьер. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920 – 1995 : биограф. справ. М. : Рус. путь ; Париж : YMCA-PRESS, 2007. С. 164 – 165.
5. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ (По поводу докладной записки «О возможности диалога с Русской Церковью Заграницей») 7/20 марта 1989 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Русской Православной Церкви Заграницей. М., 1999. С. 61 – 64.
6. Григорий (Граббе), еп. Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. 340 с.
7. Григорий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime: 1917 – 1982». Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1992. 79 с.
8. Григорий (Граббе), еп. Нет ничего дороже истины // Православная Русь. 1990. № 22 (1427). С. 8.
9. Григорий (Граббе), еп. О положении экуменизма. Доклад Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви Заграницей // Православная Русь. 1985. № 17 (1302). С.5 – 9.
10. Григорий (Граббе), еп. Догматизация сергианства // Православная Русь. 1991. № 17 (1446). С. 5
11. Григорий (Граббе), еп. Докладная записка секретарю Архиерейского Синода РПЦЗ Лавру (Об управлении РПЦЗ) 9/22 сент. 1993 г. // Доклады Архиерейскому Собору, Синоду и Первоиерархам Православной Церкви Заграницей. М., 1999. С. 79 – 74.

12. Григорий (Граббе), еп. Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. С. 31 – 37.
13. Григорий (Граббе), еп. О догмате искупления по Митрополиту Антонию // Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. С. 38 – 43.
14. Григорий (Граббе), еп. О семи диаконах // Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. С. 294 – 298.
15. Григорий (Граббе), еп. Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви, принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей 2/15 мая 1990 года // Православная Русь. 1990. № 12 (1417). С. 1 – 2.
16. Григорий (Граббе), еп. Психиатрия и исповедь. // Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. С. 237 – 242.
17. Григорий (Граббе), еп. Путь Русской Зарубежной Церкви // Завет святого патриарха (Церковь и ее учение в жизни). М., 1996. С. 87 – 91.
18. Григорий (Граббе), еп. Русская Церковь перед лицом господствующего зла // Юбилейный сборник в память 1000-летия Крещения Руси 988 – 1988. Джорданвилль. N.Y. : Типография Преподобного Иова Почаевского, 1991. 175 с.
19. Григорий (Граббе), протопресв. О зарубежном церковном законодательстве. Нью-Йорк, 1964. 32 с.
20. Григорий (Граббе), протопресв. Докладная записка о каноничности и церковно-бытовом значении соглашения Московской Патриархии и Американской об Автокефалии последней // Православная Русь. 1969. № 23. С. 6 – 8.
21. Григорий (Граббе), протопресв. О Томосе Американской Автокефалии // Православная Русь. 1970. № 3. С. 6 – 7.
22. Григорий (Граббе), протопресв. Церковь и ее учение в жизни. Собр. соч. Монреаль ; Нью Йорк : Изд-во Братства Преп. Иова Почаевского, Т. 1, 1964. 272 с.
23. Григорий (Граббе), протопресв. Церковь и ее учение в жизни. Собр. соч. Монреаль ; Нью Йорк : Изд-во Братства Преп. Иова Почаевского, Т. 2, 1970. 323 с.
24. Григорий (Граббе), протопресв. Церковь и ее учение в жизни. Собр. соч. Монреаль ; Нью Йорк : Изд-во Братства Преп. Иова Почаевского, Т. 3. 1992. 380 с.
25. Документы Георгия Граббе. Калифорния 1930 – 1995 // Путеводитель документов Георгия Граббе. Калифорния 1930 – 1995. Отел специальных коллекций и университетских архивов Библиотеки Станфордского университета, 2013. Станфорд, Калифорния.

26. Заявление Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 1/14 августа 1990 г. // Православная Русь. 1990. № 15. С. 6.
27. К истории ухода духовенства и верующих города Суздаля из Московской Патриархии. Суздаль, 1997. 13 с.
28. Краткая история Российской Православной Церкви (РПАЦ). Суздаль, 2005. 20 с.
29. Марк (Арндт), архиеп. На пути к утравачиванию разделения в Русской Церкви – предсоборный процесс // Деяния IV Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей (Сан-Франциско, 7 – 14 мая 2006 года). М. : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. С. 137 – 149.
30. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время, 1863 – 1936 // Нижний Новгород: Братство во имя св. Александра Невского, Кн. 1. 2003. 716 с.
31. Орган Суздальского Епархиального управления Российской Православной Свободной Церкви // Суздальские Епархиальные Ведомости. Суздаль, 1997 – 2006. №№ 1 – 22.
32. Отдел Специальных коллекций «Зеленая Библиотека». Библиотеки Станфордского университета . Станфорд, Калифорния 94305-6004.
33. Послания святителя Филарета // Столп огненный. Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский Филарет (Вознесенский) и Русская Зарубежная Церковь, (1964 – 1985) / сост. и коммент. монахини Кассии (Т. А. Сениной). СПб : Искусство России, 2007. С. 81 – 133.
34. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке : [Перевод]. М.: Республика, 1995. С. 119 – 174.
35. Суздальский паломник №18, 19, 20. Специальный выпуск. Суздаль : Царенконстантиновский собор, 1994. 206 с.
36. Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и заграницей». Париж, 1960. 128 с.

**THE ROLE OF THE HIERARCHY OF THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN ESTABLISHING OF THE ROCOR PARISHES
IN THE CANONICAL TERRITORY OF THE MOSCOW
PATRIARCHATE (1990 – 1995)**

The object of this study is a review of the literary heritage of the bishop of Washington and Florida of the ROCOR, Grigory (Grabbe) regarding his direct participation in the process of the emergence and organizational formation of the ROCOR parishes in the USSR, in the canonical territory of the Moscow Patriarchate in the early 1990s. The subject of the study is the theological and publicistic trends of Bishop Gregory in the context of polemics with representatives of the Moscow Patriarchate in discussing of the issues of "Sergianism", the possibility of participation of Orthodox churches in the ecumenical movement and the canonization of the New Martyrs and Confessors of Russia. As a result of the research, the reasons accompanying the ideological success of the mission of the Synod of Bishops of the ROCOR in the process of spreading their influence in the post-Soviet space were revealed.

Keywords: Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR), Archbishopric Synod of ROCOR, canonical territory, Bishop Gregory (Grabbe), First Hierarch of ROCOR, Suzdal-Vladimir diocese of ROCOR, church-state relations, freedom of conscience, "sergianism", world Orthodoxy, ecumenical movement.

УДК 94 (94)

Н. С. Скоробогатых

**НЕОНАЦИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРАЛИИ:
РЕАЛЬНА ЛИ УГРОЗА?**

Н. С. Скоробогатых анализирует последние по времени тенденции в политической жизни Австралийского Союза, связанные с резкой активизацией правых сил в стране. Если в конце XX в. пугалом для правящего класса являлись слабо организованные группировки националистического толка, возникшие в ответ на одностороннюю трактуемую политику мультикультурализма, то в первые десятилетия нынешнего столетия эти настроения приобрели вполне осязаемые формы. В результате выборов 2016 г. в федеральный парламент после долгого перерыва вернулись сторонники партии Одной нации П. Хэнсон, произошел раскол Либеральной партии и выход из ее рядов части консерваторов. На низовом уровне в последние два года все чаще заявляют о себе молодежные группировки с неонацистской символикой и риторикой, чего не наблюдалось в этой стране со времен Второй мировой войны. Тому,

кто они, чего добиваются и почему в относительно благополучной пока еще Австралии все чаще возникают столь несимпатичные явления, и посвящена статья.

Ключевые слова: Австралийский Союз, мультикультурализм, Малколм Тернбулл, партия Одной нации П. Хэнсон, Вернуть Австралию, Стойкость, австралийский неонацизм, Объединенный фронт патриотов, Сопротивление антиподов.

Первые десятилетия нынешнего века отмечены очень тревожными тенденциями в политической жизни Австралийского Союза (АС) – резкой по местным меркам активизацией ультраправых сил. Если в конце XX в. пугалом для правящего класса были слабо организованные группировки националистического толка, возникшие в ответ на одностороннюю политику мультикультурализма, то начале XXI в. эти настроения приобрели вполне осязаемые формы. И надо сказать, испуг австралийских политических элит от появления националистической партии Одной нации (ПОН) во второй половине 1990-х гг. меркнет перед новыми волнами выступлений ультраправых в АС. Тому, кто они такие, чего добиваются и почему в относительно благополучной пока еще стране все чаще возникают столь несимпатичные явления, посвящена статья.

Если оглянуться назад, то первые проявления именно нацистских взглядов на Южном континенте наблюдались еще в 1930-х гг. После Второй мировой войны Австралия, по мнению многих, стала одной из немногих крупных стран, которая приняла большое количество бывших фашистов и, по словам «Jerusalem

Post», «не смогла осудить, денатурализовать, депортировать, изгнать или выдать ни одного нацистского военного преступника», предоставив «убежище некоторым из худших гитлеровских приспешников». В период с 1946 по 1951 г. в АС действовала Научно-техническая программа по трудоустройству иностранцев, в которой участвовали 127 немецких ученых; из них почти треть либо были связаны с нацистской партией, либо работали в области военных исследований или на химических заводах IG Farben, где использовался труд заключенных концентрационных лагерей [14]. Впрочем, такая практика была характерна не только для Австралии, достаточно вспомнить историю создания атомного проекта в США или «переселение» нацистов в страны Южноамериканского конуса.

АС и позднее «не был полностью свободен от неонацистской деятельности»: существовал целый ряд мелких локальных групп, таких как образованная в 1962 г. Австралийская Национал-социалистическая партия (в 1968–1970 гг. известная как Национал-социалистическая партия Австралии), или Австралийское националистическое движение Джека Ван

Тонгерена, который несколько раз сидел в тюрьме по обвинениям в нападении на выходцев из Азии. Время от времени они заявляли о себе: так, в начале 1990-х гг. синагогу в Брисбене оклеили антисемитскими плакатами, а в Аделаиде группа из двадцати неонацистов прошла по главному городскому торговому центру с криками «Seig heil» и «Heil Hitler» [14]. Кончались подобные им демонстрации скинхедов и неонацистов арестами, но это не остановило деятельность молодежных группировок крайне националистического толка.

В конце 2002 г. Стюарт Макбет, студент университета Ньюкасла, который ранее был связан с ПОН, основал Патриотическую молодежную лигу (ПМЛ). Ее члены называли себя «радикальными националистами» и взяли в качестве своего логотипа флаг Эврикского восстания – символ борьбы за независимость Австралии. ПМЛ выступала и в качестве молодежного крыла партии Австралия прежде всего /Australia First Party/ под руководством бывшего члена Национальной социалистической партии Австралии и лидера основанного в 1982 г. «национал-большевистского» Национального действия д-ра Джеймса Салеама, в 1970-х гг. состоявшего в рядах Австралийской нацистской партии. Оставаясь вне официальной политической системы страны, эти маргинальные группировки имели филиалы в крупных городах и поддерживали самые активные связи с единомышленниками в других англо-

язычных странах. В декабре 2005 г. члены ПМЛ участвовали в знаменитых «бунтах в Кроналла» /Cronulla riots/ – массовых межэтнических столкновениях, начавшихся после конфликта спасателей-добровольцев и молодых мусульман на пляже в одном из пригородов Сиднея [4, с. 241–261]. В 2006 г. упоминаемая группировка была распущена.

Отношение властей к такого рода явлениям было неоднозначным. С одной стороны, пропаганда нацизма была давно и повсеместно осуждена. С другой, принцип свободы слова не позволяет просто, без серьезных оснований запретить какое-либо выступление граждан. Результат такого расхождения проявился, к примеру, при попытке закрыть музыкальный фестиваль Hammered Music в столице штата Квинсленд в 2012 г. Мероприятие проводилось не в первый раз: сначала в течение первых двух лет оно шло на Золотом побережье, потом было перенесено в Брисбен. Организаторами выступали отделение «Скины-молотобойцы /Hammerskins/ Южного Креста» и группа «белого сопротивления» Кровь и Честь Австралии, действия которых местной прессой характеризовались как «фестиваль белых расистов». Генеральный прокурор Брисбена Пол Лукас заявил, что не будет блокировать этот музыкальный фестиваль, и отверг призывы парламентариев штата принять меры для его запрета. Тогда независимый депутат от округа Бернетт Роб Мессенджер предложил законопроект, предусматривавший тюремное

заклучение и штрафы в размере до 300 тыс. долл. для организаторов неонацистских мероприятий. В ответ генеральный прокурор заметил: «Мы не издаем запреты для людей, которые выражают дебилские, глупые и неправильные точки зрения ... Если они хотят выставить себя полными дураками и продемонстрировать свой менталитет, то это их дело. Но если они подстрекают людей к насилию или нарушают антидискриминационные положения, ... тогда мы передадим дело на расследование и возбудим уголовное преследование» [18].

В 2014 г. Австралийский онлайн-институт по предотвращению ненависти (ОПН) указал на факты распространения грубых антисемитских листовок в ряде районов Сиднея. «Просьпайся, белая Австралия, – евреи были изгнаны из 109 стран в ходе истории», – гласил текст послания, полученного еврейскими жителями в пригородах Сиднея и подписанного Сиднейским отделением расистской организации «Stormfront» /Грозовой шторм/ и рок-группой «Squadron 88» /Легион 88/ – «группы, которая будет делать то, что нужно сделать для белой Австралии». По общему мнению, 88 в названии группы – не что иное, как закодированное по 8-й букве алфавита приветствие «Heil Hitler». Рассылка листовок состоялась после событий августа 2014 г., когда, согласно сообщениям полиции, банда из восьми подростков села на городской автобус, перевозивший около 30 еврейских школьников в возрасте от 5 до 12 лет,

насмехалась и угрожала детям, в том числе говоря, что они «перережут им горло». В обществе заговорили о росте антисемитизма: «Мы должны быть очень обеспокоены тем, что такие антисемитские материалы распространяются в Сиднее. Это тревожный признак того, что экстремисты поддерживают распространение своих идей расовой ненависти. «Stormfront» – это веб-сайт, связанный с неонацистскими организациями и пропагандой расистских доктрин». Бывший в то время федеральным депутатом от округа Уэнтворт Малкольм Тернбулл заявил на своем веб-сайте, что те, кто несет ответственность за листовки, виновны в «не-австралийском поведении». «Эти листовки направлены на подрыв безопасности и гармонии в Австралии и, следовательно, всех австралийцев», – сказал он [12].

Но все то, что копится под спудом, рано или поздно вырывается наружу. В результате выборов 2016 г. в федеральный парламент после долгого перерыва вернулись сторонники партии Одной нации П. Хэнсон, чей рейтинг, по данным социологической службы «Newspoll», вплоть до настоящего времени (декабрь 2017 г.) колеблется в пределах 7–11 % – очень высокий показатель для партии, недавно считавшейся маргинальной [30]. Произошел раскол Либеральной партии и выход из ее рядов части консерваторов. Правящая коалиция Либеральной и Национальной партий не могла не считаться с новым раскладом сил и вынуждена была не-

сколько скорректировать свой курс в соответствии с требованиями новых членов парламента [5]. Однако это не остановило процесс поправки настроений рядовых австралийцев. На низовом уровне в последние два года все чаще заявляют о себе молодежные группировки с неонацистской риторикой, использующие соответствующую символику. Такое явление не уникально: аналогичная картина наблюдается и в Европе – как реакция на так называемый миграционный кризис. В АС предел терпения, видимо, практически исчерпан. Исламский терроризм и нескончаемые разговоры о легализации однополых браков стали тем спусковым крючком, который активизировал самые радикальные группировки белого населения, взявшие на вооружение наиболее неприглядные политические взгляды, которые, казалось бы, в истории XX в. должны были быть навсегда похоронены человечеством. Однако они возрождаются в мгновение ока, являясь крайне болезненной реакцией на эгоистическую, но последовательно проводимую политику политического класса. Неонацисты-подростки, в 2017 г. всполошившие мировую общественность, – это всего лишь верхушка более серьезных течений.

В середине 2017 г. внимание общественности как в АС, так и в США и Великобритании, чьи СМИ разместили на своих страницах соответствующие материалы, было привлечено к деятельности Сопrotивления антиподов (СА) /Antipodean

Resistance/. Группа появилась в штате Виктория в конце 2016 г. и имеет отделения в Новом Южном Уэльсе, Тасмании, Квинсленде и Западной Австралии. Перепуганные эксперты определили ее как незначительную неонацистскую и фашистскую группировку, использующую стилизованную символику Третьего Рейха, такую как свастика и нацистский салют, которая «прямо призвала к убийству еврейского народа». На растиражированных фото, снятых где-то в буше во время сборов в тайных лагерях радикалов, стоят шесть подростков, чьи лица закрыты масками, в которых обозреватели увидели «логотип, сочетающий в себе нацистский символ СС (череп. – Н. С.) и шляпу австралийского скотовода». Их руки подняты в нацистском приветствии, тут же сине-белые (цвета флага Эврики – знаменного для страны восстания 1854 г.) знамена со свастикой. Представитель Сопrotивления антиподов рассказал Fairfax Media, что группа считает себя серьезной организацией: «Мы – "буквально неонацистская группа" ... Мы верим в то, за что выступал Адольф Гитлер, и мы сражаемся за национал-социалистическое дело» [28]. Кроме того, СА взяла на себя ответственность за развешанные по Мельбурну плакаты, на которых ребенок, усыновленный гомосексуальной парой, трактуется как жертва педофилов, а также антисемитские плакаты и стикеры со свастикой в университете Квинсленда, Сиднейском университете, Совете профсоюзов Виктории,

Мельбурнской Грамматической школе и одном из торговых центров Мельбурна. Группа впервые и заявила о себе, когда они заклеили места для объявлений в двух университетах Мельбурна плакатами с надписями на китайском языке, которые гласили: «Внимание! В этот район китайцы не допускаются. Если вторжение произойдет, скорее всего, состоится депортация» [23]. Отделения СА организовали и те самые «лагеря радикализации» (для подготовки молодежи. – Н. С) в районе хребтов Данденонг в Виктории и в горах около Солнечного побережья в Квинсленде, где велись занятия по военной подготовке, которая включает в себя боевые искусства и навыки выживания в буше. Ее члены также совершали рейды по столицам штатов, где оставляли плакаты и наклейки со свастикой и нацистской риторикой, но собирались перейти и к другим видам деятельности. В частности, планировалось проведение акций по срыву голосования по однополым бракам и демонстрации своих радикальных взглядов в школах и университетах с высоким числом учащихся из Азии.

По оценкам прессы, все «пока ограничивается нацистским вандализмом», но аналитики по терроризму сразу предупредили и о возможности насилия. Так, эксперт Австралийского национального университета Кларк Джонс отметил, что подобного рода «группы растут, и они становятся гораздо более озлобленными и организованными для ведения того,

что они считают войной, расовой войной ... они чувствуют, что белая раса находится под угрозой, и считают, что единственный способ защитить ее – это насилие». Член федерального парламента от Австралийской лейбористской партии (АЛП) Энн Али, работавшая в области борьбы с терроризмом и радикализацией и выступавшая от имени всех национальных меньшинств страны, особо подчеркнула: «Пока мы так сосредоточены на джихадистской угрозе, мы упускаем еще одну очень реальную угрозу». Она призвала федеральное правительство вмешаться и запретить Соппротивление антиподов: «Должно быть больше понимания того, что эта форма радикализации столь же опасна, как и другие ее формы ... Я хотела бы, чтобы некоторые из этих групп были запрещены ... как террористические и насильственные организации... Они говорят о насилии и ненависти. Речь идет не о выражении мнения или участии в гражданских дебатах. Речь идет об убийстве людей» [11].

Впрочем, пока еще члены СА никого не убивали, так что д-р Али, видимо, выдает то, что ее тревожит, за действительное. Более того, сайты СА, пока еще доступные в Интернете (некоторые уничтожаются их противниками или просто блокируются), говорят о том, что терроризм не входит в арсенал ее членов: «Смешно сравнивать участие в самосовершенствовании и пропаганде здорового мировоззрения с тем, как давили детей в Ницце, или бомбежкой аэро-

порта в Брюсселе... Молодые люди в нашей стране разочарованы существующей системой и ищут решение. В сравнении с любым другим слабым подходом, естественно, что только сила нашего фанатизма и действий в состоянии привлечь их» [11].

По данным сайта СА, членство в группе ограничивается физически здоровыми белыми мужчинами от подросткового возраста до двадцатилетних, которые обладают определенными психологическими качествами: «Необходима сильная воля, чтобы быть радикальным политическим активистом любого типа, но это особенно важно для национал-социалиста. Вы, как ожидается, будете в состоянии справиться с высокими стрессовыми ситуациями, которые проистекают из того, что вы активист, а также быть в состоянии принять удар для защиты ваших убеждений» [25]. Но этим условием дело не ограничивается: «Мы не допускаем никакой дегенерации в наших рядах. Быть белым недостаточно. Каждое лицо, участвующее в Сопротивлении антиподов, должно иметь более высокий стандарт поведения. Мы выступаем против злоупотребления наркотиками, гомосексуализма и всех прочих гнилых, безответственных отвлекающих факторов, разложенных перед нами евреями и глобалистскими элитами. Мы стремимся строить общество по железным законам природы – законам национального социализма. Мы – те гитлеры, которых вы ждете» [24]. Не стоит забывать и того, что в других

документах СА звучит не только призыв вернуться к политике Белой Австралии, но и возродить гордость историей и культурой страны XIX – первой половины XX в. и боль за то, как их уничтожают: «Первая и вторая мировые войны лишили нас хороших людей. Международный коммунизм и еврейство действительно начали свою работу (подобно Виде Гольдштейн и Эгону Кишу)*, чтобы убедиться, что австралийская культура умерла в ее золотые годы ... Белая Австралия уродовалась на протяжении десятилетий, почти всегда без поддержки населения, а инфильтрация открытых коммунистов в академические круги прошла столь успешно, что они занимают ключевые позиции в большинстве крупных университетов» [27]. Таким образом, в жесткой и порой откровенно грубой форме брошен открытый вызов самым сокровенным и лелеемым постулатам доминирующей парадигмы политкорректности и неолиберализма. Сделано это крайне несимпатично, но объяснимо, учитывая общий контекст австралийской действительности. Риторика по образцу национал-социалистической, поминовение фюрера, свастика, присутствующие на агитационных материалах, – все это никак не добавляет симпатии к их авторам. Это огромный минус с точки зрения возможно-

---

* Вида Гольдштейн – австралийская суфражистка и политический деятель начала XX в.; Эгон Эрвин Киш – писатель и журналист, коммунист, в 1934 г. приехавший в АС с пропагандистскими целями.

сти массовой поддержки их целей. Помимо того, что в стране пока еще мало «любителей» правого экстремизма, вряд ли словесное калькирование гитлеризма увеличит число сторонников австралийских «ультрас». Впрочем, нужно видеть и отсутствие у них призывов к прямому насилию: главным образом, они заняты распространением агитации во всех доступных им формах. Жесткие требования к участникам и отказ от политкорректности тоже неоднозначны: в условиях АС расовый критерий отбора их состава – и сила (нет пятой колонны), и слабость (в стране много этнически смешанных семей, что значительно сужает социальную базу для неонацистов). Тем не менее, несмотря на всю их малопривлекательную риторику, комментарии читателей к ругательным статьям противников СА зачастую содержат слова сочувствия и поддержки людям, поднявшим свой голос в защиту австралийских ценностей и традиций эпохи послевоенных «золотых 50-х» [см. комментарии к: 23]. Однако СМИ гораздо чаще и охотнее публикуют гневные отклики их противников, которые, к слову сказать, тоже не ограничивают себя в крепких выражениях, тем самым нарушая принципы не только и не столько политкорректности, сколько обычной корректности [6]. На защиту мультикультурализма обычно встают этнические общины, университетская профессура, Австралийские зеленые и АЛП.

Позиция властей АС – всеми способами подавить активность ульт-

траправых и замолчать в австралийской печати их протесты. Потому в основном освещение их деятельности идет через Интернет и иностранные агентства. Естественно, что и Австралийская федеральная полиция (АФП) не оставила без внимания все эти факты: «Полиция обеспокоена тем, что экстремистские взгляды выливаются в незаконные действия. Применение насилия ... является незаконным и неприемлемым в демократическом обществе. АФП серьезно относится ко всем экстремистским группам, нацеленным на преступность, независимо от предыстории преступника» [11]. Неонацистские группировки постоянно находятся и в поле зрения правоохранительных органов штатов. Пресс-секретарь полиции штата Виктория заявил, что люди имеют право выражать свои убеждения, но не подстрекать к насилию: сотрудники его ведомства «следят за донесениями из различных источников, относящихся к любой группе, которая может представлять угрозу или риск для сообщества». «И мы хорошо оснащены, чтобы вмешаться для обеспечения общественной безопасности ... Мы уважаем право общества выражать свои взгляды мирно и законно, однако призыв к насилию и ненависти не является формой свободы слова, которую сообщество или полиция Виктории будут терпеть», – сказал он [28].

Приблизительно в том же духе было выдержано выступление ставшего премьер-министром АС М. Тернбулла по поводу плакатов с протест-

стами против проведения в сентябре 2017 г. плебисцита о равенстве браков для гомосексуалистов. Он отказался запретить гомофобные плакаты и в интервью радиостанции «2Dayfm» в Мельбурне сказал, что изображения были «обидными», но являлись частью политического процесса: «Люди часто участвуют в любых демократических дебатах, они часто говорят вещи, которые вредны и несправедливы, а иногда и жестоки, это – часть дебатов. Единственный способ остановить людей, которые говорят вещи, которые вы находите обидными, – это упразднить свободу слова ... Наше общество, самое успешное многокультурное общество в мире построено на фундаменте взаимного уважения. Я сожалею о неуважительных оскорбительных высказываниях, независимо от того, направлены ли они на молодых геев или людей других религий или людей других рас. Взаимное уважение и уважительная дискуссия – это то, что мы должны иметь в Австралии» [16]. К слову, сам автор статьи, в отличие от цитируемого им премьер-министра, считал, что такое уважение не должно распространяться на неонацистов.

В этой связи уместны несколько вопросов. Во-первых, не делают ли либеральные СМИ из мухи слона, боясь всерьез возрождения в стране неонацизма? Практически такая возможность невелика, учитывая свежую память печального опыта XX в. Далее, действительно ли политика политкорректности в опасности?

Вряд ли, поскольку мало кто в пражских кругах готов ею поступиться – это очень удобная, обкатанная и уютная для «продажи» избирателю и благодушному общественному мнению политическая риторика. Наконец, может быть, все дело в сенсации, также легко продаваемой? Не без этого. Однако важнее, на мой взгляд, другое. Присутствие «ультрас» в политическом пространстве для нынешней элиты удобно: на фоне крайне правых сами они смотрятся просто ангелами во плоти, и можно проводить и далее всю ту же удобную для себя политику, ничего кардинально не меняя.

Тот факт, что нынешний политический курс далеко не всех устраивает – ни для кого не секрет. Даже не надо пальцем тыкать в главных оппонентов в парламенте АС. На выбор – две газетные подборки. Недавний пример – новая волна и возрождение сецессионистских настроений в Западной Австралии, когда в августе 2017 г. либералы штата, недовольные коалиционной политикой федерального центра, на своей партийной конференции заговорили о новом повороте в своих целях: «Западная Австралия становится независимым государством в рамках Содружества». Особенно активны – и это весьма характерно! – именно молодые члены партии [38]. К слову, последний раз подобные призывы прозвучали в 1934 г. – и точно так же, как и ныне, призыв к отделению был криком отчаяния и несогласия с Канберрой [3, с. 111 – 113].

Мало у кого вызвало полное одобрение решение, принятое в августе 2017 г. местными советами двух округов Мельбурна, о переносе торжеств по поводу национального праздника – Дня Австралии на другую дату. Советник Ми-Лин Чэнь И Мэй, выдвинувшая такое предложение, заявила, что «это важный шаг, потому что день не был инклюзивным» [22]. По терминологии политкорректности это означает, что не учитывались мнения всех членов общества; и обоснованием такого предложения выступало как раз уважение к чувствам аборигенов, для которых, по их словам, высадка британцев на берега Австралии являлась стрессогенным фактором. Вместо государственного праздника предполагалось провести «традиционную церемонию курения, подчеркивающую тягостность этого дня для многих коренных народов» [20]. Если учесть, что аборигены – это всего 2 % населения, то подобная трактовка принципов демократии начинает восприниматься болезненно уже большинством населения, из которого около 70 % – прямые потомки британцев, некогда превративших отдаленный и засушливый континент в одно из самых комфортных мест для проживания людей – на нынешний день и для аборигенов в том числе. Увы, это уже не первая попытка весьма своеобразного, политкорректного пересмотра истории страны, регулярно предпринимаемого в университетах АС [26, ch. 6]. Даже толерантное ко всему правительство АС на сей раз

воспротивилось такому обороту дел. М. Тернбулл охарактеризовал решение Совета как «атаку на День Австралии». «Я признаю, – отметил он, – что День Австралии и его история является сложной для многих коренных австралийцев, но подавляющее большинство полагает, что 26 января ... должен оставаться нашим национальным днем» [22]. В этом его поддержал и лидер АЛП Билл Шортен.

Реакция молодых австралийцев была жестче. В этой связи репрезентативна позиция 19-летнего правого радикала (по оценке авторов сетевого материала, скинхеда) Брайса Кантрелла. По его словам, он устал от людей, которым, «похоже, нет дела до гордой истории Австралии». Брайс стал стойким антимультимедийным культурологом в 15 лет после развода родителей. «Мультимедийность не работает, – убежден он. – Мы должны вернуться к тому времени, когда Австралия гордилась тем, кем мы были». В его словах сквозила ностальгия по мирному австралийскому обществу периода 1935 – 1945 гг., когда, по рассказам старших, у людей и мысли не возникало «протестовать против таких вещей, как День Австралии». На него оказало большое влияние прочтение «Майн Кампф», он стал по-другому смотреть на своих соседей: «Они ничего не знают о нашей культуре и истории. Индийская семья по соседству не знает, что это такое, иметь дедушку, воевавшего во Второй мировой войне ... Или сингапурцы, живущие вниз по улице? Они не представляют, каково это – потерять чле-

нов семьи во время падения Сингапура» [29].

Хотя во взглядах, идентичных изложенным, содержится немало правды и справедливой критики явных издержек мультикультурной политики, перспективы массовой поддержки неонацистов в АС на сегодняшний день все же невелики. Во-первых, тянувшийся за ними (или приписываемый им) шлейф гитлеризма сам по себе выглядит отталкивающе. Общество, что естественно, реагирует на него крайне негативно: митинги правых порой стенка на стенку сталкиваются с еще более массовыми протестами антифашистов и сторонников мультикультурализма. Так, на акциях протеста против строительства мечетей дело часто доходило до рукопашной, и полиция разгоняла оппонентов, подвергая аресту зачинщиков драк [13]. Тем более, за спиной сторонников мультикультурализма все: и СМИ, и левая университетская профессура, и этнические общины, составляющие ныне уже около четверти населения страны, и даже крупные международные корпорации, крайне заинтересованные в доступе к недрам Австралии [2, с. 92 – 104]. Национальная идея в эпоху глобального увлечения потреблением мало кого увлечет всерьез. Да и влияние пропаганды на умы рядовых граждан никто не отменял, а СМИ всячески препятствуют распространению взглядов радикалов; например, в мае 2017 г. без всяких видимых причин Facebook полностью удалил платформы австралийских

крайне правых и личные аккаунты их лидеров [35]. Тогда как описания протестных прогрессивных акций с призывами: «Сокрушить фашизм!», «Мусульмане приветствуются, расисты нет!» массово распространяются и хранятся в сетевом пространстве годами [17].

При этом не стоит обольщаться мнимым миролюбием и беззащитностью мусульман. Последние по времени их громкие акции говорят за себя сами. В 2015 г. житель Сиднея Диаа Мохаммед объявил о создании Австралийской мусульманской партии, которая, по его словам, будет стремиться озвучивать исламские перспективы в национальных дебатах [21]. Еще большую весомость представляет в этой связи получившее широкую огласку в прессе выступление по ТВ в феврале 2017 г. умеренного по своим взглядам мусульманского имама Шейха Мухаммада Тавиди, известного открытыми высказываниями против ИГИЛ и экстремистов. В интервью программе «Seven's Today Tonight» он откровенно заявил, что независимое исламское государство на территории Австралии – повестка дня для его единомышленников из лагеря радикалов [8]. Словом, оснований для беспокойства по поводу намерений все увеличивающейся по численности мусульманской общины в АС имеется предостаточно. Тем не менее СМИ этим явлениям стараются не придавать слишком большого значения и всячески принижают эффект от таких вступлений.

Внутри самого правого движения тоже существуют проблемы: весьма серьезные несогласия меж собой и раскол в рядах, порождающие внутреннюю слабость их дела. Группы правого толка продолжают множиться; так, в 2015 г. была основана еще одна антимусульманская партия, отрицающая насилие, – Австралийский альянс свободы. В 2016 г. была официально зарегистрирована партия Love Australia or Leave, платформа которой включала оппозицию иммиграции и исламу в Австралии и выход страны из Организации Объединенных Наций [21]. Группировка Вернуть Австралию (ВА), также выступающая против исламизации АС, иногда находит общий язык с партией Одной нации Полин Хэнсон; к ним близок, к примеру, Австралийский альянс свободы, который разделяет опасения по поводу ислама и выступает против абортных и однополых браков, но все они стараются избегать крайних точек зрения. Так, ВА изо всех сил старается дистанцироваться от созданного в 2015 г. ультраправого Объединенного фронта патриотов (ОФП), от которого «люди бегали, как от чумы», не желая иметь что-то общее с «откровенно расистскими людьми, исповедующими некие действительно бескомпромиссные взгляды на мусульман в целом» [32]. Впрочем, были случаи, когда борьба против исламизации страны, напротив, сближала и представителей этих группировок. Именно на объединенном митинге ВА и ОФП в Перте в ноябре 2015 г. его лидеры

издевательски обошлись со случайно попавшей к ним беженкой из Афганистана Рахилой Хайдари, которая в 2011 г. приехала в Австралию, училась в университете, нашла работу переводчика и потом служила послом ЮНИСЕФ [15]. Жесткость и порой жестокость ОФП отталкивали от него возможных союзников.

По приблизительным оценкам, в Австралии насчитывается около 100 активных неонацистов из различных групп, включая «Squadron 88» и «Hammerskins», которые в США считаются наиболее организованной группировкой наци-скинхедов. ОФП выделился из группы Вернуть Австралию после спора между ее организаторами. Возглавил его бывший главный промоутер социальных медиа в ВА, член неонацистской группы металлистов и самопровозглашенный «Великий Австралийский Патриот» Шерман Берджесс. С ним сотрудничал Нил Эриксон, признанный в 2015 г. виновным в преследовании мельбурнского раввина, по мнению судьи, из расовых предрасположений, «если не ненависти». Третий лидер – Блэр Коттрелл, который был заключен в тюрьму за поджог и размещал в социальных сетях призывы читать в школах «Майн Кампф». Все они крайне несимпатично аттестуются их противниками [37]. В сентябре 2017 г. три крайне правых националиста – Коттрелл, Шортис и Эриксон – предстали перед судом за то, что в 2015 г. выложили в Интернет инсценировку казни по-мусульмански – обезглавливание манекена игрушеч-

ным мечом перед зданием городского совета Бендиго. Таким способом они хотели выразить свой протест против строительства мечети здесь, в центре штата Виктория. Мужчины на видео скандировали «Аллах Акбар» и пролили имитацию крови на тропинке и клумбе рядом с горсоветом Бендиго. Они были признаны виновными в разжигании проявлений неуважения к мусульманам и были оштрафованы на 2 тыс. долл. [19]. Общественный резонанс был колоссальный – никак не соответствовавший шутовскому деянию; что, впрочем, лишь дало возможность ОФП еще раз прорвать блокаду СМИ и заявить о своих целях. Коттрелл и его сторонники подчеркнули на своем сайте, что протесты противников, «их навязчивые высказывания, отсутствие эмоционального контроля и насильственные контрпротестные акции вынудили нас встретиться с сотнями тысяч – или миллионами – австралийцев, которые в противном случае никогда бы не знали, что мы существуем» [10].

Строго говоря, Объединенный фронт патриотов, который ряд СМИ окрестили «группой ненависти», по-видимому, наиболее крупная австралийская ультраправая националистическая антиисламская организация, базирующаяся в штате Виктория, выступающая с уличными протестами против иммиграции, мультикультурализма и ислама. На пике популярности у нее было порядка 50 тыс. сторонников. Когда в октябре 2015 г. Берджесс покинул ОФП из-за разногласий и оскорблений в его адрес со

стороны бывших единомышленников, новым лидером организации стал Коттрелл. Судя по выдержкам из его интернет-сайтов, он противник феминисток, не политкорректен и далеко «не интеллектуал»; на тех же страничках в соцсетях своих симпатий неонацизму не скрывает. На счету ОФП с 2015 г. несколько демонстраций и митингов в городах, акции протеста антимусульманской направленности, публикация агитационных материалов. ОФП намеревался даже участвовать в федеральных выборах 2016 г. с выдвижением своих кандидатов в сенат [36].

С этой целью в ноябре 2015 г. после митингов правых организаций, развернутых по всей стране, Коттрелл обратился к 26 тыс. активных членов группы с видеозаявлением о планах создания собственной политической партии: «Пользуясь случаем, я хотел бы объявить нашу политическую партию. Она будет называться “Стойкость” /Fortitude/» [9]. И год спустя ОФП, преодолев разлад в руководстве, объявил о решении конкурировать на выборах на платформе прекращения «левого предательства и распространения исламизма» [21]. В базовых документах партии указывалось: «“Стойкость” – австралийская политическая партия, рожденная в недрах первого патриотического уличного движения Австралии: Объединенного фронта патриотов». Цель ее учредителей – «создать легитимный политический рычаг ... для уличных акций ОФП» и изменить отношение австралийцев к

своей стране, «возрождая чувство общности, гордости, чести и долга» [7]. Был провозглашен лозунг партии: «Ради нашего народа и нашей страны. Встанем без страха», и обозначена цель: «Наши намерения заключаются в том, чтобы вести нашу нацию идеологически последовательным путем, благодаря которому интересы австралийцев и наша конституция обрели крайнюю значимость». В числе мер, «которые необходимо принять немедленно», значились: прекращение всей дальнейшей мусульманской иммиграции и строительства мечетей в АС; освобождение от должности всех членов парламента, общественных институтов и групп, «признанных нарушающими конституцию Австралии и использующих свое влияние для подрыва австралийского гражданства»; «полное реформирование государственной образовательной программы – возобновление образования для развития и укрепления нации – взамен системы индоктринации, которая сегодня проходит как образование»; «выдвинуть федеральное обвинение в заговоре и государственной измене, которое будет предъявлено основным органам средств массовой информации, подозреваемым в подрыве и деконструкции австралийского гражданства». Эти призывы дополнялись рядом других требований: налоговой реформы в интересах «австралийского рабочего, владельца малого бизнеса и единоличного собственника»; иммиграционной реформы с учетом реальных потребностей страны и с

учетом сохранения приоритета для австралийских специалистов; реформы социального обеспечения с целью оказания помощи сугубо целевым способом, «защищая интересы законных кандидатов на социальное обеспечение». В программе партии критиковалась практика «принятия внешнеторговых сделок в рамках "свободной торговли", которые приносят очень мало и зачастую вовсе не приносят пользы Австралии»; содержался призыв «прекратить продажу национальных активов, в частности инфраструктуры; жесткое регулирование иностранной собственности, в частности китайской собственности, на наше сельское хозяйство». По сути дела, реализация таких требований означала отказ от основ экономического курса нынешнего правительства АС. Наряду с укреплением обороноспособности страны и модернизацией военно-воздушных и военно-морских сил, рациональным использованием природных и минеральных ресурсов, важное место в программе ОФП отведено и образованию: «Мы хотим ввести универсальный предмет, который готовит и преподает старшеклассникам практические навыки и знания в отношении повседневной жизни, чтобы улучшить их понимание австралийского общества. Эта тема будет включать австралийскую историю, банковскую деятельность, налогообложение, политику и нашу конституцию» [32].

Без сомнения, ничего сугубо нацистского или фашистского в платформе «Стойкости» нет. Это скорее

декларация намерений типичного по австралийским меркам правого популистского движения, во многом – кроме риторики – совпадающая с требованиями, скажем, той же П. Хэнсон. Во главе партии стоят руководившие ОФП молодые (30 – 40 лет) белые мужчины. Настроения тех, кто выдвигал эти постулаты, сформулировал один из лидеров «Стойкости» Деннис Хатс из Перта: «Большую часть своей взрослой жизни я испытывал глубокое чувство разочарования, видя постоянное погружение австралийской культуры в марксистское забвение. Когда я нашел ОФП и их страсть к восстановлению того, что мы потеряли, я знал, что должен быть частью этого. Платформа ОФП обращается прямо к сердцу нации и подрывает базу истеблишмента до ее основ» [31]. Здесь, видимо, и следует искать неприязнь к правым популистам со стороны власти имущих. Но именно на этой основе ОФП легко может скооперироваться на выборах с той же Одной нацией. Правда, среди зарегистрированных на 2017 г. политических партий АС «Стойкость» не числилась.

В свете этого лозунги и символы нацизма, встречающиеся в публичных акциях ультраправых, выглядят, скорее, либо криком отчаяния (вот до чего вы нас довели!), либо угрозой (вот, что вы получите, если не придем к разумному компромиссу!). В любом случае это вызов политике экономического рационализма и мультикультурализму в его нынешней версии со стороны рядовых

граждан и молодежи АС. И главная опасность именно в этом: молодым умам свойственна незрелость и радикализм суждений, но именно на таких настроениях к власти могут прийти и по-настоящему опасные шовинисты и ксенофобы.

Вопрос усиления популярности расширения социальной базы ультраправых в целом и неонацистов в частности упирается в их финансовую и общественную поддержку. Говорить о денежных ресурсах нет возможности: такие данные, если и есть, нигде не публикуются. Общественное мнение надо мониторить на месте и углубленно, ибо австралийские СМИ освещают события, связанные с правыми, крайне тенденциозно, предпочитая анализ их взглядов и действий огульным и часто необоснованным обвинениям в фашизме. Но тот факт, что в стране множатся и растут радикальные правые группировки, свидетельствует и о наличии слоев, где возможна потенциальная поддержка даже неонацистов. Особенно настораживает, что в их рядах именно молодые люди – будущее страны. Во всяком случае нельзя не замечать этих явлений: история учит, что в свое время никто не брал во внимание ни ефрейтора А. Гитлера, ни маленькую партию большевиков. Во что вырастут сторонники неонацизма и каковы его шансы стать доминантой правого спектра политической жизни АС, пока остается только гадать.

Утешает то, что большинство людей с годами становятся мудрее, и

убеждения, как правило, меняются в сторону большей умеренности. Помимо этого весьма гипотетического во многих отношениях тезиса более оптимистические надежды внушает то, что политический класс Австралии всегда обладал достаточным запасом прочности и практической сметки, чтобы предотвратить крушение страны и ее государственности в самых непростых ситуациях. И еще одно наблюдение в пользу более плавного развития ситуации: наибольшая активность крайне правых развернулась в период предвыборной кампании 2016 г., что дает основания полагать, что это был один из способов давления на истеблишмент, с тем чтобы заставить прислушаться к своим требованиям. К концу 2017 г. новых сообщений на сайтах неонацистов стало гораздо меньше, не говоря уже о прессе, которая всегда старалась по возможности замолчать их акции. Впрочем, причина последнего явления проста: в рамках борьбы с крайним радикализмом в декабре 2017 г. Twitter начал избавляться от ультраправых и неонацистских аккаунтов во исполнение запрета на выступления, содержащие призывы к ненависти. Новые рекомендации по фильтрации сетевого пространства вступили в силу и почти сразу привели к приостановкам деятельности платформ социальных сетей. В Австралии сайт группы Сопротивление антиподов также был приостановлен [34]. Впрочем, от того, что Twitter закрыл страницу, проблема существования и роста крайне правых настро-

ений в Австралии не ушла. Между тем опыт учит: запретный плод весьма сладок, так что есть основания полагать, что такое демонстративное действие может подогреть еще больший интерес к идеям, которые могут представлять опасность для стабильного развития общества.

***

Таким образом, в настоящее время мало оснований считать серьезной угрозой возрождения неонацизма в АС. Во-первых, последний – это только одна из версий крайне правой альтернативы. В программных заявлениях политических партий и групп такого толка в подавляющем большинстве нет и намека на нацизм. Все их положения и предложения укладываются в обычные рамки националистических и популистских постулатов. Да и набор требований в программных документах радикалов допускает возможность кооперации с умеренными правыми силами страны и создания более широкой коалиции правых сил, например, с той же партией Одной нации П. Хэнсон и другими. Это говорит не только о присутствии австралийцам политическом прагматизме, но и реальной перспективе не алармистского развития событий.

Во-вторых, акцентированный радикализм, в том числе с использованием нацистской атрибутики, следует скорее отнести к крайне болезненной реакции той части населения страны, особенно молодежи, которой надоели односторонне интерпретируемые мультикультурализм и полит-

корректность. Эти люди – и их так немало – видя в них прямую угрозу национальной идентичности, одновременно убедились, что ведущие политические партии попросту игнорируют их позицию и словно не видят их протестов. Поэтому пока лозунги и демонстрация нацистской символики некоторыми молодыми радикалами носят явно демонстративный, провокационный характер, призванный привлечь как можно больше внимания – пусть на фоне негатива – к затронутым и очень болезненным проблемам. Здесь просматривается некая типологическая схожесть с профашистскими настроениями выходцев из России, поселившихся в АС. В период 1930 –

1940-х гг. они увидели в гитлеровской Германии «хоть какую-то силу, способную уничтожить ненавистный белым русским большевистский режим в СССР» [1, с. 140]. Массовой симпатии такая позиция не вызывала ни тогда, ни в наши дни; и как русские фашисты военной поры, так и нынешние австралийские нацисты тут же попали в поле зрения спецслужб. Эта аналогия отчасти объясняет механизм возникновения откровенно экстремистских лозунгов и настроений и причины обращения молодежи к самым крайним формам общественного давления.

Но одновременно и заставляет вспомнить известное изречение: «Ignorantia non est argumentum».

Библиографические ссылки

1. Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / отв. ред. и состав. В. Ю. Жуков. СПб, 2011. С. 140.
2. Скоробогатых Н. С. Австралийские правые как отражение протеста «молчаливого большинства» // Социальный протест на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: всерос. науч. конф. (Иркутск, 12 мая 2017 г.): материалы [редкол.: С. И. Кузнецов и др.]. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. Библиотека исторического факультета.
3. Скоробогатых Н. С. Вехи конституционного пути Австралии (1788 – 2000). М., ИВ РАН, 2006.
4. Скоробогатых Н. С. Мультикультурализм в Австралийском Союзе: новый XXI век, старые проблемы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XVI (ЮВА 2010–2011). М., ИВ РАН, 2011.
5. Скоробогатых Н. С. Выборы 2016 г. в Австралийском Союзе // Институт востоковедения Российской академии наук. Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. 37-я межинститут. науч. конф. «Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура». Тезисы и доклады. 8 дек. 2016. М., ИВ РАН, 2017 (<http://book.ivran.ru/f/doklady-yuti.pdf>).
6. 100% Fkd Neo-Nazi Posters Plastered Across Melb Uni Over The Weekend. By Alex Bruce-Smith. December 5, 2016 (<https://www.pedestrian.tv/news/100->

- fkd-neo-nazi-posters-plastered-across-melb-uni-over-the-weekend/) (дата обращения: 25.06.2018).
7. About us (<http://www.fortitude-australia.com/about-us/>) (дата обращения: 25.06.2018).
  8. 'The agenda is to create a country within your country': Islamic leader warns radicals have a shocking secret plan to create a Muslim state inside Australia... funded by taxpayers. By Riley Morgan For Daily Mail Australia. PUBLISHED: 06^{:19} BST, 25 February 2017 | UPDATED: 22^{:16} BST, 25 February 2017. (<http://www.dailymail.co.uk/news/article-4258692/The-shocking-secret-plan-Muslim-state-Australia.html>) (дата обращения: 25.06.2018).
  9. Anti-Islam group announces in Perth plans to launch political party, Fortitude. AAP. November 25, 2015 10^{:49}am (<http://www.perthnow.com.au/news/western-australia/antiislam-group-announces-in-perth-plans-to-launch-political-party-fortitude/news-story/7c76b4e84382f8cb16d5ae5e5aec35bc>) (дата обращения: 25.06.2018).
  10. Anti-Islamic group United Patriots Front picks wrong Qld town for party launch. By Staff reporters. 13 February 2016 - 03^{:45}pm. First published 11 February 2016 – 08^{:28}pm. (<https://www.brisbanetimes.com.au/national/queensland/antiislamic-group-united-patriots-front-picks-wrong-qld-town-for-party-launch-20160211-gmrzvo.html>) (дата обращения: 25.06.2018).
  11. Antipodean Resistance Neo-Nazi group trying to sway Australia's same-sex marriage postal vote. By Danny Tran (<http://www.abc.net.au/news/2017-09-05/neo-nazi-group-antipodean-resistance/8852682>) (дата обращения: 25.06.2018).
  12. Anti-Semitic Flyers Distributed in Sydney Again; Neo-Nazi Group Wants Jews Out of Australia (VIDEO). By TLVFaces Staff on September 30, 2014 (<http://www.tlvfaces.com/anti-semitic-flyers-distributed-sydney-neo-nazi-group-wants-jews-australia-video/>) (дата обращения: 25.06.2018).
  13. Arrests as violent clashes break out at Reclaim Australia rallies. Michael Saffi and agencies. Sunday 22 November 2015 04^{:58} GMT Last modified on Thursday 9 March 2017 12^{:39} GMT (<https://www.theguardian.com/australia-news/2015/nov/22/five-people-arrested-as-violent-clashes-break-out-at-reclaim-australia-rallies>) (дата обращения: 25.06.2018).
  14. Australia, Nazi Haven for the new Millennium? By Bruce Rosen. (<http://www.jewishmag.com/48mag/nazis/nazis.htm>) (дата обращения: 25.06.2018).
  15. Australian far right group 'used me for propaganda'. By Royce Kurlmelovs 29 November 2015. From the section Australia (<http://www.bbc.com/news/world-australia-34918311>) (дата обращения: 25.06.2018).
  16. Australia's Prime Minister Is Refusing to Ban Neo-Nazi Anti-LGBT Posters. Written by Matt Keeley on August 22, 2017 (<https://hornetapp.com/stories/australia-neo-nazi-posters-turnbull/>) (дата обращения: 25.06.2018).

17. Border Farce. By Evan Smith (<http://salvage.zone/online-exclusive/border-farce/>) (дата обращения: 25.06.2018).
18. Brisbane, Australia Okays Neo-Nazi Music Festival. In Australia, Brisbane AG Paul Lucas says he won't block a neo-Nazi music festival set for April, and that legislators can't do it either. Chana Ya'ar, 11/01/12 11:²⁸ (<https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/151627>) (дата обращения: 25.06.2018).
19. Far-right nationalists found guilty of inciting serious contempt for Muslims after mock beheading video. By James Oaten (<http://www.abc.net.au/news/2017-09-05/three-men-found-guilty-of-inciting-serious-contempt-for-muslims/8874804>) (дата обращения: 25.06.2018).
20. Far right protesters storm Melbourne council meeting over Australia Day decision (http://www.sbs.com.au/news/article/2017/09/06/far-right-protesters-storm-melbourne-council-meeting-over-australia-day-decision?cx_navSource=related-side-cx#cxrecs_s) (дата обращения: 25.06.2018).
21. Far-right United Patriots Front to form political party ahead of federal election. Michael Safi. Monday 23 November 2015, 23:²⁰ GMT Last modified on Thursday 9 February 2017, 09:²⁹ GMT (<https://www.theguardian.com/australia-news/2015/nov/24/far-right-united-patriots-front-to-form-political-party-for-federal-election>) (дата обращения: 25.06.2018).
22. Government revokes Yarra Council citizenship ceremonies in Australia Day row. By Amanda Copp, Gareth Boreham. 16 AUG - 11:¹⁴ AM UPDATED 16 AUG - 7:³⁸ PM (<http://www.sbs.com.au/news/article/2017/08/16/government-revokes-yarra-council-citizenship-ceremonies-australia-day-row?cid=inbody:far-right-protesters-storm-melbourne-council-meeting-over-australia-day-decision>) (дата обращения: 25.06.2018).
23. 'The Hitlers you've been waiting for': Inside the secretive 'radicalisation camps' preaching hate and turning young Australians into 'Nazis'. By Hannah Moore For Daily Mail Australia. PUBLISHED: 05:¹⁸, 5 September 2017 | UPDATED: 07:⁴², 5 September 2017. (<http://www.dailymail.co.uk/news/article-4852704/Australian-nazis-chime-sex-marriage-debate.html>) (дата обращения: 25.06.2018).
24. Home (<http://antipodean-resistance.info/>) (дата обращения: 25.06.2018).
25. Join the gang (<http://antipodean-resistance.info/join/>) (дата обращения: 25.06.2018).
26. Macintyre S., Clark A. The History Wars. Melbourne, 2004.
27. Murder of a Culture. Dec 1, 2016 (<http://antipodean-resistance.info/article/2016/12/01/murder-of-a-culture/>) (дата обращения: 5.09.2017).
28. Neo-Nazi group Antipodean Resistance hold training radicalisation camp in Grampians National Park. Rex Martinich. 5 Sep 2017, 8:³⁰ p.m. (<http://www.theherald.com.au/story/4904609/neo-nazis-hold-training-camp-in-grampians/?cs=4173>) (дата обращения: 25.06.2018).

29. Neo-Nazi Wants Australia To Go Back To How It Was When His Pop Was At War With Nazis. Wednesday, January 03, 2018 (<http://www.betootaadocate.com/breaking-news/neo-nazi-wants-australia-go-back-pop-war-nazis/>) (дата обращения: 25.06.2018).
30. Newspoll Date. Primary Vote (<http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/newspoll>) (дата обращения: 25.06.2018).
31. OUR MEMBERS (<http://www.fortitude-australia.com/our-members/>) (дата обращения: 25.06.2018).
32. POLICY (<http://www.fortitude-australia.com/policy/>) (дата обращения: 25.06.2018).
33. Reclaim Australia: 'concerned mums and dads' or a Trojan horse for extremists? Joshua Robertson. Friday 24 July 2015 10.49 BST Last modified on Thursday 27 October 2016. 00.12 BST (<https://www.theguardian.com/australia-news/2015/jul/24/reclaim-australia-concerned-mums-and-dads-or-a-trojan-horse-for-extremists>) (дата обращения: 25.06.2018).
34. Twitter cracks down on swastikas and 'hateful imagery' and it starts enforcing new rules on abusive content - shuttering accounts run by white nationalist magazines and more. By Dailymail.com Reporter and Associated Press. PUBLISHED: 14:⁵² GMT, 18 December 2017 | UPDATED: 05:⁴⁷ GMT, 19 December 2017 (<http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-5191173/Twitter-rolls-stricter-rules-abusive-content.html>) (дата обращения: 25.06.2018).
35. United Patriots Front removed from Facebook. zerofilter1 / May 9, 2017 (<https://zero-filter.com/2017/05/09/united-patriots-front-removed-from-facebook/>) (дата обращения: 25.06.2018).
36. UPDATE: Far right leader un-quits from United Patriots Front a day after resigning over Facebook mockery. Ben Brennan. Yahoo7 News / October 16th, 2015 (<https://au.news.yahoo.com/a/29832004/anti-islam-group-leader-sherman-burgess-the-great-aussie-patriot-quits-united-patriots-front-after-members-tease-him-in-great-aussie-potator-facebook-video/>) (дата обращения: 25.06.2018).
37. Who are the United Patriots Front? Posted on May 20, 2015 by @ndy. (<http://slackbastard.anarchobase.com/?p=38146>) (дата обращения: 25.06.2018).
38. Would a WAxit really happen? WA Liberals to debate secession motion at state conference. By Jacob Kagi (<http://www.abc.net.au/news/2017-08-31/waxit-explainer-wa-liberals-to-debate-secession-motion/8858912>) (дата обращения: 25.06.2018).

NEO-NAZISM IN MODERN AUSTRALIA: IS THE THREAT REAL?

Dr. N. Skorobogatykh analyzes some recent trends in the Commonwealth of Australia political life, associated with the right forces activity. At the end of the 20th century the scarecrow for the ruling class was some weak nationalist factions that arose as a response to the one-sided interpretation of the multicultural policy, but during the first decades of the 21st century these sentiments have obtained quite tangible forms. As a result of the 2016 federal election, Pauline Hanson's One Nation returned to the Federal Parliament, the Liberal party split took place and some conservatives formed their own party. At the grass-roots level, some youth neo-Nazi groups appeared – the phenomenon, which had not been observed in this country since World War II. The article is devoted to the following aspects: who they are, what they are fighting for and why such an unsympathetic movement is increasingly arising in relatively prosperous Australia.

Keywords: Commonwealth of Australia, multiculturalism, Malcolm Turnbull, P. Hanson's One Nation, Reclaim Australia, Fortitude, Australian Neo-Nazism, the United Patriots Front, Antipodean Resistance.

Е. А. Абрамова, А. И. Степаненко (Ломова)

К ВОПРОСУ ОБ АСПЕКТАХ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОБОСОБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена вопросам описания такой синтаксической категории, как обособление. В статье рассматриваются также различные функции обособления в текстах разного типа.

Ключевые слова: осложненное предложение, условия обособления, вариативность, стилистическое значение, выразительность, экспрессия, текст, художественные оппозиции, лингвокультурный синтаксис.

В современной лингвистике раскрытие сущности явления обособления, описание различных типов обособленных членов предложения «имеет большую теоретическую и практическую ценность при изучении синтаксиса русского языка» [17, с. 466], в современной лингвистике предметом специального обсуждения является «проблема многомерности, многоаспектности синтаксических единиц» [21, с. 19].

По мнению исследователей, «системность и многомерность описания любого языкового объекта» предполагает изучение формы, значения и функции [8, с. 258]. Внимание к такому «сложному структурно-семантическому явлению синтаксиса» [18, с. 390], каким являются обособленные члены предложения, закономерно. Выявить различные аспекты описания этого явления представляется целесообразным, необходимым для успешного осуществле-

ния вузовской и школьной практики обучения русскому языку.

Исторический очерк изучения категории обособления в русистике дан в исследовании владимирского ученого профессора В. И. Фурашова [21, с. 289 – 316], особенно интересен анализ научной теории А. М. Пешковского, который первым описал это синтаксическое явление [Там же, с. 296 – 300], подробное рассмотрение этой темы дается и в других работах [см., например: 15, с. 154 – 166].

Традиционно обособленные члены предложения входят в состав осложненных предложений, объединяющих «разнообразные построения, которые в формальном отношении обладают главным признаком простого предложения – монопредикативностью, семантически же устроены более сложно, чем неосложненные предложения, и эта семантическая сложность выражается какими-то элементами их формальной орга-

низации» [19, с. 435]. Эта «семантическая сложность» проявляется прежде всего в способности выразить добавочные значения, а также пояснения, уточнения, выделения, ограничения, присоединения, уподобления, сравнения, при этом усложнении варьируется и синтагматическое и ритмико-мелодическое членение высказывания. При обособлении происходит усиление смысловой значимости определенной части высказывания, в качестве актуализаторов выступают интонация, порядок слов, наличие пояснительных слов, характер пояснительного слова и т. д. [18, с. 390].

В современной лингвистике осложненное предложение изучалось как особое явление в синтаксисе [12, с. 255 – 279], перечислялись осложняющие компоненты [9, с. 212], описывались разновидности осложнённого предложения [2, с. 205 – 257], за основу описания принималась модель предложения, его предикативный минимум [7, с. 207]. Семантическое варьирование обособленных членов предложения теснейшим образом связано с условиями обособления, которые «можно систематизировать, выделив общие условия, существенные для обособления любых членов предложения», частные и дополнительные [17, с. 560]. При характеристике общих условий обособления необходимо указать на возможность смыслового выделения при ослаблении или отсутствии тесной смысловой связи с определяемым (поясняемым) словом, что совершенно невозможно для целого ряда языковых единиц (устой-

чивых оборотов, фразеологизмов, неполнозначных слов и др.).

Описывая обособление как многомерное синтаксическое явление, некоторые исследователи указывают на такой отличительный признак, как «намеренное ритмико-интонационное и смысловое вычленение» слов и группы слов в составе какого-либо высказывания [Там же, с. 467; 14, с. 719], говорящий или пишущий в зависимости от коммуникативной установки может актуализировать какую-то часть информации с помощью одного или целой группы второстепенных членов. При сохранении структурных и грамматических связей смысловые и выразительные возможности языковых единиц расширяются. Часто это происходит при дистанцированном расположении обособленных членов по отношению к поясняемому слову:

*Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
(Ф. Тютчев «Утро в горах»).*

На усиление информативной значимости обособленного члена предложения влияют степень распространенности, нетипичная для него синтаксическая позиция, появление дополнительного семантического оттенка, способы выражения определяемого слова и др. Обособляясь, второстепенный член получает возможность дополнительного сообщения и вступает с определяемым словом в полупредикативные отношения.

Помимо семантических и грамматических характеристик, обособленные члены предложения являются выразителями и стилистической информации, их употребление характерно в основном для книжной речи (в текстах определённой функциональной принадлежности), особенно заметна их роль в художественном тексте. Именно в функционально-стилевых разновидностях речи степень употребительности различных типов обособленных единиц проявляется неодинаково. Как известно, в официально-деловом и научном стилях чаще используются причастные и деепричастные обороты с целью концентрированного выражения мысли, а также как способ детализации изложения. В публицистическом стиле употребительны все типы обособления, они выполняют в нем как информативную, так и экспрессивную функцию, являясь «особым выразительным приемом» [16, с. 286]. На «заметную синтаксическую роль» и выразительные возможности оборотов указывалось неоднократно [см., например: 20, с. 389], так как причастные обороты «более сжато и энергично» передают информацию [20, с. 390], эти же стилистические качества наблюдаются у определений, выраженных прилагательными и существительными. Исследователями отмечаются следующие стилистические функции причастий:

1) причастие может служить выразительным средством фоники (при создании звукообраза):

*На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,*

И хор светил, живой и дружный,

Кругом, раскинувшись, дрожал.

(А. Фет «На стоге сена ночью южной...»);

2) для причастий характерна «изобразительная функция» [5, с. 322], как правило, проявляющаяся при употреблении причастий в синтаксической роли определений:

Мы – на шаре земном,

свирепо летящем,

грозящем взорваться –

и надо обняться,

чтоб вниз не сорваться,

а если сорваться –

сорваться вдвоем.

(Е. Евтушенко «Любимая, спи!»);

3) благодаря своим глагольным признакам причастия и причастные обороты в художественной речи приобретают экспрессивную функцию, которая может быть усилена уточняющими словами, появляющимися в причастном обороте при глагольном управлении:

Мне, охлажденному жизнью

и светом,

Дай хоть тебя встретить

с тёплым приветом!

(Я. Полонский «На закате»).

Нормативно-речевой уровень осмысления второстепенных членов предложения, аспект культуры речи, предполагающий «совокупность навыков и знаний человека, обеспечивающих целостное и незатрудненное применение языка в целях общения [4, с. 9], опирается прежде всего на существование различных структур-

ных образований простого предложения. Рассмотрение обособленных членов в этом плане связано с вариативностью употребления этих единиц, зависящей от условий употребления определений, приложений, дополнений, обстоятельств (порядка слов, распространенности, занимаемой позиции по отношению к определяемому слову и т. д.). Именно вариативность лежит в основе образования семантико-стилистических различий языковых единиц (например, эти различия отмечаются при сопоставительной характеристике причастного оборота и придаточного предложения [1, с. 276]), замена придаточного предложения причастным оборотом, как правило, регулируется нормативным выбором «возможна – невозможна» [Там же, с. 277].

Нередко исследователи указывают на «большой стилистический интерес» к формам краткого прилагательного [5, с. 249], обладающим большей экспрессивностью, чем полные формы. Экспрессия краткого прилагательного усиливается, если они выступают в качестве обособленных определений, при этом их роль в контексте важна, заметна [Там же, с. 250]:

*Всегда найдется женская рука,
чтобы она, прохладна и легка,
жалая и немножечко любя,
как брата, успокоила тебя.*

(Е. Евтушенко «Всегда найдется женская рука...»).

Особой выразительностью отличаются неcodифицированные формы прилагательных. Стилистически подчеркивается также дистантно

употребленное согласованное определение. При обособлении этому способствует и интонационное выделение:

*Хочу лишь половину той подушки,
Где, бережно прижатое к щеке,
Беспомощной звездой, звездой
падучей*

***Кольцо** мерцает на твоей руке.
(Е. Евтушенко «Нет, мне ни в чем не надо половины...»).*

Есть семантико-стилистические различия в употреблении распространенного определения, в позиции после определяемого слова усиливается качественная характеристика уже определяемого слова:

*Небесный свод, горящий сла-
вой звездной.*

*Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

*(Ф. Тютчев «Как океан объем-
лет шар земной...»).*

Синтаксическая связь деепричастия с главным сказуемым усиливает его «глагольность»; обозначая добавочное действие, они «придают речи особую живость, наглядность» [Там же, с. 326]:

Мостами землю перекрыв,

Я так Тебя и не нашел,

Открыл глаза, а там... обрыв,

Мой путь закончен, я – пришел.

(В. Гафт «Мосты»).

*И море, дымясь, и вздымаясь,
и дамбы долбя,*

*соленое солнце **всосало** в себя.*

(Е. Евтушенко «Любимая, спи!»).

В описании обособленные члены предложения «способствуют детализации развернутого описания и одновременно активизируют внимание читателя к этим деталям» [16, с. 286].

Обособленные члены предложения весьма употребительны в художественной речи, и не только потому, что помогают избежать повторов синтаксических конструкций, что, безусловно, «утяжеляет» восприятие текста, потому что часто эти конструкции рассматриваются как построения, приспособленные для выражения смысла большего объема, чем простое неосложненное предложение. Такое осложненное предложение понимается как «многособытийное», в котором обозначены несколько ситуаций [15, с. 178]. Так, лаконичная зарисовка времени года достигается благодаря особой структуре предложения (назывные предложения) и обособленным членам предложения:

*Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера
(Б. Пастернак «Золотая осень»).*

Динамичность самой языковой структуры обособления, подчиняющейся различным условиям ее употребления (общим и частным), соответствует специфике языкового употребления, когда «важен не только отбор, но и организация, порядок расположения и движения, развертывания языковых единиц в том композиционном и смысловом языковом целом (тексте), которое возникает в

результате употребления этого языка» [6, с. 15]. Только это достаточно убедительно подтверждает выводы лингвистического анализа как «комментирования различных языковых единиц, образующих текст» [11, с. 21].

Н. С. Валгина, в своей работе «Теория текста» рассматривая модели тематических единств, утверждает, что «для текста важна коммуникативная преемственность между его составляющими. Каждое предложение в коммуникативном плане связано с предшествующим и продвигает высказывание от известного к новому, от данного, исходного к ядру» [3, с. 48]. Одна из таких последовательностей носит название «сквозной темы» [Там же, с. 49]. Обособленные определения при «сквозной теме» сцепляют элементы текста и одновременно образуют признаковый ряд развернутого описания, поддерживаемый единым видо-временным планом:

*Здравствуй, марта летний зной,
Снег, горящий крепким
настом,
Серебристо-слюдяной,
Снег, пронзаемый лучами,
Оглушаемый грачами,
Здравствуй, друг былых утех,
Белый, синий, серый снег!
(Н. Браун «Здравствуй, марта летний зной...»).*

Семантика и форма языковой единицы могут рассматриваться с точки зрения их текстообразующей функции. «Функциональный подход к анализу художественного текста был обусловлен расцветом во второй половине

XX в. структурно-сематического метода лингвистических исследований, при котором возможность использования языковой единицы в качестве художественного, поэтического средства рассматривалась как ее функция» [13, с. 10]. Обособленные определения вместе с определяемыми словами нередко обеспечивают эстетическое восприятие образа. При «деформации» такой конструкции (нарушение её семантической цельности) исчезают смысловые и экспрессивные оттенки употребления языковой единицы:

*Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозою опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.*
(К. Бальмонт «Тебя я хочу, мое счастье...»).

*В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное.*
(Ф. Тютчев «В небе тают облака...»).

Системные оппозитивные отношения, которые возможны при употреблении обособленных единиц, определяют их функциональную коммуникативную нагрузку в составе речевого целого. Так, в следующих примерах наблюдается выражение противительных отношений, являющихся основой поэтического противопоставления, которое усиливается за счет особой интонации при

обособлении и, наоборот, ослабевает при необособленном определении:

*К морю тропинка в кустах
чуть видна,
К морю схожу я, и –*

*Здравствуй, волна!
Мне, охлажденному жизнью и светом,
Дай хоть тебя встретить с
тёплым приветом!*
(Я. Полонский «На закате»).

*Воспоминанья – вечные лампы,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа **поздние**
награды,
Последний след когда-то милых снов.*
(К. Случевский «Воспоминанья вы убить хотите?!»).

Выделение лингвокультурного синтаксиса как одного из направлений поуровневой лингвокультурологии [10, с. 173] делает возможным описание осложненных структур простого предложения, в частности предложений с обособленными членами, и в этом аспекте. Помимо уже поставленных вопросов о порядке слов в предложении, знаках препинания, в нем, как нам представляется, найдёт отражение смысловое и интонационное своеобразие осложняющих членов предложения. «Лингвокультурологический синтаксис способен донести до нас многое из того, что делает, чувствует и о чем думает отдельный индивид, говорящий» [Там же, с. 175].

Библиографические ссылки

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. – М. : Аст-пресс книга, 2012. 422 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис : учеб. для студентов вузов. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2003. 415 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Мир книги, 1998. 278 с.
4. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М. : Высш. шк., 1988. 335 с.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс, 2010. 448 с.
6. Горшков А. И. Русская стилистика: учеб. пособие. М. : Астрель: АСТ, 2001. 367 с.
7. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филолог. фак. М. : Филолог. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.
8. Красина В. А. Многомерная организация простого предложения // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы двенадцатой междунар. конф., посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир, 2017. 576 с.
9. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Высш. шк., 2004. 242 с.
10. Маслова В. А. Синтаксис с позиции лингвокультурологии // Языковые значения, формы и категории : сб. науч. ст. к 80-летию профессора Владимира Ивановича Фурашова. Владимир, 2015. 380 с.
11. Николина А. И. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 256 с.
12. Основы русской грамматики: морфология и синтаксис : учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов / И. П. Распопов, А. М. Ломов. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 351 с.
13. Поповская (Лисоченко) Л. В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов-н/Д. : Феникс, 2006. 512 с.
14. Русский язык : учеб. для студентов учреждений высш. профессион. образования / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : Академия, 2011. 768 с.
15. Синтаксис современного русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений Российской Федерации / под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 432 с.
16. Современный русский язык : учеб. пособие для пед. ин-тов иностр. яз. и фак. иностр. яз. / Д. С. Светлышев [и др.]. – М. : Просвещение, 1986. 286 с.
17. Современный русский язык : учеб. для студентов, обучающихся по специальности «Филология» / под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2000. 560 с.

18. Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студентов высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. М. : Академия, 2002. 390 с.
19. Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1981. 560 с.
20. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В. И. Максимова. М. : Гардарики, 2004. 651 с.
21. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир, 2010. 368 с.

Е. А. Abramova, A. I. Stepanenko (Lomova)

**REVISITING THE QUESTION OF THE ASPECTS
OF DESCRIPTION OF THE GRAMMATICAL CATEGORY
OF DETACHMENT IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

The article is devoted to the description of such syntax category as detachment. The paper also examines different functions of detachment in texts of various types.

Keywords: complex sentence, conditions of detachment, variability, stylistic value, expression, text, intertextual oppositions, lingua-cultural syntax.

УДК 821.162.1-311.6.09

А. А. Гладкова

**РУССКАЯ ТЕМА В РОМАНАХ А. НАКВАСКИ И Т. Я. ПАПИ
И РЕЦЕПЦИЯ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 – 1831 гг.
В РУССКОЙ ПРОЗЕ**

В статье рассмотрена русская тема, отражённая в романах польских писательниц XIX в. Анны Накваски («Литовский повстанец») и Тэрэсы Ядвиги Папи («Тернистой дорогой»), а также рецепция Польского восстания 1830 – 1831 гг. в русской прозе XIX в. (на примере творчества О. Сенковского и В. Даля). В художественных произведениях А. Накваски и Т. Я. Папи отражены события национально-освободительного восстания на землях бывшей Речи Посполитой в 1830 – 1831 гг., вошедшего в польскую историографию как Ноябрьское восстание (Powstanie listopadowe). В произведениях русских писателей проанализирована тема Польского восстания и образы героев-поляков.

Ключевые слова: Польское восстание 1830 – 1831 гг., Речь Посполитая, Царство Польское, Беларусь, Литва, Российская империя, национально-освободительное движение, патриотизм, эмиграция.

Творчество польской писательницы, педагога, мемуаристки начала XIX в. Анны Накваски (из рода Краевских) сегодня почти не упоминается в литературоведческих работах, ее художественные произведения еще ждут своего времени для встречи с современной читательской аудиторией. На польском литературном небосклоне начала XIX в. писательница занимала скромное место, однако она принимала активное участие в культурной жизни Варшавы, поддерживала дружбу с переводчиком, поэтом, драматургом, историком и теоретиком литературы Людвиком Асиньским, поэтом, педагогом, языковедом Онуфрием Капчиньским, писателем Франциском Дмоховским.

С 1816 г. А. Накваска была хозяйкой известного литературного салона в Варшаве, активно занималась литературным творчеством. После поражения Ноябрьского восстания 1830 – 1831 гг. увидел свет роман писательницы «Powstaniec litewski» (Липск, 1845), посвященный событиям указанного периода на землях Польши и Литвы (текст был написан по горячим следам в 1832 г., однако печатный вариант появился на 13 лет позже). Роман стал литературным документом, зафиксировал (в романтической манере) исторические реалии эпохи, стал своеобразной попыткой писательницы определить причины болезненного поражения освободительного движения, осмыслить прошлое и настоящее.

Через весь роман проходит авторская мысль об исторической пред-

определенности единства двух народов – поляков и литвинов, об общности их судьбы, нерушимости межнациональных связей в самый сложный исторический момент.

Русская тема в романе введена в четвертой главе «Ольбрехт и Наталья», где рассказано об удивительной истории любви представителя рода Капровичей (белорусская ветвь фамилии), пана Ольбрехта к русской подданной Наталье Р. После амнистии повстанцам Т. Костюшко (восстание 1794 г.) Ольбрехт отправился за ссыльным отцом в Тобольск, получил разрешение властей и был приглашен к императорскому двору: «[...] cesarz Paweł [...] nie tylko pozwolił na mój wyjazd, ale jeszcze znaczne wyznaczył mi koszta podróży, z tym wszakże warunkiem, ażebym jadąc do Tobolska był w Petersburgu i jemu się przedstawił» («[...] император Павел [...] не только позволил мне выехать, но и внес значительный вклад в стоимость путешествия, однако при том условии, чтобы по дороге в Тобольск я заехал в Петербург и представился ему» – перевод А. Г.) [5, с. 66].

Писательница отмечает, что императорский двор после «литвинских лесов» показался герою неудобным, непривычным, Ольбрехт чувствует себя неловко «из-за повышенного внимания» во время приёмов. Цель героя – скорее выехать в Тобольск, поэтому любые задержки повышают степень его эмоционального напряжения. Показательно, что в тексте романа дана с точки зрения поля-

ка оценка отношению представителей русской нации к моменту времени: «... Moskale [...] tak jak każdy naród, który dopiero połysek ukształcenia umysłu osiągnął, najmniej cenić umieją czas [...]. Dziesięć dni, dziesięć lat, lub dziesięć godzin, wszystko dla nich jedno [...]» («Московиты [...], как и каждая нация, которая только достигла блеска образования разума, меньше всего ценят время [...]. Десять дней, десять лет или десять часов, все для них одно [...]») [5, с. 67].

Чтобы ускорить свой отъезд, пан Ольбрехт обратился с просьбой к императрице, одна из фрейлин которой, Наталья Р., передала суплику Марии Фёдоровне. Таким было первое знакомство молодых людей. Через некоторое время начались военные действия в Италии, формировались польские легионы Яна Генрика Домбровского, к которым примкнул пан Капрович, выполняя обязанности начальника штаба. В Италии происходит вторая случайная встреча Ольбрехта и Натальи, которая с супругом отправляется на воды в Пизу. Молодой человек, влюбившись в прелестную женщину, берёт отпуск и следует за ней, героиня отвечает взаимностью.

О Наталье в романе сказано, что она с сочувствием относилась к судьбе Польши, хоть и была замужем за русским и получила воспитание в Петербургском институте (очевидно, имеется в виду Смольный институт благородных девиц). Как следует из текста главы, отец Натальи стал жертвой мести во время восстания

Т. Костюшко, он служил российской власти, хотя не был русским по происхождению. После его смерти вдова и дочь были приглашены к русскому императорскому двору и удостоены почестей.

Судьба Ольбрехта и Натальи сложится трагично: пан Капрович будет служить в армии Наполеона («Наполеон назвал меня своим адъютантом»), станет участником египетской кампании французского императора. По возвращении героя будет ожидать печальная весть: в Италии возлюбленная умерла от лихорадки. На память останется статуя Натальи из белого мрамора, которая станет для Ольбрехта символом его трагической единственной любви.

В романе «Литовский повстанец» встречается ряд внесюжетных элементов, которые представляют собой описание пейзажей России. Так, путешествие пана Капровича в Тобольск пролегает через Сибирь – суровый край, напоминающий порой заснеженную пустыню: «Nieodstraszają mnie ani ogromne śniegi ani wycie wilków ani pomruk straszliwych niedźwiedzi, których głosy w głębi każdej gęstwiny się odzywały» («Не пугали меня ни громадные снега, ни вытьё волков, ни рык ужасных медведей, чьи голоса были слышны в глубине каждой чащи») [Там же, с. 69].

А. Накваска отмечает, что отец пана Ольбрехта был отличным охотником и, находясь в ссылке, смог сделать запас из множества звериных шкур ценных пород, особенно соболиных, что стало материальной под-

держкой Капровичам, лишённым родового поместья на литвинских землях. На обратном пути отцу и сыну довелось остановиться на несколько дней в Москве, которая произвела на героев впечатление «наполовину азиатского города» («wpróć azyatycznego miasta») [5, с. 71].

Как отмечает Я. Мачеевский относительно стереотипов поляков о русских в XIX в.: «Распространённым стало представление поляков о русских как об азиатах, наследниках татаро-монгольского государственного уклада или даже их прямых потомках, лишь с небольшой примесью славянской крови» [2, с. 16]. Исследователь уточняет, что такая точка зрения существовала на уровне обыденного сознания.

Безусловно, в романе А. Накваски «Литовский повстанец» наблюдается отражение широко распространённого среди поляков стереотипа о России как о бескрайней стране с суровым климатом, что влияет на особенности русского характера в целом. Особенности политической ситуации (три раздела Речи Посполитой, жестокое подавление восстания Т. Костюшко 1794 г., Польского восстания 1830 – 1831 гг.) вели к охлаждению двусторонних отношений и оказывали негативное влияние на формирование стереотипа восприятия нациями друг друга.

После поражения восстания 1794 г. тысячи ссыльных поляков-повстанцев нашли упокоение на бескрайних просторах Сибири, как отмечает автор, на крестах не ставили имя

умершего в изгнании, только номер ссыльного и обозначение национальной принадлежности (слово «поляк»).

Финал романа «Литовский повстанец» передаёт события взятия Варшавы, подводит черту Польскому восстанию 1830 – 1831 гг., а также показывает судьбы повстанцев (ссылка в Сибирь или эмиграция в Западную Европу).

В истории польской литературы есть художественное произведение, отразившее события первой трети XIX в. на землях бывшей Речи Посполитой во всём драматизме создавшейся политической ситуации. Речь идёт о романе Я. Т. Папи «Po ciernistej drodze» (Краков, 1896), подписанном псевдонимом J. T. Gałęzowska.

Эпическая панорама произведения отразила значительный исторический период, охватывающий десятилетие до национально-освободительного восстания (начало событий относится к 1818 г.), когда воспитывается поколение будущих борцов, непосредственно события 1830 – 1831 гг. на землях Польши, а также период эмиграции после поражения вооружённого выступления.

С целью определения политической обстановки в стране накануне восстания писательница ввела в художественную ткань произведения несколько эпизодов, демонстрирующих жестокость и несправедливость российской власти (сцена проезда экипажа Великого князя Константина Павловича по опустевшим улицам Варшавы; убийство во время муштры тем же князем польского офицера за

незначительную провинность; введение российским руководством наказания военнотружущих палками; нарушение конституции 1815 г., многочисленные аресты, запрет свобод и т. д.). С помощью нескольких художественных фрагментов, отразивших реальность, Т. Я. Папи подводит читателя к пониманию обостренной политической ситуации задолго до восстания, отмечает его справедливый характер по причине невозможности далее терпеть угнетение.

Патриотично настроенная польская молодёжь проявляла активность в политических событиях, юноши вступали в ряды тайных патриотических организаций, призывали соотечественников с оружием в руках вернуть утраченную свободу. Временами на собраниях польских патриотов звучали радикальные призывы к убийству русского царя, однако мать одного из юношей отвечает на подобное предложение метким выражением: «Różne grzechy ciężą na sumieniu narodu polskiego, lecz królobójcami nie byliśmy nigdy. [...] Wystąpcie otwarcie do walki, to dobrze...» («Разные грехи на совести поляков, но цареубийцами никогда не были. Открыто боритесь – это достойно...») [4, с. 122].

Несколько эпизодов романа повествуют о положении в восставшем городе главнокомандующего польской армией, наместника Царства Польского Великого князя Константина Павловича. Отметим, что образ князя создан с применением минимума средств выразительности:

подчёркнута жёсткость героя и его ненависть к простому народу Польши: « – Lud, [...] nienawidzę go, o! Cóżbym dał za to, gdybym miał tak wielką stopę, abym go mógł nią zdeptać» (« – Народ, ненавижу его! Хотел бы иметь такие ступни, чтобы затоптать его») [Там же, с. 169]. Очевидно, что такая одноплановость образа продиктована предвзятым отношением к официальной власти со стороны поляков, представители российских кругов общества ими воспринимались как захватчики, агрессоры, этим объясняется крайне негативная трактовка образа Великого князя Константина в произведении.

Последние страницы романа повествуют о судьбе поляков, осужденных на изгнание в Сибирь: законные в цепи повстанцы зимой идут колонной вглубь России. Лишенные свободы люди остались несломленными духовно: морозной ночью над бескрайними русскими просторами звучит их песня о свободе. Писательница подчеркивает, что на совести поляков нет греха, ибо борьба их носила справедливый характер, поэтому «wrogom twarzy smutnych nie pokażą, by nie urągali, że ich zgnębili...» («врагам печальных лиц не покажут, чтобы они не думали, что одолели...») [Там же, с. 307]. За осужденными поляками поехали в изгнание их жёны и сёстры, поступок которых стал образцом любви, самоотверженности и верности.

В произведении глубокий патриотизм и свободолюбие определены как базисные черты польской нации,

писательница верит в возрождение Польши, так как дети ее не жалеют жизни ради победы. Роман «Тернистой дорогой» стал художественным документом эпохи, который оказывал в первую очередь воспитательное воздействие на молодое поколение.

В целом, романы А. Накваски («Литовский повстанец») и Т. Я. Папи («Тернистой дорогой») отразили характер взаимоотношений поляков и русских в трудной политической ситуации первой трети XIX в., а также стали своеобразным осмыслением Польского восстания 1830 – 1831 гг. в период территориально-политической экспансии России.

Русская проза первой половины XIX в. также отразила восприятие Польского восстания 1830 – 1831 гг. через призму художественных образов. Учитывая общенациональный стереотип поляка в сознании русского человека, писатели тяготели к сдержанным оценкам, часто делали акцент на бессмысленности вооруженного выступления в Польше, выражали неодобрение мятежным настроениям поляков.

Так, О. И. Сенковский (поляк по происхождению, редактор в 1830-х гг. польского журнала «*Wiadomości Petersburskie*») в 1833 г. опубликовал роман «Большой выход у Сатаны», где критически отразил события Польского восстания. Показательно, что в романе о польской революции сказано через призму художественной условности как о событии бесперспективном. Из уст обер-председателя мятежей и революций звучит следующая

характеристика: «Никогда ещё не удавалось мне так славно надуть людей, как в этом деле: да, правду сказать, никогда и не попадался мне народ такой легковерный. Я так искусно настроил их, столь вскружил им голову, запутал все понятия, что они дрались как сумасшедшие в течение нескольких месяцев, гибли, погибали и теперь ещё не могут дать себе отчёта, за что дрались и чего хотели» [3, с. 401].

Однако в русской прозе отмеченного периода есть произведения, которые с большой долей симпатии отражают концепцию «польского вопроса». Достаточно обратиться к литературному наследию В. И. Даля, непосредственного участника русско-польской войны 1830 – 1831 гг. Об одном из видных военных деятелей восстания генерале Дверницком в рассказе «Подольянка» В. И. Даль говорит: «Долго войска наши за нимъ гонялись; хитро и осторожно металь Дверницкій крюки и петли, стараясь обойти противника и проникнуть на Волынь или Подоль; но выбившись изъ силъ, прислонился онъ къ полубратскимъ рубежамъ, и убедившись уже подъ Боромелемъ, что не выдержитъ предстоящаго ему удара, распустилъ на все четыре стороны шумливую команду свою и сдалъ оружіе Австрійцамъ» [1, с. 170]. В. И. Даль продолжает: «все горели нетерпениемъ выместить на Полякахъ утомительные, скучные, девятидневные переходы» [Там же, с. 171].

Эпизод взятия Варшавы в рассказе дан скупым описанием, автор

замечает, что «поляки были сначала грубы, дерзки, кричали и козыряли [...]. Собираясь покинуть отчизну свою навсегда, они прощались с нею взорами» [1, с. 180 – 181].

Кроме отражения военных событий, в указанном произведении В. И. Даль создал колоритные образы польских героинь – Ванды и Юзефы. Первая воплощает лучшие качества, присущие девушке, она «разливала вокруг себя голубыми очами своими утешение, миръ и спокойствие», автор называет Ванду «милой», «прекрасной». Относительно второй героини В. И. Даль говорит: «Я не могъ надивиться этому существу, составленному изъ однихъ противоположностей: не могъ довольно углубиться въ духовный бытъ, въ жизнь этой загадочной, необъяснимой души...» [Там же, с. 177].

Размышляя о восприятии одной нацией представителей другого народа, В. И. Даль пишет: «... общій духъ и отношенія народовъ отзываются во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, и, если угодно, наоборотъ» [Там же, с. 166].

Таким образом, сравнительный анализ рецепции Польского восстания 1830 – 1831 гг. в польской и русской прозе XIX века позволяет утверждать, что прохладному, сдер-

жанному взаимоотношению двух наций способствовал болезненный «польский вопрос», попытка решить который вылилась в 1830 – 1831 гг. в вооружённое выступление на землях бывшей Речи Посполитой. Если в произведениях польских писательниц А. Накваски и Т. Я. Папи русская тема носит однозначно трагичную окраску, сопряжённую с мотивом страдания польской нации, то в произведениях русских писателей (например, у В. И. Даля) наряду с выражением сдержанных оценок по поводу польского неприятеля звучат положительные характеристики простых представителей польского народа. Непонятность чужой души окрашена у писателя теплом человеческого отношения и пониманием, что нация состоит из людей, характеры которых полны противоречий и вмещают в себя как достоинства, так и недостатки.

Рассмотренные произведения русских и польских прозаиков XIX столетия помогают дополнить вопрос о стереотипах восприятия одной нации другой с учётом исторических событий эпохи, что позволяет глубже осмыслить проблему национальных взаимоотношений в диахронном аспекте.

Библиографические ссылки

1. Даль В. И. Сочинения. Повести и рассказы : с биогр. и портр. авт. – 2-е изд., доп. В 8 т. СПб ; Москва : М. О. Вольф, 1884. Т.8. С. 155 – 188.
2. Мачеевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М. : Иидрик, 2000. – С. 6 – 22.

3. Сенковский О. И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. СПб. : В типографии императорской академии наук, 1858–1859.
4. Gałęzowska J. T. Po ciernistej drodze: powieść historyczna z dziejów powstania 1830 roku dla młodzieży. Kraków: Drukarnia Narodowa F.K.Pobudkiewicza, 1896. – 312 s.
5. Nakwaska A. Powstaniec litewski: obraz romantyczny z czasów rewolucyi w Polsce z 1831 r. Lipsk: księgarnia Leopolda Michelsena, 1845. – 215 s.

A. A. Gladkova

**RUSSIAN THEME IN THE NOVELS BY A. NAKWASKA
AND T. J. PAPI AND THE RECEPTION OF THE 1830 – 1831
POLISH UPRISING IN THE RUSSIAN PROSE**

The article examines Russian theme, reflected in the novels by the Polish writers of the 19th century Anna Nakwaska («Lithuanian Rebel») and Teresa Jadwiga Papi («Thorny Road»). In these works of literary art the events of the 1830-1831 national liberation uprising in the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth, included in the Polish historiography as the “November uprising” (“Powstanie listopadowe”), are reflected. In the works by the Russian writers the theme of the Polish uprising and images of the Polish characters have been analyzed.

Keywords: the 1830-1831 Polish uprising, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Kingdom of Poland, Belarus, Lithuania, the Russian Empire, national liberation movement, patriotism, emigration.

УДК 82.0+821.161.1.

A. B. Марков

**ИКОНОГРАФИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ПОЭЗИИ
ВИКТОРА КРИВУЛИНА, ЕЛЕНЬ ШВАРЦ И ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ**

Революционный слом культуры, уничтоживший усадебную жизнь, и музеефикация усадеб в советское время оказались в центре размышлений независимых русских поэтов, исследовавших судьбы русской культуры исходя из метафизического интереса. Такая двойная перипетия усадеб, упразднение и музеефикация позволила создать особый иронический и ностальгический взгляд на русскую дворянскую культуру, в котором ирония принадлежит изображаемому миру, а ностальгия – исключительно экзистенциальной

позиции повествователя, не перерастая тем самым в пессимизм. При этом образы усадеб, имений и поместий встречаются у крупнейших представителей метафизического направления независимой русской поэзии спорадически, часто в довольно сложных контекстах, требующих специальной расшифровки. В статье доказывается, что сложность поэтического повествования об усадьбах объясняется сознательным уходом от усадебного мифа русской культуры в пользу творческого взаимодействия с искусствоведческим, филологическим и структурно-семиотическим изучением усадьбы как дворцово-паркового комплекса, представленным прежде всего в трудах Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана. При этом в отличие от дворцовой жизни усадебная жизнь привлекает внимание В. Кривулина, Е. Шварц и О. Седаковой детективом личной тайны, близостью усадебного ландшафта среднероссийскому ландшафту и устойчивостью темы усадьбы как конструктивной для русской литературы и становления аристократического индивидуалистического сознания. Поэтому усадьба оказывается одновременно инобытием или тенью советского быта, в частности, благодаря словосочетанию “колхозная усадьба”, без какого-либо необоснованного возвышения аристократической культуры над современной ситуацией, переживаемой всегда иронически или трагически, и при этом местом формирования особого сознания правящего класса, причем интересно, что у названных поэтов реконструкция этого сознания принципиально отличается от прежнего шестидесятилетнего образа декабристов. Подтверждение такой иконографии усадьбы как инобытия и одновременно лаборатории творческого индивидуализма мы находим и в прозаических высказываниях названных авторов, где связь со структуралистской или искусствоведческой реконструкцией усадебной жизни становится очевиднее.

Ключевые слова: усадьба, ландшафт, русская аристократия, поэтические образы культуры, высокая культура, Кривулин, Шварц, Седакова.

Русская усадьба воспринимается в отечественной культуре одновременно как апофеоз идиллической топики и место возникновения ключевых смыслов высокой русской культуры, сохраняющих во многом актуальность и по сей день. Так, усадьба оказывается и местом, где сбываются проекты идеальной жизни, которые литература только намечает, но одновременно и предметом культурной

критики, исходящей как из общей инертности усадебной жизни, так и из невозможности напрямую вывести продуктивные для культуры и общества идеи из стиля этой самой усадебной жизни. Поэтому усадебное существование выступает одновременно и как форма рационализма, и как альтернатива рационализму, как доказано, например, в исследованиях О. А. Богдановой [1, с. 28 – 30].

Академическое изучение усадьбы в гуманитарной науке периода застоя поэтому сосредоточилось не на специфике восприятия усадеб представителями разных поколений аристократической культуры, а на устройстве усадьбы как института и, главное, как модели освоения пространства. Усадьба была понята не как способ организации хозяйства (в широком смысле слова “хозяйство”, включая и аристократические развлечения), но как особое творческое освоение пространства, с наделением как архитектурных, так и видовых решений собственной аксиологией. Тем самым усадьба как культурная ценность понимается не со стороны подробностей существования в усадьбе, но со стороны усадьбы как инварианта существования, как порождающей или моделирующей системы – уже сами эти термины говорят о том, что структурализм в его советском варианте не смог бы пройти мимо усадьбы, а искусствоведческое исследование усадьбы, предложенное в знаменитой книге Д. С. Лихачева “Поэзия садов” [4], не перенимая структуралистскую методологию, воспроизводит структуралистскую познавательную установку.

Три поэта Виктор Кривулин, Елена Шварц и Ольга Седакова объединены не только общностью поэтики, но и плотным продуктивным взаимодействием с филологическими и гуманитарными поисками их времени. Но и общие черты поэтики, такие как полистилистика, соединение патетического и иронического начал,

внимание к русской истории как экзистенциальному обстоятельству, усвоение достижений европейского модернизма в работе с семантикой и сложной образностью, метрические эксперименты, религиозно-философские замечания как один из ключевых моментов вдохновения среди стихов – всё это говорит о неизбежности соприкосновения с синтетическими формами организации бытия, такими как русская усадьба. Усадьба, которая могла описываться в разных регистрах одновременно, например, патетическом, ироническом и ностальгическом, должна была бы составить один из привилегированных предметов такой поэзии.

Тем удивительнее, что усадебные образы ни у одного из трех поэтов не образуют какой-либо линии тематического развития, но встречаются как будто бы нарочито случайно. Это можно объяснить двумя обстоятельствами. С одной стороны, усадебный мир был не единожды, а дважды историзирован: сначала став предметом революционного разрушения, а потом – музеефикации и даже некоторой глорификации в советской культурной политике. Поэтому усадьба как предмет потребовала бы многочисленных оговорок, не всегда уместных в лирическом тексте, что противоречит религиозно-философским основам поэтики данных авторов, в центре которой стоит епифания – непосредственное явление божественного смысла. Усадьба поэтому могла войти в их поэзию только с иконографической точки зрения, как пример одной из

эпифаний культурного смысла, так что и структура, и действие этой эпифании оказываются полностью внутри этой поэтики.

С другой стороны, независимая русская поэзия принципиально отталкивалась от ряда рецепций усадебного мифа в официальной советской культуре, таких как пушкинский миф, миф декабристов или миф о демократическом дворянстве. Эти мифы, которые были важной частью самосознания шестидесятилетней интеллигенции, не принимались или принимались с большими оговорками творческим поколением 1970-х годов, которое поставило в центр культурной деятельности не миссию, а самоуглубление и духовное созерцание.

В данной статье рассматривается, как именно был раскрыт культурный смысл усадьбы в этой поэзии и как размышления над иконографией усадьбы, над ее устройством позволили обогатить образность новейшей русской поэзии. Следует только добавить, что иконографический схематизирующий подход к усадьбе позволил лирически описывать не только сохранившиеся усадьбы, но и их следы, подвиги, память о них – что больше всего и соответствовало духу русской независимой поэзии 1970-х годов, в которой проблематика следа, остатка, завершения оказывалась очень важной, не сводясь ни к экзистенциалистской, ни к постмодернистской интерпретации этих ключевых понятий.

В 1967 году Виктор Кривулин создает стихотворение “Тригорское”¹, дающее необычную интерпретацию пушкинского мифа русской культуры. Кривулин, вопреки шестидесятичному образу Пушкина, утверждает, что пушкинская поэзия в современном мире никогда не будет до конца понятна. Из стихов Пушкина:

... Холодный и сырой
сочится свет. Но мы его сочтем
за лишнее, а речку под горой
да на крутой горе господский дом
оставим благородному потомству...

Таким образом, стихи Пушкина о природе, которая созерцается в усадьбе, поняты не как описательные стихи, а как особый мистический опыт, понятный при этом только из уникальной экзистенциальной ситуации, а в остальных случаях отбрасываемый как “лишнее”. Тогда как усадебный ландшафт оказывается понятен “благородному потомству”, которого в советское время существовать не может – вероятно, здесь ирония над шестидесятилетним отождествлением себя с поколением декабристов. В самом стихотворении говорится, что “в барском приусадебном саду / похрустывает лед по вечерам”, иначе говоря, идиллическая картина золотой осени оказывается известна на опыте как глубоко внутреннее и тревожащее пережива-

---

¹ Все поэтические тексты здесь и далее приводятся по электронному полнотекстовому архиву “Вавилон” www.vavilon.ru с возможностью поиска (дата обращения 28.06.2018).

ние, но именно оно дает новое творческое вдохновение: “ход пера, послушный, как по льду”. Трудно сказать, имеется ли в виду известная метафора М. О. Гершензона о скольжении по пушкинскому тексту как по льду, но важно, что перед нами не просто описание пушкинского творчества, но и более общая картина вдохновения.

Такое изображение усадебной прогулки как попытки не столкнуться с настоящим поэтическим переживанием, стоящим за пушкинским поэтическим опытом, потом многократно встречалось в лирике Кривулина, скажем, в стихотворении “В парке ливрейном...” или в экфрасисе мнимой колхозной мозаики Пушкина в виде горьковского Данко, где как раз выражение “колхозная усадьба” в значении колхозного строительства и земледелия и позволяет создать такой гротескный соцреалистический или соцарттовский образ. Но у Кривулина появляется и другой образ имения, а именно как места, где смыслы вещей или даже сами вещи уже утрачены, но тексты в усадьбе тайно сохраняются, и они еще могут быть прочтены:

Так возвращается толпа восставших слуг
на место разорённого имения –
почти в раскаяньи. Но сделано: во-
круг
всё перепорчено, лишь уцелел сундук
с остатками бумаг, пригодными для
чтения...
И солнце, не смягчаемое тенью.
(“Яблоневый сад. Полдень”. 1976)

Оказывается, что в усадьбе сохраняются тексты, причем эта тема решается в известнейшей топике сохранения реликвии при катастрофе, скажем, иконы во время пожара, хотя можно видеть в этом, как убедительно доказывает М. М. Гельфонд при анализе других стихов Кривулина, и осмысление особенностей усадьбы Боратынского как сумрачной, но при этом полной яркими картинами [2, с. 26]. В таком случае музейные работники могут рассматриваться как жрецы, хранящие тексты, даже если они не умеют их вполне прочесть, а прячут в сундук, толком и не разобрав. Сохранение культуры в связи с этим оказывается не результатом систематизации, но результатом собственной организации усадебного пространства, включающего в себя и определенную структуру локализованных и потому сохраняемых смыслов.

У Елены Шварц такая локализация, никогда до этого в ее поэзии не выступавшая прямо, оказывается обыграна иронически, в публикации 2000 года о масоне, которому “в поместье... привольно / Но не пьется и не курится”. Тем самым идиллическая топика сразу осмысляется как область императивов, а не переживаний. Как раз постоянное требование героем от себя чего-то невероятного и заставляет его жить в имении после разочарования в столичном масонстве:

Вход в Соломонов храм был рядом –
Между колонок "В" и "J",
Но все кончалось попойкой
И грубым словом "абраксас".

Две колонны “Боаз” и “Яхин”, как воспроизведение иерусалимского храма в масонской ложе, оказываются местом и странного гностического культа. Абракасас изображался с петушиной головой и двумя ногами-змеями, так что это “грубое слово” можно понимать и как пробуждение ото сна. Так получается, что идеализация аристократом собственной культуры обрекает его на существование среди неудачных императивов, тогда как освобождение оказывается в заклинании. Как и у Кривулина, у Шварц в итоговом произведении об усадьбе противопоставляются пространственная и текстовая организации: причем пространственная организация всегда обманчива, тогда как смысл текста даже идеально непонятный, вроде “абраксас”, оказывается единственным способом придать смысл происходящему как целому.

Наконец, в творчестве Седаковой усадебный мир представлен наиболее полно. Если в стихотворении книги “Дикий шиповник” (1973) “Поляна” из “сюиты пейзажей” “Азаровка” еще просто решается вопрос, как возможно развитие достижений западноевропейской культуры на русской почве (“Виньетка в стране, где не рос виноград”), то далее усадьба приобретает все черты дружеского дома; и достижения западноевропейской культуры отождествляются с культом дружбы. Таково, например, стихотворение “В пустыне жизни...” книги “Ворота, окна, арки”, в котором усадебная оранжерея прямо называется

Элизием, а дружеский разговор в доме – пиром мертвых и живых, встречей умерших гениев с нынешними. Но каким образом усадьба приобрела такой смысл поэтической встречи сквозь века?

Ключом оказывается проза Седаковой, а именно три ее путешествия: в Брянск в 1980-е годы, в Тарту в 1990-е и на Сардинию в 2000-е. Эти три путешествия, своеобразные Ад, Чистилище и Рай, изображают усадьбу в различных ключах, но, как мы увидим, эти различия и позволяют понять Элизий поэтической усадьбы.

В “Путешествии в Брянск” за изображением убогого советского быта следует размышление об организации публичных пространств в позднем СССР:

Я рассказала бы а ргoрoс об интерьере частных и служебных наших зданий, где все во имя. Я описала бы поэзию и поэтику советского коридора, актового зала, кухни и т. п., как академик Лихачев описал поэтику садов... Да и сады наши недурны – помните фонтан дружбы ВДНХ? Аллею ЦПКиО? “Поэт в саду”... Кто же здесь? Кто идет между девушками с веслами, между мраморными шароварами, между К и О и грозными синими елями? Они так похожи на кремли, что, мнится, есть в них бойницы и к бойницам прищуренные глаза: пой, поэт, пой.

Сразу нужно объяснить, что означает “Поэт в саду” и другие ключевые образы этого отрывка. Они взя-

ты из книги Д. С. Лихачева “Поэзия садов”, в предисловии к которой он приводит в качестве образца книгу Марии Эустакевич “Поэт в саду”, посвященную поэтическому восприятию парков. Лихачев при этом оговаривает, что его интересует не рецепция, а типология: не отражение парков в поэзии, но общие стилистические закономерности, направляющие создание стихов и создание парков. [4, с. 3] Но поэт в саду встречается и у Лихачева, а именно, в книге приводится рисунок Жуковского иллюзорной галереи Гонзага: паркового троплёя в галерее [Там же, с. 269]. Описание судьбы поэта среди символов советской эпохи больше всего похоже на этот рисунок, на котором статуи ютятся между парными колоннами. Рисунок позволяет уточнить и общие выводы Э. Гросхольц о выходе из усадьбы в открытое пространство как одном из внутренних мотивов поэзии и мироощущения Седаковой [3, с. 120], хотя за пределами нашей тематики остаются другие важнейшие выводы Гросхольц, например, о связи мотива возвращения домой и тяги к гуманитарной учености [Там же, с. 132].

Но и предшествующее описание советской квартиры-студии, в которой вход в кухню был не из коридора, а из жилой комнаты (т. е. сохранялась в основе барачная планировка) – прямая полувитата из Лихачева. Лихачев дает в разделе о романтизме как торжестве лирического принципа в организации усадебного парка показательный флешбек.

В эпоху Ренессанса и Барокко ограды делили сад на изолированные участки, каждый из которых был посвящен той или иной теме и служил как бы еще новым “апартаментом”, продолжая анфиладу апартаментов дворца или замка владельца сада [4. С. 249]

Оказывается, что новому поэту, повествователю “Путешествия в Брянск”, приходится видеть такой новый апартамент-кухню из жилых апартаментов комнаты. Тогда можно понимать поэтику садов как указание на невозможность прежних культурных форм в советское время, отмеченных советским бытом, и на сохранение смысловых моментов только в чертежах и схемах. Графическая схема квартиры и дается в рассказе Седаковой (к сожалению, схема утрачена во всех электронных републикациях, но налична в первой самиздатской публикации в машинописном журнале “Выбор”), хотя она совершенно избыточна в сравнении с описанием в тексте. Такое движение прочь от экфрасиса необычно; но именно оно и соответствует тем интуициям, которые высказывались в поэзии Кривулина и Шварц в разное время (так что мы можем говорить не о влиянии, а об общности установок): пространство уже не обладает разумной семантикой, тогда как разумный текст может быть воспринят как факт культуры только в виде экзистенциального символа.

В “Путешествии в Тарту” на похороны Лотмана образ барочного остроумия распадается: с одной сто-

роны, Лотману приписывается особое изящество, идеальное в своем аристократизме: каждый жест его был окружен быстрыми пучками света, как вокруг хрустальной призмы.

Тем самым, игра вещей, бокала, усадебной посуды оказывается объяснением самих предпосылок и приоритетов исследований Лотмана, в том числе о дворянской культуре. С другой стороны, гротескность тоже барочна: например, поведение несчастной официантки сравнивается с изображением барочного экстаза. Замечательно здесь то, что люди служат в качестве изображений, только Лотман изображает функционирование самой науки, а официантка – функционирование постсоветского быта. Перед нами опять движение прочь от экфрасиса: мы видим не оживающие картины, но умение людей послужить статичными и методическими, а вовсе не переживаемыми непосредственно картинами. Многократно повторяемое в этом рассказе слово “ плен ” как ключ к перемещению героев очень важно как связка с концепцией текста в усадьбе в поэзии Кривулина: если все находятся в плену обстоятельств, то именно все выступают как такой непонятный текст, никому до конца не понятна их судьба, но, как и всегда, эта непонятность текста стоит выше обесмысленных вещей и обстоятельств.

Наконец, в Путешествии на Сардинию “ поместьем ” называется огород и розарий итальянской героини, что возвращает нас к образу усадьбы как Элизия. Элизий оказы-

вается местом встречи мертвых и живых душ и противопоставляется райской жизни импровизаций, вдохновленных морем и податливостью материалов. Такое противопоставление вполне было развито в уже упомянутом стихотворении Седаковой “ В пустыне жизни... ”, в котором “ глубокая покойная рука ” мастера музыки переживает райское состояние, отличное от мучений “ совести больной ”, где “ жестиальные жалобы разлуки ”. Таким образом, усадьба никогда не выступает как райское или идиллическое место, но только как место некоторых знаний, не вполне ясных символов, которые считаются по культурной необходимости. Поэтому позиция Лихачева, для которого диктат стиля и был продуктивным для создания ключевых текстов культуры, включая усадебный текст, как и позиция Лотмана, объяснявшего усадьбу как вполне самостоятельную структуру, сопоставимую по своей связности с природными объектами, позволяет сделать усадьбу не только локусом созерцания, но также местом, которое определяется как Элизий, как область настолько повелительная, что живые в нем не могут не встретить усопших.

Итак, появление усадьбы (имения, поместья) в независимой русской поэзии не может быть сочтено обращением к культурному локусу и символическому ресурсу. Вся семантика усадьбы в поэзии Кривулина, Шварц и Седаковой происходит не из опыта созерцания, а из рекон-

струкции жестких структурных закономерностей, которые позволяют локализовать саму усадьбу не только в земном, но и в метафизическом мире. Усадьба оказывается конструкцией, а не локусом ассоциаций, и мы можем говорить о том, что изображение усадьбы – способ негативно указать на райское состояние. Именно поэтому у всех этих поэтов при разговоре об усадьбе используются не элементы экфрасиса, но жесты, прямо противоположные экфрасису и прямо исключаящие его.

Усадьба оказывается также местом, где пространство утрачивает привычную семантику после культурных перипетий XX века. Единственным значимым объектом оказываются тексты в широком смысле, причем тексты поврежденные, непонятные и даже гротескные. Но чем нелепее сохранившиеся случайно тексты, тем более ярко можно противопоставить их как семантически и аксиологически значимые размытой семантике пространственного ощущения. Текст выступает как носитель ценности не благодаря своим структурным закономерностям, но благодаря самому появлению в качестве жеста, жеста спасительного, связанного с парадоксальной епифанией и откровением.

В таком случае структурированность усадебного пространства оказывается только способом приложения этой епифании к встрече, проводимой по особым законам. Так как эти законы предписываются императивом стиля, а не императивом жиз-

ни, то в этой встрече принимают участие не характеры, но живые и мертвые. Тем самым усадьба как определенный механизм взгляда оказывается механизмом дружбы как чувственной симпатии, вызываемой столь же непосредственно, сколь непосредственно восхищение натуральным пейзажем в усадьбе.

Семантика элементов усадьбы может напрямую выделять область появления мертвых, например, розарий как место памяти и тайны в европейской культуре или же соцреалистическую область паркового контроля, в которой никто не может чувствовать себя вполне свободным и живым. Но вернуть смыслы в культуру невозможно только считыванием готовых текстов, но требуется особое переживание райского опыта. Этот райский опыт нигде не обозначается напрямую, отождествляемый с экзистенциальным неповторимым опытом длительности, хотя по отдельности “длительность” или “холод” могут определять этот опыт только негативно. Таким образом, искусствоведческое и структурно-семиотическое изучение усадьбы, начиная с музеефикации и кончая трудами Лихачева и Лотмана, позволило по-новому осмыслить и моменты семантической напряженности в усадьбе, и возможность поэтического образа усадьбы после множественных культурных разрывов, отказавшись от экфрасиса и земного созерцания в пользу метафизического созерцания, преодолевающего нормированность несвободы.

Библиографические ссылки

1. Богданова О. А. Усадебная культура в русской литературе XIX – начала XX века: Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. №2 (13). С. 17– 33.
2. Гельфонд М. М. Я читал Боратынского: Виктор Кривулин // Полилог. 2011. № 4. С. 25 – 31.
3. Гросхольц Э. Детство и пульсирующее равновесие // Ольга Седакова. Стихи, смыслы, прочтения. М. : НЛЮ, 2016. С. 112 – 144.
4. Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л. : Наука, 1982.

A. V. Markov

**ICONOGRAPHY OF THE RUSSIAN MANOR IN THE POETRY
OF VICTOR KRIVULIN, ELENA SCHWARZ AND OLGA SEDAKOVA**

The revolutionary breakdown of culture that destroyed the manor life, and the museumification of manors in Soviet times, were in the center of reflection of independent Russian poets who studied the fate of Russian culture on the basis of metaphysical interest. Such a double glitch of the manor, the abolition and the museification, allowed to create a special ironic and nostalgic view of the Russian aristocratic culture, in which irony belongs to the depicted world, and nostalgia is exclusively the existential position of the narrator, without any shift to passeist intention. At the same time, images of manors and estates meet in the largest representatives of the metaphysical direction of independent Russian poetry sporadically, often in rather complex contexts that require special interpretation. The article proves that the complexity of the poetic narrative about the manors is explained by the conscious departure from the estate myth of Russian culture in favor of creative interaction with the art history, philology and structural-semiotic study of the manor as palace and park complex, represented primarily in the works by D.S. Likhachev and Yu. M. Lotman. However, unlike the palace life, the manor life draws attention of Krivulin, Schwartz and Sedakova with a detective of personal secrets, the proximity of the manor landscape to the average Russian landscape and the stability of the estate's theme as constructive for Russian literature and the formation of aristocratic individualistic consciousness. Therefore, the manor is simultaneously an otherness or shadow of the So-

viet life, in particular, thanks to the phrase "collective farm estate", without any unjustified elevation of aristocratic culture over the current situation, which is always experienced ironically or tragically, and at the same time a site for the formation of special consciousness of the ruling class, that in the works by the mentioned poets the reconstruction of this consciousness is fundamentally different from the former myth of the sixties of the Decembrists. Confirmations of such iconography of the manor as otherness and at the same time as laboratory of creative individualism we find in prose statements of the mentioned authors, when the connection with structuralist or art history reconstruction of manor life becomes more obvious.

Keywords: manor, landscape, Russian aristocracy, poetic images of culture, high culture, Krivulin, Schwartz, Sedakova

ОБРАЗ «ЖЕНЩИНЫ» И «ЖЕНСКОЕ» В МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ (НА ПРИМЕРЕ БОГИНИ ФРЕЙИ)

В данной статье мы рассмотрим образ женщины в скандинавской мифологии. В качестве объекта анализа в данной работе используется богиня Фрейя, так как в ней отражены идеалы «женского» древних скандинавов. В работе сопоставляются мужские и женские персоналии с целью выявления специфики образа женщины в мифологии: её места в пантеоне, функций, онтологической роли и т. д. Также богиня Фрейя сравнивается с богиней Фригг. Это необходимо для выявления наиболее глубоких качеств первой, которые являются определяющими, дабы составить общее представление об образе женщины. В работе также присутствуют иные женские образы. Это расширяет исследовательский диапазон и позволяет произвести более детальный анализ.

Ключевые слова: Фрейя, валькирии, Фолькванг, дисы, Один, Фрейр, Герд, Грид.

Женский образ в различных религиозных концепциях и традициях неоднозначен. Можно сказать, что «женское» и «женщина» в религиях проходят специфический процесс трансформации и метаморфозов, изменяющих внутреннее содержание и качество этих понятий. С эволюционным развитием религии сам образ трансформировался в соответствии не только с религиозными, но и социальными требованиями, предъявляемыми к женщинам. Долгое время женщина играла вторичную роль в общественной и религиозной жизни, однако в дохристианский период это было не так. В целом в мифологии,

культуре и традициях различных стран и народов, в особенности языческих, функционал женщины обладал широким диапазоном. Отметим, что распространение христианства и ислама, в том числе в рамках социально-поведенческой парадигмы, изменило образ женщины и «женского». Можно сказать, что в данных религиозных системах произошло некое ограничение социальных и религиозных функций женщины и стало уделяться большее внимание духовно-нравственным аспектам. Такое специфическое табуирование, несомненно, связано с новой ролью женщины, которая хоть и обладает

эксплицитно пассивным характером, в действительности же этот характер фундаментален¹. В языческих традициях функции женщины намного шире, чем в монотеистических религиях (исламе, христианстве). Причина, что в политеистических традициях женщина могла иметь одинаковые

права с мужчиной, особенно если у неё были для этого необходимые качества².

Самый яркий женский образ скандинавской мифологии – это богиня Хель³. В целом, женские персоналии занимают не последнее место в скандинавской мифологии, отражая характер и качества женского идеала.

В мифологии скандинавских племён «женскому» присуща милитаристская функция. Центральный женский персонаж в этой парадигме – богиня Фрейя. Данный персонаж по своему внутреннему содержанию неоднозначен, а в некоторых аспектах даже противоречив. Фрейя – богиня любви, красоты и плодородия. Но одновременно у неё есть и другая функция – богиня войны и предводительница валькирий. Здесь как бы возникает определённое несоответствие, однако, это лишь на первый взгляд. Валькирии – это девы, которые забирают павших воинов с поля боя в Вальхаллу или Фолькванг. Термин «дева», как правило, предполагает значение «девушка» или «дев-

---

¹ Во-первых, акты творения Адама и Евы равнозначны, отличаются они лишь в плане механики самого процесса, но не по качеству. Так, Ефрем Сирийский отмечает, что в самом ребре Адама уже было всё, чтобы сотворить из него Еву, и Бог ничего не добавлял кроме красоты и образа [1, с. 46]. Рассматривая сюжет с точки зрения аристотелевской метафизики, можно определить ребро лишь как материю, включающую в себя все физиологические, психологические и прочие аспекты, а образ как форму. Во-вторых, ряд толкователей Ветхого Завета (Августин Иппонский, Ефрем Сирийский) утверждают, что телеологическое и этиологическое основание создания женщины – это быть соратником (помощником) мужчины в реализации добрых дел, достойных Божьей похвалы [Там же, с. 84, 86]. Ефрем Сирийский утверждает, что жена также помощница мужу в делах домашних, так как является сведущей в них. В-третьих, мужчина и женщина являются воплощением единения двух в одном. В-четвёртых, многие толкователи видят в сюжете творения Евы становление Церкви (по аналогии с Христом). Однако большинство толкователей так или иначе сводят всю полноту женских функций лишь к одной – деторождению. Но если рассмотреть сюжет рождения Евы всесторонне, то можно сделать следующие выводы. Первый – анатомически главная задача ребра – это защита сердца. Несмотря на физическое доминирование мужского рода, психологическая стойкость является отличительным качеством женщин. Таким образом, женщина является психо-ментальной опорой для мужчины. Второй – ребро есть символ категоричности и однозначности (на примере фразеологизма «ставить вопрос ребром»). Таким образом, можно говорить о завершённости творения человека только с появлением Евы.

---

² В целом, стоит отметить, что для архаических религиозных традиций свойственна борьба мужского и женского. Например, М. Элиаде описывает древний миф племени Селкнам, в котором описывается противостояние женщин и мужчин [15, с. 82]. В политеистических (национальных) религиях также встречаются такие антагонизмы (Зевс (Геркулес) и Гера, Эрешкегаль и Нергал, Один и Хель, Один и Фрейя, Инара и Иллуянка и т. д.).

³ Данный образ рассмотрен подробно и детально в отдельной статье [9].

ственница», что так или иначе сводится к «непорочности» и состоянию женщины до брака. Сама же Фрейя не являлась эталоном целомудрия, ибо она богиня любви, в том числе и плотской. Возникает некое противоречие между образами валькирий («девы», «целомудрие») и Фрейей (богиней любви, плотских наслаждений и т. д.). Однако при глубоком и детальном рассмотрении это противоречие разрешается. Во-первых, понятие святости монотеистических (мировых) религий отличается от политеистической интерпретации, в том числе и в том, что есть святое и сакральное, и непорочность (целомудрие) не всегда считалась таковой. Например, М. Элиаде указывал, что быть «введенным в сексуальную жизнь означало для новичка возможность участия в священном таинстве Мира и человеческого существования» [15, с. 72 – 73]. Кроме того, В. Я. Петрухин отмечает, что «в мире богов – мире сверхъестественного – позволялось то, что было недопустимым в мире людей» [10, с. 12]. Во-вторых, образ валькирий в религиозном представлении скандинавских племён разнится с представлением о целомудрии у христиан. Они не только те, кто забирает избранных павших на поле боя, но и те, кто заботится о воинах в Вальхалле. Их главная задача – обеспечить комфортное существование героев в ином мире до Рагнарёка. Более того, для валькирий ненавистен брак, для них статус возлюбленных героев был более прием-

лем, чем статус жены, который для этих дев был ужаснейшим наказанием [10, с. 145]. Таким образом, термин «дева» используется, дабы подчеркнуть тот факт, что они находятся вне брака, но не указывает на целомудрие как определяющий аспект. Несомненно, что это связано с изначальной природой валькирий – воительниц, свободных и неистовых, подобно природным стихиям. В-третьих, Х. Гербер отмечает, что плодородие почвы, свежесть долин и горных склонов, а также великолепие сосен и лугов были связаны с валькириями [4, с. 162]. Это в свою очередь роднит этих дев с богиней Фрейей, которая имела функцию божества плодородия.

В целом можно сказать, что у данной богини латентный антагонистичный характер по отношению к главной паре германского пантеона (Один и Фригг). Несмотря на то что обе богини (Фригг и Фрейя) являлись покровительницами рожениц и их функции связаны непосредственно с женщинами, в остальном они противоположны друг другу. Обе богини были покровительницами влюблённых, однако функции Фригг больше распространяются на брак и семью, тогда как Фрейя скорее помогала влюблённым вне брака, т. е. она отражала не социальную, а витальную и естественную сторону любви. Фрейя противоположна Одину в двух аспектах. Первый аспект связан непосредственно с павшими воинами и фактом, кому из

воюющих достанется победа⁴. У обоих божеств были свои любимчики, поэтому каждый стремился к тому, чтобы слава досталась их подопечным. Кроме того, всех кого забирали валькирии, отправляли либо в Вальхаллу, либо в Фолькванг. Однако каким именно образом происходило деление воинов, в частности по качественным характеристикам, не указано⁵. Второй

---

⁴ В. Я. Петрухин указывает на то, что мотив соперничества Одина и Фрии (Фригг) из-за любимцев является распространённым мотивом скандинавских мифов и сказаний [10, с. 41]. Однако сомнительно, что Фригг по своим функциям могла быть причастна к войне. Скорее всего, имя Фрия – это контаминация имен богинь Фрейи и Фригг, которая произошла из-за трансформации внутри самой мифологии, связанной с выдвиганием асов на первое место в пантеоне. Иными словами, такое соперничество больше характерно для Фрейи и Одина, чем для Одина и Фригг. Таким образом, можно предположить, что мифологема (мифологический сюжет) осталась, а имя Фрейя было заменено на Фрия (Фригг). Хотя Е.М. Мелетинский отмечает, что военная функция не характерна миролюбивым вanam [7, с. 47]. Фрейя представительница ванов, хотя и живёт в Асгарде. Однако, учитывая, что в военном деле асы уступают вanam (миф о войне между асами и ванами, в результате которой победили последние), становится ясным, почему Фрейя становится носительницей военной функции: она из ванов, она женщина (это необходимо для полноты отражения природы войны), она связана с деторождением опосредованно, она не является богиней брака и семьи и т. д. Таким образом, милитаристская функция могла быть приписана позднее только Фрейе, но не Фригг, так как та не могла бы совмещать в себе функции семьи и войны.

⁵ Есть указание на то, что в чертоге Эйнхериев обитают лучшие воины, однако по каким характеристикам их отбирают: по количеству поверженных врагов, по храбрости, по военному искусству (тактике и стратегии) и т. д. – указания нет. Скорее всего, все эти факторы важны при выборе Одином воина.

аспект непосредственно связан с войной. Один представляет собой войну, как некий социализированный, рациональный, экономический феномен*, тогда как Фрейя отражает непосредственно чистую природу войны – хаотичную, неумолимую и т.д.

В. Я. Петрухин отмечает, что изначально главным атрибутом Фрейи был пояс, указывающий на деторождение и плодородие, а не ожерелье [10, с. 219, 315]. Пояс является важнейшим атрибутом Фригг, тогда как именно ожерелье атрибут Фрейи. Несомненно, что многие исследователи видят в этих богинях дублирование некоторых функций [7, с. 47], однако они не тождественны друг другу. Ожерелье подчёркивает главную функцию Фрейи, а именно, что она богиня красоты. Кроме того,

---

Но сам этот бог имеет незначительное отношение к сотериологии и ему мало известна человеческая природа, поэтому решающим фактором в выборе является неистовость и жестокость воина (ведь одно из хейти (имён) Одина – Вотан, то есть «Яростный», «Безумный», «Бушующий», «Свирепствующий» [12, с. 208 – 209; 2, с. 18]), в отличие от Фрейи. Также стоит упомянуть, что в «Перебранке Локи» Локи обвиняет Одина в том, что тот отдаёт победу трусам [6, с. 127], что ставит под вопрос принцип распределения воинов, в том числе по каким критериям, между Одином и Фрейей.

* Это может быть объяснено генезисом Одина из хтонического божества в асов [7, с. 49]. Таким образом, имя Вотан («Ярость») отражает первоначальную природу этого божества, тогда как имя Один (отец всех богов и людей, царь Асгарда) – уже указывает на новые качества и функции этого божества, в частности именно на социальные. Таким образом, по внутреннему содержанию образов самих этих персоналий Вотан ближе к Фрейе, чем Один.

ожерелье указывает на то, что она также связана с богатством, что непосредственно отражает и её функцию плодородия⁶. Возможно, что изначально её атрибутом и был пояс (вместо ожерелья), однако этому могли способствовать только следующие факторы. Первый – появление (выдвижение на первое место в пантеоне) Фригг, поэтому к функционалу Фрейи добавляются ещё несколько сфер, дабы разделить обе персоналии. Второй – заимствование Фрейи и её переход в число асов, поэтому необходимо было наделить её иными, социальными, функциями. Поэтому именно ожерелье отражает ту полноту функций, которыми наделена богиня Фрейя.

Следующая важная черта, богини – инцестуальный аспект (с бра-

том Фрейром). Это было одно из двух главных обвинений Локи, предъявленных Фрейе на пиру у Эгира, что описано в «Перебранке Локи» [6, с. 129 – 130]. Другим обвинением Локи было распутство Фрейи [Там же]. Несомненно, что значение песни «Перебранка Локи» состоит в том, чтобы раскрыть все самые тёмные, низкие и аморальные качества богов, которые они скрывают за своим могуществом и благородством. Можно сказать, что Локи в данном сюжете выступает как голос совести и традиций (которые часто нарушались богами), а боги держат моральный экзамен перед ним. Е. М. Мелетинский отмечает, что кровосмесительные браки – отличительная черта ванов [7, с. 47]. В. Я. Петрухин указывает на то, что «смысл этого запретного для нормального родоплеменного общества божественного обычая в том, что ваны призваны были гарантировать плодородие, а плодородие зависело в представлениях этого общества от сексуальных способностей богов и их жрецов» [10, с. 207]. Несмотря на то что инцест был запрещён во многих обществах родоплеменного строя (кровосмешением считалось вступать в брак с членом своего племени), многие религиозные и мифологические традиции этого не запрещали. Например, М. Элиаде отмечает, что некоторые инициатические практики, в частности «Возвращение в чрево», могут иметь инцестуальный характер [15, с. 144]. Ещё один яркий пример – герой Зинфьётли, который родился от связи Зигмунда и Синьи (брат и сест-

---

⁶ Ожерелье символически имеет множество значений. Во-первых, это изображение непрерывности, бесконечности и цикличности. Как богиня плодородия, она связана с циклом природных явлений. Во-вторых, ожерелье знаменует богатство, власть и статус. Несомненно, что Фрейя имеет не последнее значение как для богов, так и для людей. Кроме того, её особый статус подтверждает значение её имени, которое переводится как «Госпожа». В-третьих, ожерелье имеет связь с сексуальностью (красотой). Например, Е.М. Мелетинский указывает, что Фрейе как богине плодородия присуща сильная эротическая окраска [7, с. 47]. Эта эротизация не является искусственной и эстетизированной. Её сексуальность совершенно естественна, поэтому и связана с плодородием, чего невозможно сказать об эстетизированном эротизме. В-четвёртых, ожерелье также представляет собой аналог талисмана, оберега, амулета. Это подчёркивает тот факт, что Фрейя связана с магией и областью тайных знаний.

ра) [15, с. 213]. Это, несомненно, указывает на то, что в религиозно-мифологических традициях существовала идея некой чистоты и божественности, которая не терпела вмешательства извне. Именно поэтому тема инцестуальных связей так популярна в мифологии религий мира. Идея пары брата и сестры (солнца и луны) часто присутствует в религиозных традициях. Однако реальная ситуация далека от мифологической традиции, кровосмешение вызывает вырождение, не способствует консолидации сообщества (если говорить о родоплеменном строе), а также является морально негативным поступком. Именно по этой причине возникает табу на такое поведение. Становится ясным, почему как пара Фрейр и Фрейя⁷ не присутствует в мифологии в эксплицитной форме. Попав к асам, у которых инцест табуирован, их связь, которая у ванов считается традиционной, уже не имеет легитимности. Как и их отцу Ньёрду, брату и сестре приходится выбирать себе новую пару⁸, что для Фрейра в по-

---

⁷ Оба божества заслужили почтение и любовь асов, несмотря на то что сами они были из рода ванов. Фрейя поразила богов своей красотой и грацией, за что ей был дарован Фолькванг и палата Сессрумнир (многокаменная) [4, с. 124]. Фрейру асы подарили страну Альвхейм и меч, который, если будет вынут из ножен, принесёт победу [Там же, с. 112].

⁸ Данная транспозиция объясняется следующим. Во-первых, это отражает тенденцию на сближение мира божественного и мира человеческого. В частности, такое происходит на более поздних этапах развития обществ, когда религиозные традиции становятся фундаментом для морали, культуры и пра-

следующем обернётся не лучшим образом.

Новой парой для Фрейи стал Од – бог или смертный человек, иногда он ассоциируется с Одином. Несомненно, что функциональное взаимоотношение между Одином и Фрейей существует, однако выдвигается гипотеза, что первоначально они являлись парой. Имя Од переводится как «Исступление»⁹ и связано с неким экстатическим, экзальтированным состоянием¹⁰. Рассматривая образ Ода, можно понять, что именно это божество могло компенсировать функции Фрейра. Согласно религиозным представлениям скандинавских народов, Фрейр – бог телесной любви и сладострастия, и «его любовное вожделение охватывало не только ближайшее божественное окружение, включавшее его сестру, оно простиралось и за пределы мира богов и людей – Мидгарда» [10, с. 207]. Однако если сосчитать коли-

---

ва. Несомненно, что само общество влияет на религию, изменяя её для соответствия требованиям и нуждам индивидов общества. Во-вторых, это указывает на одну из главных специфик мифа, а именно на историчность. Это переход от одного типа общества к другому, одних традиций и культур к другим (например, от родоплеменного к феодальному). В мифологии это отражено как выдвижение на первый план социального устройства Асгарда и главенство асов, пришедших на смену ванам.

⁹ Х. Гербер отмечает, что кроме того, что Од был божеством солнца, он также являлся символом страсти и опьяняющего удовольствия, приносимого любовью [4, с. 127].

¹⁰ В. Я. Петрухин отмечает, что имя Один является производным от имени Од, чем объясняется его поэтическое экстатическое состояние [10, с. 219].

чество потомков Фрейи, Фрейра и Одина, то получится следующее соотношение: Фрейя (в паре с Одом) – дочери Хнос и Герсеми; Фрейр – по некоторым сведениям, легендарный герой Фьёльнир¹¹; Один – сын Тор (от Ёрд/Фьёргюн); сыновья Бальдр, Хёд, Хермод (от Фригг); сын Вали (от Ринд); сын Видар (от Грид); сын Хеймдалль (от «девяти матерей»); сын Браги (Гуннлед); сын Тюр (от великанши, сестры Хюмира). Кроме того, многие королевские династии Скандинавии считали себя потомками детей Одина, в том числе даже те же Инглинги. Если сложить общее количество потомков Фрейи и Фрейра и сопоставить с количеством потомков Одина, то получим соотношение трое против девяти, без учёта основателей королевских династий. Мы видим, что более «плодовитым» оказался Один, а не боги плодородия Фрейя и Фрейр, что может показаться достаточно нелогичным, ибо их главная функция оказывается не реализованной.

Можно предположить, что Од является одной из ипостасей Одина. Ж. Симпсон указывает, что Один «был одарен тремя видами безумия: безумием воина в битве, безумием погруженного в экстаз провидца и безумием поэта» [12, с. 209]. Но этому богу присуща и другая форма безумия: осо-

бое экзальтированное состояние – некое иступление сексуального характера. Во-первых, выше мы указали, что по количеству своих потомков он занимает первое место, боги плодородия проигрывают ему в данном аспекте.

Во-вторых, сексуальная и интимная функция Одина отражена в легенде о появлении бога Вали. Этот сюжет раскрыт в произведении «Деяние данов» (Кн. III, 4.1 – 4.8) [11]. Согласно ему провидица рассказала Одину, что девушка Ринд должна родить того, кто отомстит за смерть Бальдра. Всеотец поспешил завоевать её расположение, изменив свой внешний облик. Первый раз при помощи доблести. Но получил отказ и пощёчину. Затем он совершил вторую попытку – приняв образ искусного кузнеца, одарил Ринд изделиями из золота (браслет, над которым он тщательно трудился, и кольца). Но и в этом случае сердце девушки не дрогнуло. Ринд снова отказала и наградила Одина лишь «затрещиной», мотивируя своему отцу отказ от жениха тем, что она ещё юная, поэтому не стоит спешить с браком. Хотя сама она понимала, какие помыслы на уме у того, кто к ней сватается.

Один не остановился на этом отказе. Он изменил свой облик в третий раз – предстал как великий воин, окружённый лучшими людьми короля. Пытаясь силой поцеловать Ринд, получил отпор в прямом и переносном смысле, в результате чего упал и ударился подбородком о землю. Но он успел дотронуться до девушки куском коры, исписанной руниче-

---

¹¹ В «Старшей» и «Младшей Эдде» нет чёткого указания на это. Это упоминание есть лишь в «Сагах об Инглингах», где Фьёльнир выступает как родоначальник династии, а название она взяла в честь второго имени Фрейра – Ингви.

скими заклинаниями. В результате дева впала в безумное состояние. Один же переоделся в целительницу и постепенно проник ко двору короля, где в его обязанности входило омы- вать ноги девушки. Когда Ринд сильно «занемогла», Один, переодетый в це- лительницу, сказал, что ей нужно выпить особое зелье, приготовленное им, однако оно приносит такие мучения и боли, что дева не выдержит, поэтому её нужно связать. Так и поступили, ко- гда Ринд и Один остались наедине, он насильно овладел ею (обесчестил) и лишь потом излечил, понимая что при здоровом рассудке девушка не была бы к нему склонна¹². Таким образом, и был зачат бог Вали¹³.

В легенде стоит отметить не- сколько важных моментов. Первый – это использование заклинаний и ма- гии. В данном случае можно гово- рить либо о каком-то особом магиче- ском экстатическом заклинании, вы- зывающем безумную страсть (некая магия обольщения), либо о заклина- нии иного негативного рода, лиша-

---

¹² Другая вариация легенды заклю- чается в том, что лекарь (Один) так и не смог излечить Ринд. Однако король, видя любовь лекаря к дочери, в качестве награ- ды позволил ему разделить ложе со своей дочерью.

¹³ Х. Гербер отмечает иную интерпре- тацию окончания данной легенды, указывая, что Один потребовал от Ринд выйти за него замуж, а когда она согласилась, то он развязал путы и снял заклятие [4, с. 153]. Есть упоми- нание этой мифологемы и в «Старшей Эдде» («Речи Высокого»), однако лишь вскользь и упоминается, что Один не достиг успеха [6, с. 56 – 57]. Интересно то, что в данном случае Один выступает как жертва, пострадавшая от коварства девы.

ющем человека здравого смысла. Второй момент – это безумная страсть, вождление и похоть, кото- рой был одержим Один. Сюжет о Ринд ярко показывает, что Всеотец был движим не только провидением (желанием его реализации), но и ущемлённой гордостью, а возможно, что скорее всего, безумной страстью. Третий – наличие в сюжете элемента насилия. В действительности в этом нет ничего удивительного. Один – бог войны и насильственной смерти [12, с. 209]. Таким образом, насилие это один из его атрибутов (качеств, инструментов и т. д.). Стоит отме- тить, что Ринд является представи- тельницей архетипа Кору. Особен- ность данного архетипа состоит в том, что совершается некое насилие, жестокость и обман, в результате че- го Кора трансформируется из чистой девы в образ мести и отмщения. Она желает справедливости, она полна гнева и отчаяния. Как правило, в ре- зультате насилия она становится ма- терью. Этот ребёнок есть повторение своей матери – он символ перерож- дения Кору [16, с. 142 – 144]. Имен- но поэтому бог Вали (сын Ринд) и является богом мщения, рождённым только для того, чтобы отомстить. Однако он мстит не тому, кто дей- ствительно совершил насилие (ни над Ринд, ни над Бальдром), а тому, кто в действительности и не был ви- новат. Это символ слепой ярости, которая может разить не те цели. Таким образом, можно сделать вы- вод, что только через подобный акт насилия (над Ринд), мог появиться

Вали как отражение гнева, злобы и мщения Ринд.

Миф об Одине и Ринд очень схож с другим мифом – о Фрейре и Герд («Поездка Скирнира»). Бог любви и плодородия влюбился в великаншу Герд, погрузился в молчание, одиночество и печаль. Его родители (Ньёрд и Скади (мачеха)) забеспокоились и приказали Скирниру, который с самой юности был вместе с Фрейром, разузнать, что так печалит их сына¹⁴. Фрейр рассказал, что причиной является дева Герд, в которую он влюбился. Скирнир решил помочь другу и отправиться просить руки Герд для Фрейра. Он попросил у Фрейра коня и волшебный меч, тот, не раздумывая, отдал то, что просил Скирнир. Прибыв ко двору Хюмира, он попросил согласия Герд стать женой Фрейра, принеся при этом в дар одиннадцать золотых яблок¹⁵. Одна-

---

¹⁴ Причиной беспокойства ещё могло быть то, что согласно религиозным традициям политеистических систем боги плодородия, находящиеся в негативном состоянии (плен, печаль и т. д.) не исполняют свои функции. Более того, их эмоциональное состояние тождественно природному. Таким образом, если божество находится в негативном состоянии, это отражается на природе – она увядает и умирает. Можно предположить, что причина беспокойства за Фрейра могла заключаться и в этом.

¹⁵ В действительности эти яблоки являются одним из самых дорогих подарков, как могло бы показаться на первый взгляд. Во-первых, именно они продлевают жизнь и возвращают молодость богам. Ими владеет только богиня Идунн («Возобновляющая»), так как лишь она может собирать эти волшебные плоды. Во-вторых, эти золотые яблоки были тем предметом, которым очень хотели завладеть великаны (об этом рассказывает миф о похищении Идунн великаном Тьяцци).

ко Герд отказалась принимать дар. Затем Скирнир предложил в дар великанше одну из ценностей асгардцев и один из атрибутов Одина, а именно кольцо Драупнир [6, с. 98] – кольцо, которое каждую девятую ночь приносит владельцу восемь своих копий (они золотые, но не волшебные), а пояс из таких колец делает надевшего его неуязвимым. Однако Герд не приняла и этот подарок.

Затем Скирнир пригрозил, что убьёт Герд волшебным мечом Фрейра, если она не согласится. Но великанша не испугалась угроз и была настойчива в своём отказе. Но Скирнир также не собирался отступить, и пригрозил, что если она не согласится, то он убьёт её отца Хюмира¹⁶. Однако дева также отвечает отказом. Тогда Скирнир угрожает тем, что

В-третьих, яблоко является символом страсти, желания и удовольствия, иногда чем-то запретным. Возможна аналогия яблока с сердцем, тогда символической интерпретацией может быть предложение «руки и сердца». В-четвёртых, яблоко является символом перехода в иной мир, как бы неким пропуском. Герд после свадьбы живёт с Фрейром в Асгарде. Иными словами, это также символ некой инициации, вхождение в общество, группу и т. д. В-пятых, так как яблоко связано с иным миром, оно также символизирует тайное знание. Число «11» имеет неоднозначное значение. С одной стороны, так как оно идёт после «10» (которое символизирует полноту чего-либо), оно символизирует излишнее, то есть нечто отрицательно (грех, порок, несдержанность и т.д.). С другой стороны – оно нечто больше полноты, а соответственно символизирует что-то выходящее за пределы – сакральные знания.

¹⁶ Сцена эта имеет неоднозначный характер. Дело в том, что Хюмир один из немногих ётунов, которые имели с асами нейтральные отношения, а иногда и помогали им.

наложит на деву страшное заклятие: множество страданий, заточение, чёрную похоть, несчастный брак, ужасающее посмертное пребывание в Хельхейме и т. д. [6, с. 99 – 102]. И только после этого Герд дала своё согласие. В данном мифе нужно выделить несколько важных моментов. Первый связан с тем, что это заклинание вводит жертву в некое состояние безумия. Второй – это безумие связано с некой интимной сферой. В «Поездке Скирнира» в словах героя звучат такие проклятья как «чёрная похоть», «от похоти сохни», «запрет налагаю, заклятье кладу на девы утехы, на девичьи услады». Третий момент интересен тем, что в мифе упоминается волчек (в народе называется «горький чертополох»). В религиозной традиции различных народов чертополох имеет положительную оценку как в сфере практического, так и теоретического (религиозной веры). Чертополох использовался в медицине, так как по своим свойствам он применялся как обезболивающее¹⁷. Из магических качеств, которые ему приписывают, важнейшим является защита от злых сил. Стоит отметить, что чертополох особенно популярен в Шотландии, он практически её символ¹⁸. Однако в мифе

---

¹⁷ Применялся при головных и зубных болях, при воспалительных процессах и т. д. Более того, его применяют для облегчения естественных процессов женского организма, и при их нарушении.

¹⁸ Для шотландцев это символ гордости, стойкости, негибкости, силы, мужества и т. д. Часто присутствует в геральдике. Кроме того, чертополох часто ассоциируется с войной. Согласно поверью, если девушка

прослеживается некая негативная тенденция. Это связано с сельскохозяйственным культом. Чертополох – сорное растение, которое мешает культурным растениям развиваться, а соответственно снижает урожай. Можно предположить, что «положить под камень» чертополох символизирует желание следующего удачного урожая (не давая распространиться семенам по полю). Таким образом, это выражение может иметь значение бесплодности. Учитывая, что Фрейр бог плодородия, то такое объяснение может иметь место быть, и это проклятие связано с тем, что Герд никогда не станет матерью. Мало того, что она будет жить в несчастном браке, так ещё не произведёт детей, что, несомненно, являлось позором. Таким образом, мы видим сходство двух мифов – об Одине и Ринд и о Фрейре и Герд.

Третьим моментом, указывающим на сексуальное как форму безумия, является непосредственно само экстатическое состояние. Существует множество архаических культов, связанных с экзальтированным сексуальным состоянием. Ярким примером являются вакханки в религии Древней Греции, культ которых также имел элементы жестокости и некоего безумия.

Из вышесказанного можно сделать следующее предположение. Изначальной парой в мифологии могли

будет употреблять в пищу чертополох, то у неё родится мальчик. Также чертополох связывают с половым влечением к противоположному полу. Иногда с мстостью и жаждой отмщения.

быть Один (Од) и Фрейя, дублирующие отведённые им функции (как Фрейя и Фрейр, Ньёрд и Ньерд, Фьёргюн и Фьёргюнн [3, с. 28]). Впоследствии, с развитием мифологической системы, возможно в результате определённых социальных процессов, появляются Фригг и Фрейр. Возникновение образа богини Фригг могло быть инициировано выдвижением на первое место семьи как важнейшего элемента общества, так как характер Фрейи, в том числе её связь с войной, не могли бы стать фундаментом для построения подобной персоналии. Несомненно, что подобная персоналия в образе Фригг должна была встать во главе пантеона, заняв место Фрейи¹⁹. Бог Фрейр как отдельный персонаж мифологии появляется в результате выдвижения милитаризованного культа древних германцев, так как некое сладострастие очень сложно представляется рядом с военными функциями. Таким образом, Фрейр забирает витальные и сексуальные функции Одина, стано-

---

¹⁹ Одним из атрибутов Фригг является прялка, которая указывает на её функции провидицы. Прялка – это главный инструмент в сейдической практике, которая изначально является магической практикой ванов, но не асов. Именно Фрейя привнесла этот вид магических практик в традиции асов. Второй интересный момент состоит в том, что если учесть концепцию, что изначальный атрибут Фрейи не ожерелье, а пояс (об этом было сказано выше), то это ещё больше сближает обе персоналии, так как ещё одним главным атрибутом Фригг является пояс. В таком случае ожерелье как атрибут появляется после неких изменений в мифологии, с целью отделения Фригг от Фрейи и для подчёркивания функции красоты и любви.

ваясь отдельным и целостным персонажем²⁰.

Стоит отметить, что оба мифа (Один и Ринд, Фрейр и Герд) начинаются с вмешательства извне (Один – прорицательница, Фрейр – трон Хлидскьяльв). Содержание мифа и тенденция развития сюжета также схожи.

---

²⁰ В «Поездке Скирнира» существует несколько интересных моментов связанных с Фрейром. Во-первых, Фрейр однажды сидел на престоле Хлидскьяльв, который является трон Одина, и с которого Фрейр и увидел свою возлюбленную Герд. По каким-то причинам трон пустовал. Снорри Стурлусон указывает, что «и так отплатилась ему великая гордыня, обуявшая его на священном престоле: пошел он прочь полный печали» [13, с. 35]. Однако в «Старшей Эдде» нет упоминания о том, что это действие носит какой-то отрицательно нравственный характер, то есть нет упоминания, что инициировала этот акт Фрейра именно его гордыня. По-видимому, такая оценка поведения Фрейра является личной оценкой Снорри Стурлусона. Суть этой мифологемы имеет два основных момента. Первый состоит в том, что миф отражает идею сакральности и недоступности знаний, ведь, по мнению Снорри Стурлусона, Фрейр поплатился печалью за то, что он сел на престол Одина. Иными словами, не стоит стремиться и пытаться получить то, к чему нет доступа, в частности к сакральным знаниям. Второй – это то, что данный миф указывает на обособление образа Фрейра из Одина, это некая эманация функций, в новую форму. В данном случае это связь с сакральными знаниями, которые согласно мифу не доступны Фрейру. Во-вторых, в «Поездке Скирнира» Скирнир обращается к Фрейру «владыка богов» [6, с. 95], хотя именно Один имеет этот статус. В-третьих, интересен сам образ Скирнира. Когда Герд задаёт вопрос, из какого рода Скирнир, он отвечает, что не из асов, и не из альвов, и не из ванов. Таким образом, возникает вопрос о том, кто же такой Скирнир. Здесь прослеживается некая параллель с Локи (он также часто исполнял волю Одина), ведь он также не принадлежит ни к одному из этих родов согласно религиозной традиции.

Можно предположить, что оба мифа имеют общий сюжетный (структурный) каркас, отдельные детали играют лишь второстепенную роль. Возможно, что оба они имеют свои корни в какой-то более архаической мифологеме. Они представляют собой видоизмененную форму прототипа, добавляя иной смысл и новую интерпретацию.

Возвращаясь к образу Фрейи следует отметить, что важнейшие её функций – сотериологическая и экзистенциальная. В целом, для богини свойственно более близкое отношение к человеческому миру и человеку вообще, чем к Одину. Поэтому часто её характеризуют как дису, то есть божество, которое охраняет и защищает просящих и нуждающихся в покровительстве и защите. Дисы связаны с культом плодородия. В скандинавской мифологии к дисам относятся не только девы-хранительницы, но и норны и валькирии. В. Я. Петрухин отмечает, что «Фрейя и прочие богини скандинавского пантеона покровительствовали не только своим избранникам, они были покровительницами человеческого рода в целом» [10, с. 223]. Особенно внимательно она относится к людям, чьи мольбы связаны с любовью и отношениями [4, с. 125]. Более того, после смерти в чертогах Фрейи живут девушки, которые не вышли замуж [10, с. 220] (т. е. умершие раньше срока) и добродетельные хозяйки [Там же, с. 296]²¹. Таким обра-

зом, можно сказать, что место Фрейи в сотериологической концепции древних германцев одно из важнейших, ибо она близка к человеческому миру.

Фрейя имеет отношение к са-кральным знаниям (в отличие от Фрейра). Об этом рассказывает сага об Оттаре и Ангантюре. Согласно сюжету оба они имели правовое притязание на одно имущество. Тогда решено было рассудить спорный вопрос на тинге (совете общины). По правилам тот, кто назовёт больше представителей своей родословной (доказать, чей род древнее), тот и получит желаемое. Оттар знал лишь нескольких. Он построил алтарь в честь Фрейи и взмолился ей. Фрейя ответила на его мольбы. Она превращает его в вепря и скачет на нём в Утгард (Ётунхейм), где живёт великанша-прорицательница Хюндли, которая и должна была дать нужные Оттару ответы. Когда богиня встречается с великаншей, между ними происходит интеллектуальная дуэль, как у Одина с Вэльвой, головой Мимира и т. д., ведь такие встречи с существами иных миров есть некое спе-

---

опосредованно является царицей Вальхаллы, так как состоит в супружеских отношениях с непосредственным царём этого места – Одином. Тогда как именно Фрейя владеет Фольквангом, как и Хель – Хельхеймом. Несомненно, что Фригг причастна к жизни в Вальхалле. Как богиня домашнего очага, она заботится о том, как себя чувствуют Эйнхерии (еда, питье, уют и т. д.), однако она не является хозяйкой в полном смысле этого слова.

---

²¹ В. Я. Петрухин отмечает, что «не только супруга Одина Фригг, но и Фрейя была хозяйкой собственного царства мертвых» [10, с. 296]. Однако это утверждение не совсем корректно, так как Фригг лишь

цифическое соревнование в интеллекте, хитрости, знаниях, силе. Интересно, что Фрейя использует хитрость и ловкость подобно Одину и Локи.

В результате этого противостояния Хюндли проигрывает и начинает рассказывать родословную Оттара. Она поведала, что род этого юноши настолько древний, что в нём присутствуют Бальдр и Вали. Кроме того, она повествует всю космогонию мироздания, а также рассказывает о Рагнарёке. Этот момент указывает на то, что Фрейя, как и Один, имеет отношение даже к таким сакральным знаниям. Столь большое количество знаний Оттар бы не запомнил, тогда Фрейя просит Хюндли сварить напиток (пиво), который поможет вепру (т. е. самому юноше) всё запомнить. Великанша распознала обман, она отказала богине и начала осыпать её проклятиями и угрозами. Фрейя не снесла такого оскорбления, явила свою мощь и пообещала сжечь великаншу. И только когда огонь окружил Хюндли, она согласилась. Она сварила пиво, но добавила в него яд. Однако Фрейя нейтрализовала его, произнесла целительное заклинание. Оттар выпивает волшебный напиток и выигрывает соревнование на тинге²².

---

²² Генеалогия – это главное знание, которым необходимо обладать человеку, так как только так он может определить своё место в связи с иными родами (существами) в мифологическом мире и иметь права на наследство [10, с. 222 – 223]. Особое отношение к истории есть особая черта мифологии. М. Элиаде отмечает, что

Стоит отметить, что мифологические знания играли важную роль в человеческом обществе. Например, М. Элиаде указывает, что если знать генезис чего-либо (предмета, животного, растения и т. д.), значит получить власть над ним и управлять им [14, с. 24 – 25]. Таким образом, имея знания, в том числе мифологические, можно было влиять на реальность.

Ещё один момент, указывающий на связь Фрейи с сакральными знаниями, – это то, что она сведуща в искусстве сейд, которому она научила асов. Эта богиня дарит знания не только богам, но и людям (как это видно в мифе об Оттаре). Интересно то, что Фригг является провидицей, однако эти знания она не раскрывает никому²³.

«миф рассматривается как сакральное повествование и, следовательно, как событие, действительно произошедшее, так как оно всегда имеет отношение к определенным реальностям» [14, с. 16]. Дж. Ф. Бирлайн указывает, что миф – это то, что соединяет настоящее, прошлое и будущее воедино, а также специфическая модель, которая повторяется во все времена [2, с. 14 – 15].

²³ Согласно Снорри Стурлусону, Один указывает на то, что Фригг прорицательница: «все судьбы Фригг, я думаю, знает, хоть в тайне хранит их» [13, с. 26]. Однако в «Старшей Эдде» («Перебранка Локи») эта фраза принадлежит Фрейе [6, с. 129]. В данном случае важную роль играет и сам С. Стурлусон. Дело в том, что в его работах очень сильно прослеживается переход «Эдды» в «Сагу», то есть переход мифолого-религиозного в героическое. А. Я. Гуревич, рассматривая «Сагу об Инглингах», указывает, что боги Один, Фрейр, и другие божества превращаются в культурных героев [5, с. 29]. Е. М. Мелетинский также указывает, что отношение к С. Стурлусону неоднозначно,

Также в данном мифе есть опосредованное указание на целительную функцию Фрейи. Она косвенно причастна к данной области, ведь она богиня плодородия и связана с растениями, многие из которых, несомненно, использовались в медицине того времени.

Фрейя обладает также и такими качествами, как хитрость и лукавство. Это ярко прослеживается в саге об Оттаре. Ещё одно доказательство – сюжет о великане Хрунгире. Находясь в Асгарде, он похвалялся своей силой и бесстрашием, что уничтожит богов (кроме прекрасных Сив и Фрейи) и их жилище. Фрейя же всё подливала вино в чашу, а великан всё пьянел [13, с. 64; 10, с. 200]. В результате происходит

у него много нововведений, стилистика отличается от эддической, часто есть несоответствие «Старшей Эдде» и оригинальным текстам, однако в целом не возникает острого противоречия между «Старшей» и «Младшей Эддой» [8, с. 149 – 151]. Иными словами, «Младшая» может быть дополнением, которая может заполнить пробелы «Старшей Эдды», а также создать общую картину мифологии скандинавских племён, создавая связь мифологем и событий. Кроме того, стоит сказать, что тот же Е. М. Мелетинский утверждает, что в скандинавской мифологии только три активных персонажа Один, Локи и Тор [7, с. 48]. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном случае виден процесс редукции мифологемы. Ведь и для саг характерно то, что существует один (иногда несколько) персонаж, остальные – второстепенные. Для мифологии это не характерно, ибо, как божества могут выполнять свои функции, оставаясь онтологически пассивными.

сражение Тора, который ненавидит великанов, и Хрунгира. Последний проигрывает схватку и погибает. Данная мифологема раскрывает Фрейю как очень мудрую и хитрую персоналию, ведь не Фригг²⁴, хранительница домашнего очага и богиня гостеприимства, участвует в этом сюжете, а именно Фрейя. Фрейя как богиня удовольствия сведуща в том, что происходит с человеком в состоянии опьянения. Кроме того, она как богиня любви знает всё о мужчинах и о том, что с ними бывает²⁵. Несомненно, Фрейя выбрана не случайно, так как она госпожа страсти, таким образом, её присутствие ещё больше распаляет на²⁶. Этот миф отражает также и

---

²⁴ Это возможно либо потому, что Фригг по своим качествам не подходит для исполнения подобной роли, либо эта мифологема имеет древнейшие корни (или является интерпретацией более древнего мифа). Последнее можно рассматривать, как возможное подтверждение того, что Фригг более поздний персонаж, чем Фрейя.

²⁵ «Меньше от пива
Пользы бывает,
Чем думают многие;
Чем больше ты пьёшь,
Тем меньше покорен
Твой разум тебе» [6, с. 40 – 41]

²⁶ Её красота и грация – это оружие, которым она обезоруживает противника; это хитрость и лукавство, ведь внешность обманчива. Великан теряет бдительность, он полностью уверен в своих силах и уверен в своей безнаказанности. Красота – это страшная сила, особенно если она затуманивает реальную оценку ситуации и заставляет недооценивать противника.

нравственную идею: великан получает наказание не за то, что он великан и Тор убивает его из ненависти, Хрунгир нарушает правила, которые необходимо соблюдать гостю (т. е. относиться почтительно и с уважением к хозяевам, принимающим его).

Также Фрейя способна развязать распри, так как она является покровительницей валькирий. Об этом рассказывает сага о Хедине и Хёгне. Но это было не её собственным желанием, а ухищрениями Одина, в результате чего у Фрейи не осталось выбора, кроме того, чтобы исполнить волю Всеотца [10, с. 163].

Фрейя, как и её брат Фрейр, обладают элементами образа архетипа младенца. Об этом говорит их статус в Асгарде. Ведь они, как и их отец Ньёрд, являются заложниками у асов, несмотря на то что их считают асгардцами. Тем не менее они находятся там насильно, вдали от родного Ванахейма.

Функции Фрейи намного шире, чем у её брата. Самое интересно состоит в том, что у Фрейра отсутствуют милитаристические функции. Это раскрывает сюжет мифа о Фрейре и Герд. Дело в том, что согласно мифу Фрейр отдаёт свой меч Скирниру, но по какой-то причине обратно его не получает. С. Стурлусон считает странным факт, что такой воин, как Фрейр, добровольно

отдал меч²⁷, не имея второго, и что это станет бедой, когда во время Рагнарёка он сразится с Суртом [13, с. 36]²⁸. Фрейр не просто отдаёт оружие. Оно его неотъемлемый атрибут, символ силы и власти, теряя оружие, он лишается их. В «Старшей Эдде» («Перебранка Локи») Локи обвиняет бога плодородия в утрате меча, в том, что он лишился его в обмен на обладание вожденной девой [6, с. 132]. Я. В. Петрухин указывает, что отсутствие оружия у Фрейра говорит о том, что он бог мира и благополучия, но вместе с тем это напоминание, что, потеряв меч, бог обрёл вожденную деву [10, с. 218]. Однако цена слишком велика, она даже фатальна, ибо всё мироздание расплатится за это.

В «Старшей Эдде» в «Речи Высокого» (что, по сути, является сводом нравственных принципов и наставлений) указывается, что мужу не стоит ни на миг отходить от оружия, ибо неизвестно, когда оно мо-

---

²⁷ Как правило, меч символизирует самого воина, его волю и свободу. Лишиться меча – лишиться чести, потерять свободу и т. д. В воинском культе существовало сакральное отношение к своему оружию. Иногда даже при изготовлении меча добавляли кровь будущего его хозяина. Это символически как бы их объединяло, делая меч продолжением владельца или наделяя его особыми качествами.

²⁸ Великан Сурт согласно эсхатологии сожжёт весь мир. Перед этим Фрейр вступит с ним в борьбу, но проигрывает.

жет понадобится [6, с. 45]. Конечно, не стоит обвинять Фрейра в том, что он – причина уничтожения мироздания. В нём проросли те же семена зла, которые поедали нравственность всех асов, так как он находился в их среде, жил с ними и был причастен к их решениям.

Фрейя же в отличие от брата воительница, ведь она – покровительница воинствующих валькирий и стоит во главе этих дев. В целом для скандинавских племён было характерно относительное равноправие между мужчиной и женщиной. Например, Ж. Симпсон отмечает, что «они могли владеть землей и управлять собственностью, у них был полный авторитет в делах хозяйства, и нередко им приходилось в одиночку управлять фермой, пока мужья отсутствовали» [12, с. 164]. Хотя у них и не было явной политической власти, однако имманентно они могли влиять даже на решения на тинге. Существует захоронение женщины (её тело было посажено в колесницу) [12, с. 228 – 229], которое указывает на то, что статус её был достаточно высок, возможно даже, что она была ярлом или воином.

Следовательно в образе женских божеств отражены те добродетели, которыми должны были обладать женщины того времени. Это домашний уют и гостеприимство, кото-

рым в полной мере обладает богиня Фригг. Верность и самопожертвование отражены в образе Сигюн, которая, после того как Локи осудили, осталась с ним²⁹. Таким же примером самоотверженности может служить поступок Нанны, которая после смерти своего мужа бога Бальдра бросилась на его погребальный костёр и сгорела с любимым. И, конечно же, не стоит забывать о богине Фрейе, которая есть олицетворение красоты, естественности, природного начала, но вместе с тем она может быть неистовой, дикой и необузданной³⁰. Таким образом, стоит сказать, что скандинавский женский пантеон отражает те качества, которыми должна обладать женщина, и это не только покорность и кротость, но и страсть, воинственность и т.д.

---

²⁹ Локи привязан к скале, а над ним висит змея, из пасти которой падает яд на лицо этого бога, принося ужасные муки. Сигюн подставляет эту чашу под пасть змеи, дабы облегчить страдания мужа (таким образом, яд не попадает на Локи).

³⁰ Кроме того, благодаря тому что у Фрейи получают посмертное прибежище и женщины, многие из них после смерти своих возлюбленных стремились также пасть на поле боя, а многие падали на меч или сжигали себя на погребальных кострах своих мужей, дабы встретиться с ними в чертогах этой богини [4, с. 125].

Библиографические ссылки

1. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I – VIII веков. Ветхий Завет. Т. 1. Книга Бытия 1 – 11 // под ред. К. К. Гаврилкина. Тверь : Герменевтика, 2004. 304 с.
2. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 336 с.
3. Викернес В. Скандинавская мифология и мировоззрение. Тамбов : Тамбов. тип. «Пролетарский светоч», 2007. 229 с.
4. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы : пер. с англ. Г. Г. Петровой. М. : Центрполиграф, 2008. 346 с.
5. Гуревич А. Я. История и сага. М. : Наука, 1972. 198 с.
6. Исландский Эпос. Старшая Эдда : пер. А. Корсуна. СПб. : Азбука-классика, 2008. 464 с.
7. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. 1975. № 7. 38 – 51 с.
8. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М. : Наука, 1968. 364 с.
9. Петев Н. И. Образ богини Хель в скандинавской мифологии // Вестник Владим. гос. ун-та. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». № 2 (18). 80 – 89 с.
10. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М. : АСТ, 2010. 464 с.
11. Саксон Грамматик. Деяние Данов. Т.1. Кн. 3, гл. 4.2 – 4.8. [Электронный ресурс] : [сайт]. М. : РУССКАЯ ПАНОРАМА, 2017. Режим доступа <https://knigogid.ru/books/820820-deyaniya-danov-tom-1/toread/page-29>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 20.07.18)
12. Симпсон Жаклин. Викинги. Быт, религия, культура // пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. М. : Центрполиграф, 2005. 239 с.
13. Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. СПб. : Наука, 2005. 139 с.
14. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2010. 251 с.
15. Элиаде М. Тайные Общества. Обряды инициации и посвящения. СПб. : Университетская книга, 1999. 356 с.
16. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. : Совершенство, 1997. 384 с.

N. I. Petev

THE IMAGE OF "WOMAN" AND "FEMALE" IN THE MYTHOLOGY OF THE ANCIENT SCANDINAVIANS (CASE STUDY: GODDESS FREYA)

In this article we will consider the image of the woman in Scandinavian mythology. The goddess Freya is used as an object of analysis in this work, as it reflects the ancient Scandinavian ideals of the "female". The paper compares male and female personalities in order to identify the specifics of the image of women

in mythology: its place in the Pantheon, the functions of the ontological roles, etc. Also, the goddess Freya is compared with the goddess Frigg. This is necessary to identify the most profound qualities of the first, which are decisive in order to make up a general idea of the image of the woman. Also, there are other female characters presented in the paper. This extends the research range and allows for more detailed analysis.

Key words: Freya, Valkyries, Folkwang, dises, Odin, Freyer, Gerd, Grid.

УДК 101.1:372.8

Е. И. Аринин, Г. А. Геранина

**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ДУХОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I
(ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)¹**

В статье исследуются некоторые проблемы обучения в духовных образовательных учреждениях Российской империи периода царствования Александра I с позиций философского религиоведения. На основе нормативно-правовых актов (Уставов) и работ прошлого рассматриваются вопросы методики обучения в духовных образовательных учреждениях. В отечественной историографии вопрос о духовном образовании, религиозном образовании, духовном воспитании, методике обучения данным знаниям всё ещё остается малоизученной страницей истории российского образования. В настоящее время в Российской Федерации предметом особого внимания становится комплексный курс ОРКСЭ и модуль «Основы православной культуры», в связи с этим обращение к истокам появления духовного образования в первой половине XIX в. требует пристального изучения. Предлагаемая работа позволяет выявить эти проблемы и наметить новые направления для исследования.

Ключевые слова: духовное образование, методика обучения, духовная школа, духовное воспитание, урок.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00935 А

Вопросы духовного и религиозного образования народа встают в центр государственной политики в XVIII веке, когда в русский язык вошло само латинское слово «религия» [1, с. 73, 78]. В XIX веке, начавшемся с периода царствования Александра I, нормы духовного образования определялись деятельностью Комиссии Духовных Училищ, которая была учреждена 26 июня 1808 года Указом «О усовершенствовании Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства» [4, с. 368 – 395]. Духовные училища подчинялись непосредственно Священному Синоду и обер-прокурору, а не министру просвещения [8, с. 217]. В Указе отмечалась большая значимость духовного образования, и начинается он с таких строчек: «Воспитание юношества, Церкви посвящённого, на правилах благонравия и Христианского учения основанное, по справедливости всегда было признаваемо уважительнейшим предметом внимания Правительства» [4, с. 368]. Особенностью XVIII – XIX веков было то, что тогда «не существовало единообразного (официально или юридически зафиксированного) наименования православной церковной организации на территории России, и в разных источниках встречаются такие варианты: Российская православная греко-кафолическая церковь, Православная кафолическая греко-российская церковь, Российская Церковь, Русская Церковь, Российская Православная Церковь, Российская Православная ка-

фолическая Церковь, Греко-Российская Церковь, Православная Греко-российская Церковь, Российская Восточно-православная Церковь, а в XVIII веке также и Российская Церковь греческого закона» [11, с. 369].

По умолчанию все эти наименования подразумевали одно разделительное значение – господствующее государственное вероисповедание Российской империи, при котором была создана Комиссия Духовных Училищ (далее – КДУ). Задачи КДУ: 1) совершенствование духовного образования, «издавна предполагаемы были разные меры к усовершенствованию Духовных Училищ и к лучшему устройству в содержании Духовенства» [4, с. 368]; 2) Указ от 29 ноября 1807 года, где Комитету было поручено представить своё мнение об улучшении системы духовного образования. В результате чего было представлено «Начертание правил о образовании сих Училищ».

КДУ являлась в данный период истории главным институтом управления всеми духовно-учебными заведениями в Российской империи, который просуществовал вплоть до 1839 года. Это учреждение «для общего и высшего управления Духовных Училищ» [Там же] впервые объединило все духовные школы России в одну взаимосвязанную систему. В состав Комиссии вошли те же лица, которые составляли Комитет об усовершенствовании духовных училищ: митрополиты Новгородские и С.-Петербургские – Амвросий (Подобедов), Михаил (Десницкий), Сера-

фим (Глаголевский) и Григорий (Постников); Московский митрополит Филарет (Дроздов); из Киевских митрополитов – Евгений (Болховитинов) и Филарет (Амфитеатров); экзарх Грузии Феофилакт (Русанов); обер-священник Державин; протопресвитеры Криницкий, Музовский и Кутневич; греко-униатские – митрополит Иосафат Булгак и епископ Иосиф Семашко. Из светских лиц: статс-секретарь Сперанский и обер-прокуроры Св. Синода князь Голицын, Мещерский, Нечаев и граф Протасов. Иларион Алексеевич Чистович (1828 – 1893) написал книгу «Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия Духовных училищ» (1894), где представил биографии деятелей, руководивших духовным просвещением в России в первой половине XIX века, а также входящих в структуру КДУ.

И. А. Чистович указывал, что КДУ была обеспечена постоянным способом содержания и признана «правительством в качестве государственных учреждений, наравне с учебными заведениями министерства народного просвещения и других ведомств» [12, с. 10]. Комиссия имела обширный план преобразования духовных училищ, управления ими и возвышения роли духовного образования в России. Членами комиссии составлялся текст, который в дальнейшем дополнялся, уточнялся, изменялся и получил название «Уставы». За составление устава взялся сначала М. М. Сперанский, а в даль-

нейшем эта работа была продолжена Феофилактом (Русановым). Уставы детально определяли учебный, воспитательный, экономический и административный строй духовной школы. Первоначально училищный устав был введён в виде проекта для того, чтобы «опыт показал, что в нём нужно изменить или исправить» [10, с. 34]. Общие проекты духовных училищ содержали в себе отдельные, частные уставы всех ступеней духовного образования: академий, семинарий, училищ окружных и училищ приходских. В них сказано, что общей целью воспитания человека «есть образование нравственных и физических способностей, согласно с его предустановлением» [5, с. 3; 6, с. 1]. А главная цель воспитания духовного юношества, как писали тогда, «состоит в утверждении и распространении истинного благочестия» [Там же]. Таким образом, из обозначенной цели следует, что на первое место ставится скорее воспитание, чем собственно образование, поскольку, как сказано в проектах, «особенной целью духовного учения» было «образовать благочестивых и просвещённых служителей Слова Божия» [5, с. 3; 6, с. 1 – 2].

Каждый проект устава начинается с эпиграфа на отдельной странице, гласящего: «Начало премудрости страх Господень. Притч. I.7». В дальнейшем в содержании уставов написано, что «сей спасительный страх должен быть вперяем не словами только, коих частое повторение делается бесплодным; но наипаче утверждением и распространением между

юношами здравых понятий о непрерывности отношений наших к Богу и о действиях промысла его на все мгновения жизни; понятия сии должны наипаче быть укреплены примером и богобоязненностью Наставников и Смотрителей» [5, с. 4; 6, с. 2 – 3].

Проекты уставов состоят из трёх главных частей: 1) управление нравственное; 2) управление учебное; 3) управление экономическое. Первая часть – «управление нравственное» – показывает собственно воспитательную деятельность духовных школ. Авторы отмечают, что все упражнения должны располагать к благочестию, причем особенное место в этом занимает молитва, которая должна свято сохраняться. В проекте уставов отмечается, что молитва важнее уроков, «отсутствие или небрежность в положенных часах молитвы должно считаться важным злом, нежели упущение важнейших уроков» [5, с. 3; 6, с. 3]. Вторая часть – «управление учебное» – раскрывает учебную деятельность, показывает особенности проведения уроков и выделяет «добрую методу».

В проектах духовных школ указываются две основные части «метода учения»: урок в классе и домашние упражнения. Урок в классе должен был проходить строго по конспекту. Конспект представлял собой описание и отражение части преподаваемой науки, время и указание авторов и учебных книг. Составленные профессором конспекты представлялись ректору для рассмотре-

ния, который в свою очередь со своими примечаниями вносил их на обсуждение в правлении духовных семинарий.

Учителям запрещалось вести уроки под диктовку и это строго контролировалось отчётами вопросного типа, «все уроки должны быть с отчётами, и следовательно каждый из них после надлежащего изъяснения должен быть разрешаем на вопросы и ответы» [5, с. 7 – 8; 6, с. 7]. В проектах уставов отмечается, что «первое правило учебного управления есть стараться возбуждать собственные силы учащихся» [5, с. 7; 6, с. 6], поэтому все методы обучения в духовных школах должны быть основаны «на собственных упражнениях юношества» [Там же]. В проектах уставов духовных семинарий и духовных академий специально подчеркивалось, что «пространные изъяснения, где профессора тщатся более показывать свой ум, нежели возбуждать ум слушателей, доброй методе противны» [5, с. 41; 2, с. 923], «по сей же самой причине противно доброй методе диктование уроков в классе» [5, с. 41]. В пункте 127 проекта Устава духовных академий мы видим негативное отношение к репродуктивным методам обучения, отмечается, что педагог должен требовать от студентов «самим изъяснять истины, им открытые», что говорит о развитии самостоятельности в усвоении знаний. Можно даже видеть первые элементы развивающего обучения, выражающиеся в стремлении педагога провоцировать студен-

тов на решение задач и вопросов, где главное предназначение учителя лишь в корректировке «погрешности».

Домашние упражнения были двух типов: написание сочинений и чтение. Сочинения признавались одним из важнейших педагогических методов, способствующих развитию мыслей учащихся, формированию коммуникативно-речевых умений, росту социального отношения и взаимодействия с окружающей средой. Упражнения в сочинениях, как указывал Б. В. Титлинов, составляли «существенную часть учения в духовных школах» [10, с. 204]. В уставе 1814 года, или так называемом «уставе Сперанского», отмечалось, что «домашние упражнения в сочинениях были необходимым условием доброй методы» [Там же]. Сочинения в семинариях и академиях были занятиями обязательными, на что обращалось особенное внимание, а «конспекты академических и семинарских наук довольно точно указывали количество сочинений по каждому предмету» [Там же]. В семинариях полагалось рассуждать в написаниях сочинений еженедельно, а в академиях – ежемесячно. Указывались также требования к написанию сочинений и примерная тематика, при этом «богословский конспект указывал, что сочинения должны быть: 1) краткими рассуждениями на предметы, прикосновенные к урокам, 2) поучениями на воскресные и праздничные дни, которых каждый должен написать по крайней мере одно в два ме-

сяца, 3) пространными рассуждениями на назначенные профессором темы, которых должно быть по крайней мере два в год» [Там же, с. 205]. Так, «философский конспект различал также троякие письменные задачи: 1) краткие рассуждения на преподанные предметы; 2) критики на целое отделение или главу какой-либо части философских наук; 3) пространные рассуждения на назначенную тему» [Там же].

Сочинения полагалось писать во всех классах на русском и латинском языках, и, как уже было сказано выше, сочинениям придавали большое значение, они тщательно рассматривались наставниками и сопровождалась «здоровою критикой» (параграфы 135 устава семинарий и 148 устава академий) [Там же]. Особо отмечалось, что «лучшие сочинения профессора должны были ежемесячно представлять ректору, который их рассматривал и для публичного чтения их иногда назначал "приватное" собрание из наставников и всех учеников (параграфы 155 устава семинарий и 181 устава академий). Лучшие проповеди произносились в церкви» [Там же].

Вторым приёмом домашних упражнений было чтение. В уставе указывалось, что к нему тоже должно быть пристальное внимание, поскольку «чтение не менее требует назначения и отчёта, как и сочинение: ибо ничто не может быть более вредно, как чтение произвольное, поверхностное, рассеянное, без точной цели и без аналитического разбора» [5, с. 8]. В па-

раграфе 132 проекта устава духовных семинарий написано: «Лучшая метода Богословского учения без сомнения состоять должна в чтении Священного Писания и испытании истинного смысла его, по оригинальному изложению и лучшим изъяснениям Святых Отцов» [5, с. 49].

Согласно уставам правила чтения Священного Писания «изъясненные Ролленем в методе его учения, должны быть признаваемы существенною частью сего Устава» [2, с. 924]. В дальнейшем правила Роллена будут изданы в 1823 году под названием «Правила о способе учения, извлеченные из сочинений Роллена» [7]. В духовных академиях первое место занимало чтение Священного Писания, затем чтение пророков как самые «сильные примеры», потом писание Святых Отцов, особенно Златоуста, а также проповеди некоторых новейших пастырей российской церкви и разные сочинения французских «духовных ораторов», к которым относили Фенелона, Боссюета, Массильона и др. [2, с. 924].

Кроме того, в проекте устава духовных академий даны основания по «доброй методе» при преподавании конкретных классов наук. Например, класс наук словесных, куда входит эстетика, которая должна черпаться из «самых лучших её источников», коими являются «из древних: Платон, Аристотель, Цицерон, Гораций, Квинтилиан, Лонгин; из новейших Фенелон, Роллен» [Там же, с. 923]. Остальные же работы в педагогической деятельности могут быть

использованы только после «прозорливой критики». Обучение должно следовать принципу от простого к сложному, чтение начинать «всегда должно с легчайших» [Там же, с. 924] текстов. В пункте 136 устава духовных академий сказано, что профессор должен теорию эстетики излагать «просто», с учётом не только исторических правил, но и «показать психологическое основание сих правил» [Там же]. Используя это правило, «профессор встретит на нём разные философские изыскания о первоначальном образовании человеческого слова; сие приведёт его к всеобщей грамматике, или аналитике слова» [Там же]. В данном уставе отмечалась важность формирования образного мышления, при этом «образцы ... должны быть предлагаемы ... с аналитическим разбором» [Там же]. Сама «сила аналитического разбора состоит в том, чтоб дать чувствовать учащимся, каким образом и какими средствами мысль простая и первоначальная постепенно получает живость или возвышение, силу или особенную разительность» [Там же], как было сказано в пункте 141 данного устава. После чтения всегда, в соответствии с уставом академий, должно было следовать упражнение. В пункте 148 выделяется четыре важных принципа для данного метода – упражнение в сочинениях: 1) никогда не позволять сочинять без плана; 2) не ограничиваться в сочинениях «одним каким-либо родом», необходимо «чтоб разум их приспособлялся к разным родам словесности, дабы получить

надлежащую свободу, гибкость и пространство»; 3) сочинения должны сопровождаться здоровой критикой и отчётом, «здоровая критика есть важнейшая часть истинного красноречия»; 4) упражнения должны быть просты и ясны, необходимо избегать «всякого напыщения» [2, с. 925].

Таким образом, анализ исторического периода царствования Александра I и проектов уставов (1808 – 1814) показал, что:

- духовное образование определялось деятельностью Комиссии Духовных Училищ и признавалось правительством важным государственным делом, а духовные школы рассматривались наравне с учебными заведениями Министерства народного просвещения и других ведомств;

- создалась нормативно-правовая база духовно-образовательной системы в виде проектов уставов (1808 – 1814), которая детально определила учебный, воспитательный, экономический и административный строй духовной школы. Ставится главная и особенная цель духовного учения – «образовать благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия»;

- для реализации данной цели, согласно проектам уставов, в основу учения должна была быть положена «добрая метода», под которой подразумевалось развитие рассудочной деятельности учащихся, тщательное разъяснение уроков и категорическое запрещение «диктования». Было ли это реализовано? Официальные и неофициальные данные, анализ источников и отзывов говорят о домини-

ровании в училищном обучении этой эпохи механических способов усвоения нового материала, так называемой «зубрёжки», «зубристики», при которой происходило бессмысленное заучивание. Об этом говорят и первые строки проектов уставов, а также внедрение в школьный процесс обучения благочестию как «страху божьему». В этот период еще не ставилась задача особого «православного образования», но говорилось про образование «благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия».

В целом, как показали проекты уставов (1808 – 1814), в вопросах методики обучения имели место:

1) продуманная структура и содержание урока, о чём говорят «разработанные и утверждённые конспекты», что подчёркивает значимость подготовленности духовной школы и педагога к образовательному процессу. Кроме того, результатом проведенного урока по определённому «конспекту» является «отчёт вопросно-ответного типа», что говорит об использовании таких активных методов обучения, как беседа с использованием хорошо продуманных вопросов;

2) негативное отношение к репродуктивным методам обучения, согласно проектам уставов, педагог должен требовать от студентов «самим изъяснять истины, им открытые», что говорит о развитии самостоятельности в усвоении знаний. Можно даже видеть первые элементы развивающего обучения, выражающиеся в стремлении провоцировать студентов педагогом на задачи и во-

просы, где главное предназначение учителя лишь в корректировке «погрешности»;

3) сочинения и письменные упражнения, которые используются как педагогические методы домашней работы для закрепления полученных знаний и выработки умений в их применении. Проекты уставов, требуют самого тщательного отношения к данной методе и «здравой критики» в проверке. Лучшие сочинения студентов в качестве поощрения и мотивации для дальнейшей учебной работы используются в публичном чтении. Сочинение – одно из важнейших методов в обучении, способствующих развитию мысли учащегося, самостоятельности в работе, формированию коммуникативно-речевых умений и культуры письменной речи;

4) чтение как домашнее упражнение, где основным дидактическим принципом было от простого к сложному, «с легчайших» работ. Согласно уставам чтение Священного Писания происходило по правилам о способе учения, извлеченным из сочинений Роллена;

5) требования к педагогу, объяснению материала, исключаящему какую-либо «диктовку» учебного материала, приводят к появлению методов преподавания, достигающих в обучении «развивающих результатов».

Таким образом, можно утверждать, что в этот период еще не ставилась задача развития особого «православного образования», но говорилось прежде всего про образование «благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия».

Библиографические ссылки

1. Аринин Е. И. Религия, «релѣя» и «вѣра»: дискурсы и дифференциации XVIII века // Вестник Владим. гос. ун-та. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». 2016. № 2 (10). С. 73 – 84.
2. Высочайше утверждѣнный проект Устава Духовных академий // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1812 – 1815. Том XXXII. СПб. : Типография II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1135 с.
3. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I : Речь, произнесенная в торжественном собр. Казан. акад. по случаю празднования столетней годовщины рождения императора Александра I. 12 дек. 1877 г. проф. П. Знаменским. Казань : тип. ун-та, 1878. 42 с.
4. О усовершеннии Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства № 23.122 // Полное собрание законов Российской Империи. Том XXX. 1808 – 1809. СПб. : Тип. II Отд-ния Е.И.В. канцелярии, 1830. 1408 с.
5. Проект Устава духовных семинарий. Ч. I. СПб. : Медицинская типография, 1810. 73 с.

6. Проект Устава духовных академий. Ч. I. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, 1823. 79 с.
7. Роллен, Ш. Правила о способе учения, извлеченные из сочинений Роллена : [пер. и предисл. П. Наумова. СПб. : В тип. медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1823. 230 с.
8. Сухова Н. Ю. История управления духовно-учебными заведениями в России. 1807 – 1967 гг. // Богословский сборник. № 13. М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. С. 206 – 235.
9. Сухова Н. Ю. Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808–1814 гг. // Вестник Моск. гос. област. ун-та. – Сер. «История и политические науки». 2010. № 2. С. 55 – 60.
10. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Время Комиссии Духовных Училищ : К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вильна : Тип. «Русский Почин», 1908. 383 с.
11. Цыпин В. (прот.) Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. VII. ISBN 5-89572-010-2. С. 369
12. Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия Духовных училищ. – СПб. : Синодальная типография, 1894. 381 с.

E. I. Arinin, G. A. Geranina

**THE METHOD OF TEACHING IN THEOLOGICAL
EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING THE REIGN OF ALEXANDER
I (PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL ANALYSIS)**

The article studies the problems of teaching methods in theological educational institutions during the reign of Alexander I. On the basis of normative legal acts (Statutes) and works of the past, questions of teaching methodology in spiritual educational institutions are considered. In the domestic historiography, the question of spiritual education, religious education, spiritual education, methods of teaching this knowledge are still an unexplored page of the history of Russian education. Currently, the subject of special attention is the integrated course of the basis of religious cultures and secular ethics and the module "Foundations of Orthodox Culture", in connection with this, the reference to the origins of the emergence of methods of spiritual education in the first half of the XIX century requires careful study. The proposed work allows a new look at the study of the problem and outline new directions for research.

Keywords: spiritual education, teaching methods, spiritual school, spiritual education, lesson.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена проблемам истинности и ответственности религиозных и моральных суждений. За основу берется соответствующая статья Х. Арндт о моральной философии, дается ее критический анализ. Выявляются сильные и слабые стороны данной работы, а также рассматриваются идеи других моралистов. Приводится собственная точка зрения на поднятые проблемы.

Ключевые слова: суждения, мораль, религия, ответственность, истина, религиозный и моральный кодексы, субъективный идеализм, реализм.

В недавно изданном в России сборнике работ Х. Арндт, который получил название «Ответственность и суждение», помещен цикл лекций «Некоторые вопросы моральной философии», который она читала в 1965 – 66 гг. [2] В своих лекциях Х. Арндт высказала ряд интересных идей о морали, которые не являются бесспорными, но на которые хотелось бы обратить внимание. Необходимо, конечно, учитывать относительно свободный характер лекций. Известно, что не все, что высказывается в лекциях, потом заносится автором на бумагу. Но тем не менее.

Изложим вначале наиболее значимые с нашей точки зрения идеи Х. Арндт, а затем дадим им оценку.

Х. Арндт отмечает, что религиозные и моральные суждения выделяются одной особенностью, редко замечаемой. Для верующих людей истинность религиозных суждений определяется их соответствием воле

Божьей, которая в религиях откровения, а о них у нас и будет идти речь, проявляется в Священном Писании. Ответственность за выполнение и невыполнение религиозных суждений субъект также несет перед Богом.

Как обстоит дело с моральными суждениями? Есть точка зрения, что истинность их в конечном счете определяется внутренним чувством их самоочевидности. «Просто не может быть иначе». И ответственность за них личность несет прежде всего перед собой. «Иначе это буду не я».

Ханна Арндт очень четко отметила подобную особенность религиозных и моральных суждений [3]. Х. Арндт связала проблему истинности и ответственности религиозных и моральных суждений с актуальной темой переворота морального сознания немцев во время фашизма в сторону зла, в общечеловеческом его понимании, и обратной такой же быстрой перестройки сознания лю-

дей в сторону добра после войны. В России случилась подобная перестройка и морального и религиозного сознания во времена власти коммунистов [4]. И возникает вопрос, есть ли какие-то различия между нравопеременами немцев и русских, или более обще: между западными европейцами, католиками и протестантами, и восточными европейцами, православными. Х. Арендт ставит и другую проблему: отличает ли моральные нормы, правила нечто большее, «чем набор обычаев и привычек» [1, с. 84]. В настоящее время переориентация сознания людей также может происходить мгновенно под влиянием средств массовой информации. Все это определяет актуальность данной темы.

Ханна Арендт, исследуя эти вопросы, отмечает, что здесь важное значение имеет само понятие морали, то, как мы понимаем мораль. Было время, когда люди с помощью «ряда правил, норм и эталонов» отделяли «правильное от неправильного». Считалось, что эти нормы, эталоны являются частью божественного, частью естественного закона и потому всеобщими для людей, обладающих здравым смыслом [Там же]. И вдруг в один прекрасный момент все это рассыпалось. И мораль стали понимать «как набор *mores*, т. е. обычаев и манер, поменять которые не труднее, чем принятые у индивида или народа застольные манеры» [Там же].

Х. Арендт вспоминает Ф. Ницше, величие которого она видит в том, «что он осмелился показать, насколько жалкой и бессмысленной стала мо-

раль» [Там же, с. 86]. Арендт обращается и к более ранней истории, Древней Греции, этике Сократа, Платона. Для ее позиции особенно важно учение Сократа. На чем основывались убеждения Сократа в истинности моральных суждений и в ответственности человека за исполнение моральных норм? Для Арендт это представляет особый интерес в связи, как она считает, со светским, а не религиозным характером этики Сократа.

Ханна Арендт приводит слова Ницше из «Воли к власти»: «Наивность – как будто от морали могло что-нибудь остаться, если бы не существовало санкционирующего Бога!» Если же существует моральная философия, то она не оставляет места для «области, где религия... была бы правомерным источником норм и эталонов для человеческого поведения, а также критериев для того, чтобы о нем судить» [Там же, с. 101], замечает Х. Арендт. И, напротив, где философия сотрудничает с религией, там «не было особого раздела, посвященного морали» [Там же, с. 101]. В качестве примера у Х. Арендт приводится средневековая философия, которая, с ее точки зрения, делилась на космологию, онтологию, психологию и теологию, но где не было места для этики. «Если этические вопросы и рассматривались. – пишет Х. Арендт, – то делалось это (особенно у Фомы Аквинского) по античному образцу, когда этика была неотъемлемой составляющей политической философии, определяя поведение человека как гражданина» [Там же, с. 101 – 102].

Когда наступила эпоха упадка древнегреческого полиса, то развилось и стремление превратить всю философию в моральное учение. Но в ней не найти абсолютных заповедей, наподобие религиозных. Даже в средние века Аквинат, «величайший рационализатор христианства, вынужден был признать, что конечная причина того, что определенное предписание правильно, а определенной заповеди надо повиноваться, лежит в их божественном происхождении» [1, с. 103].

Х. Арендт отмечает интересную онтологическую проблему, связанную с добром, и как она решалась в истории этики. «Добро любимо богами потому, что оно добро, или мы его называем добром потому, что его любят боги». По мнению Арендт, Сократ оставляет этот вопрос без ответа. Но верующие, очевидно, согласятся, что «именно божественное происхождение отличает добрые принципы от злых». Средневековые мыслители разошлись в этом вопросе. Фома Аквинский считал, что Бог утверждает добро потому, что оно добро. Дунс Скот утверждал, что добро доброе потому, что оно заповедано Богом. Примечателен заочный спор Дунса Скота с Уильямом Оккамом. Дунс Скот, например, считал, что Бог не может заставить ненавидеть себя, ибо это противоречиво. Оккам же утверждал, что для Бога и в морали все относительно. Бог может создать максимум, которая обяжет человека ненавидеть его, Бога. Примером подобной воли Бога является притча о пожертвовании Авраамом своего сына Исаа-

ка по велению Божьему. Однако такая заповедь, по Оккаму, станет неразрешимой антиномией для человека. Человек окажется в ловушке для воли наподобие Буриданова осла.

В отмеченной нами работе Х. Арендт обращает внимание и на тот факт, что средневековые философы стали ценить волю как важный, относительно автономный элемент сознания. Как известно, тема воли в философии была затронута Августином Блаженным (354 – 430), а до него в христианской культуре ее явно обозначил апостол Павел. «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» [5, 7,15]. Апостол Павел отмечает и фактор, который, с его точки зрения, стал опосредованно причиной подобной раздвоенности в человеке ума и плоти (тела), воли доброй и воли греховной. – «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» [5. 7,18]. И далее: «Доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» [5. 7,19]. И апостол Павел заключает: «Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха» [5. 7,25].

Ханна Арендт дает краткий, но содержательный анализ учению Августина Блаженного о воле. Согласно Августину Блаженному разум руководит мыслями, а другая часть души – желаниями. И в одном и том же человеке, в одной и той же душе можно обнаружить не две противо-

борствующие воли – добрую и греховную, а, скажем, четыре и все греховные или добрые. «Если враждующих между собой природ столько же, сколько противящихся одна другой воле, то их будет не две, а множество», – заявляет в «Исповеди» Августин Блаженный [7, с. 140]. При этом субстанционально душа одна в человеке и воля одна. «Она (душа – П.М.) ведь едина» [Там же, с. 139], – говорит Августин. То же самое он утверждает о воле: «Воля ведь приказывает желать: она одна и себе тождественна» [Там же]. Но почему душа, воля не исполняют собственных приказов? «Значит, – заявляет Августин, – приказывает она не от всей полноты; поэтому приказ и не исполняется... А следовательно, одновременно желать и не желать – это не чудовищное явление, а болезнь души; душа не может совсем встать: ее поднимает истина, ее отягощает привычка» [Там же].

У Ханны Арендт имеется еще ряд интересных замечаний о нравственных суждениях. Одно из них касается научной новизны суждений моральной философии. Так, по поводу этики Канта Арендт замечает: «Но у него (Канта. – П.М.) не было иллюзий, будто он сделал открытие в моральной философии, ведь это означало бы, что до него никто не знал что правильно, а что нет, а это просто абсурдно» [1, с. 97]. Действительно, у Канта в «Основах метафизики нравственности» встречается следующее замечание: «... Следовательно, для того чтобы знать, как поступать, что-

бы быть честными и добрыми и даже мудрыми и добродетельными, мы не нуждаемся ни в какой науке и философии. Уже заранее можно было бы предположить, что знание того, что каждому человеку надлежит делать и, стало быть, уметь – это дело каждого, даже самого простого человека» [8, с. 240].

Но Х. Арендт добавляет: «Кант никогда не принял бы как данность то, что человек будет еще и действовать в соответствии со своим суждением. Человек – не только разумное существо, он также принадлежит к миру чувств, который будет искушать его поддаться своим склонностям вместо того чтобы следовать разуму или сердцу. Тем самым моральное поведение не является само собой разумеющимся; зато само собой разумеется моральное знание, т. е. знание правильного и неправильного» [1, с. 98 – 99].

В самом деле, в «Основах метафизики нравственности» Кант пишет: «Здесь нельзя, однако, не удивляться тому, как много преимуществ имеет в обыденном человеческом рассудке практическая способность суждения перед теоретической. В последней, если обыденный разум отваживается уклониться от эмпирических законов и чувственных восприятий, он запутывается в догадках, впадает в прямые противоречия с самим собой, приходит к загадкам, по меньшей мере к хаосу неизвестности, неясности и неустойчивости. В сфере же практического способность суждения только тогда и начинает пока-

зывать себя с очень выгодной стороны, когда обыденный рассудок исключает из практических законов все чувственные мотивы. Тогда он делается даже тонким» [8, с. 240 – 241].

Но Кант не исключал всецело значимости моральной философии. «Невинность, конечно, прекрасная вещь, – пишет Кант, – но, с другой стороны, очень плохо, что ее трудно сохранить и легко совратить. Поэтому сама мудрость, которая вообще-то больше состоит в образе действий, чем в знании, все же нуждается в науке не для того, чтобы у неё учиться, а для того, чтобы ввести в употребление ее предписание и закрепить его» [Там же, с. 241].

У Ханны Арендт есть еще меткое замечание о лжи моральных суждений. Она отмечает, что «никто не хочет быть дурным, а тот, кто все-таки и поступает дурно, впадает в «моральный абсурд»». Х. Арендт вновь обращается к Канту. По Канту, тот кто поступает дурно, должен презирать самого себя. Но у человека существует боязнь самопорицания. И тем не менее он способен к проступкам, которые должен сам осуждать. И Кант объясняет это тем, что человек способен лгать самому себе, он может быть нечестным перед самим собой. В работе «Религия в пределах только разума» Кант напишет: «Эта нечестность – самому себе пускать пыль в глаза, мешающая утверждению в нас подлинного морального образа мыслей, превращается внешне в лицемерие и в одурачивание других. Если это и нельзя назвать злост-

ностью, то оно по меньшей мере заслуживает названия низости и кроется в том злом начале человеческой природы, которое ... составляет тронутую гнилью место нашего рода и, пока мы не избавимся от него, будет препятствовать развитию зачатков доброго, которое при других условиях могло бы произойти» [9, с. 40].

Х. Арендт в связи с этим обращает внимание на одну особенность наших религиозно-моральных кодексов, редко отличающую, что «ни один из наших этических или религиозных кодексов (за исключением зороастрийского) никогда не содержал заповеди “Не лги!”» [1, с. 99]. Список человеческих преступлений в этих кодексах начинается с убийства. Действительно, в библейском кодексе Моисея есть заповедь (9-я) «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» [6. 20,16]. Но она очевидно не тождественна заповеди «Не лги» и представляется лишь частным случаем данной заповеди. Её содержание можно кратко передать словами «не лжесвидетельствуй». А здесь могут быть задействованы разные мотивы, в том числе зависть, resentment и т. п. Лжесвидетельство – это один из видов лжи, может быть, один из самых отвратительных. Х. Арендт вспоминает здесь Ф. М. Достоевского, который устами старца Зосимы отвечал на извечный вопрос человека: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – «Главное, самому себе не лгите».

Попробуем сейчас дать критический анализ некоторым отмечен-

ным идеям Х. Арендт. В самом деле, проблема истинности и ответственности религиозных и моральных суждений остается извечно актуальной. Чем руководствуются честные люди, делая тот или иной религиозный и нравственный выбор? Вначале следует разделить религиозные и нравственные суждения и не только по содержанию, но и по источнику. Мы придерживаемся той точки зрения, что они имеют разные непосредственные источники. Религия и мораль, в целом, несмотря на их общность, имеют и разные основания. «Голубое не выводимо из кислого». Можно предположить, что в основе религии лежит феномен «нуминозного», а в основе морали феномен «моральности» [10].

Но отсюда следует, что и атеисты могут быть высоконравственными людьми, а верующие совершать безнравственные поступки. Великий Ницше, на которого ссылается Х. Арендт, заявляющий, что со смертью Бога умирает и мораль, был неправ! [11] Мораль можно вывести из окружающей нас действительности. Для верующего человека Бог предстает лишь конечной причиной добра. Добро богоугодно! Совершать добрые дела, избегать зла – это угодно Богу, это богоугодно. Такова одна из максим народной морали, одно из суждений в народной моральной контекст-правде!

Связь религии и морали все же существует, но на более глубоком сущностном уровне. Это видно на примере споров философов о соот-

ношении Бога и добра. «Добро любимо богами потому, что оно добро, или мы его называем добром потому, что его любят боги». Выше мы привели разные точки зрения западных философов на эту проблему. Но в христианстве существует и традиция не разрывать понятия Добра и Бога, и не создавать тем самым неразрешимую проблему. Бог и есть Добро, одно из имен Бога есть Добро. Эта точка зрения была представлена уже у Дионисия Ареопагита [12]. Добро от Бога на определенном сущностном уровне, а по существованию мораль может быть и природной, и социальной, и личностной.

Так на чем основывается моральный и религиозный выбор? Религиозный выбор в конечном счете основывается на Боге. Но вспомним русского крестьянина! Лишь при выборе уже действия он вспоминал о Боге. «С Богом!» – обычная присказка русского крестьянина. «На Бога надейся, а сам не плошай».

Его нравственный выбор, как и выбор другого простого человека, основывался на самоочевидности моральных суждений. Здесь Х. Арендт отчасти права! Но чтобы человек верил сам в себя, он не должен лгать себе. А на чем основывается вера человека в самого себя? На убеждении в правоте иного, на которого он ссылается, что человек искренен; или на вере в правоте того, что существует объективно, независимо от любого мнения. Именно это, второе, характерно для русских, а первое – для западных людей. Здесь вспоминается

рассуждение К. Поппера об истинности различных суждений.

К. Поппер в своей книге «Объективное знание. Эволюционный подход» (М., 2010) пишет о доказуемости и недоказуемости всяких суждений, которые выходят «за пределы логики и конечной арифметики», к которым он относит и суждения реализма и идеализма. Под «реализмом» у К. Поппера понимается философия здравого смысла, признающего реальность физических и психических объектов. Под идеализмом К. Поппер понимал различного рода концепции субъективного идеализма, вплоть до идеализма Беркли, утверждающего, что «мир есть комплекс моих ощущений», и «существовать значит быть воспринимаемым». Оказывается, что даже такие крайние формы идеализма не доказуемы и не опровержимы. На каждый аргумент против идеализма найдутся контраргументы. Аналогично и с теософией, религией, многими идеями Рерихов, которые не опровержимы и не доказуемы.

И все же, если сравнивать аргументы за субъективную и объективную картину мира, то аргументы в защиту последней кажутся более убедительными. Воспользуемся здесь аргументами К. Поппера, изложенными им в книге «Объективное знание. Эволюционный подход», слегка изменив их.

1. Из субъективных мнений, теорий не вывести объективную истину, а из объективных теорий возможны различные субъективные концепции. Так было в филогенезе, так про-

является и в онтогенезе. Таким образом, знание объективное является более фундаментальным, чем субъективное.

2. Как писал Б. Рассел: «Во всем этом я чувствую серьезную опасность, опасность того, что можно назвать “космической непочтительностью”». Понятие истины как чего-то зависящего от фактов, в значительной степени не поддающихся человеческому контролю, было одним из способов, с помощью которого философия до сих пор внедряла необходимый элемент скромности. Если это ограничение гордости снято, то делается дальнейший шаг по пути к определенному виду сумасшествия – к отравлению властью, которая вторглась в философию с Фихте и к которому тяготеют современные люди – философы или не философы. Я убежден, что это отравление является самой сильной опасностью нашего времени и что всякая философия, даже ненамеренно поддерживающая его, увеличивает опасность громадных социальных катастроф» [15, с. 749].

Автор статьи вполне согласен с Б. Расселом о «космической непочтительности», которой грозит субъективный идеализм. Об этом писал философ, которого самого иногда обвиняют в уступках субъективизму. Можно посмотреть критические замечания Рассела в адрес понятий «субстанция», «материя» и других, которые встречаются на страницах его «Истории западной философии».

3. Субъективный идеализм в вопросах об истинности или ложности

наших суждений не имеет другого критерия кроме логического, а это, согласимся, недостаточно. Можно встретить и логически правильные суждения, что насилие – это добро, или что обман – это добро. Не случайно в средневековой философии истинным могло быть не только суждение, но и явление природы. Здесь логический критерий совмещался с фактическим, реальным, идущим от объективных фактов. И это было правильно. Можно приводить и другие аргументы в пользу объективного знания, но ограничимся этими.

Итак, представители русской культуры будут в основном ориентироваться на объективное знание, а многие западные люди – на субъективное. Интерес представляет факт, когда они соглашаются. Как это возможно?

Вновь вспоминается К. Поппер. «Если оставить в стороне аргументы Вигнера об атомной физике, – пишет он, – то мы сможем утверждать, что почти все, если не все физические, химические или биологические теории подразумевают реализм, в том смысле, что если они истинны, то и реализм тоже должен быть истинным. Это одна из причин того, что люди говорят о “научном реализме”, и это вполне основательная причина» [14, с. 47].

Поэтому и в религиозных и в моральных суждениях католиков и православных может быть больше общего, чем между католиками и протестантами, имеются в виду, конечно, верующие христиане. Проте-

стант может верить, что конечным критерием истинности моральных суждений является какой-то человек, например, Лютер или Кальвин, или для просвещенного протестанта – Кант. Но это для него может оказаться и ошибочным, тогда вместо Канта выступит фюрер или другая авторитетная фигура. Налицо определенные нравоперемены. Для католика и православного человека все объективнее. Если не Бог является конечной причиной суждений моральной философии, тогда какая-то объективная основа, скажем – воля партии или воля народа. Также имеем нравоперемены, но более основательные. Так примерно шли нравоперемены в немецком и русском обществе в XX веке. Но мы можем и должны признать, что конечный выбор основывается на объективном трансцендентном основании, которое обеспечивает самодостаточность морали.

Другое замечание Х. Арндт касается научной новизны моральных суждений. Действительно, для честного этика всегда возникает вопрос: а что нового в сфере морали я могу дать людям? Ведь что такое добро и что такое плохо, каждый знает с детства! Известен декалог Моисея и девять заповедей Иисуса Христа. Неужели до меня никто не разобрался в этом?! Х. Арндт указывает на великого Канта, у которого не было иллюзий «будто он сделал открытия в моральной философии».

Но моральные суждения обладают той особенностью, что они должны быть усвоены не только ра-

зумом, но и чувствами, волей. Как навыки велосипедной езды навсегда сохраняются в нашей мышечной памяти, так навыки моральных поступков, имеющих основания в моральных суждениях, должны быть усвоены каждым волевой памятью. Другими словами, каждый человек должен не только знать моральные суждения, но и пережить их. И всегда это делается заново, здесь и сейчас.

Это имеет отношение и к вопросу о добре и зле. Должна ли этим заниматься этика? Х. Арндт вновь ссылается на Канта, который якобы считал, что он не сделал открытия в моральной философии, ибо абсурдно думать «что до него никто не знал, что правильно, а что нет». Но Х. Арндт почему-то не вспоминает Дж. Мура, в частности, его замечательную книгу «Принципы этики». Здесь Дж. Мур прямо заявляет: «Этика, несомненно, занимается вопросом, что такое хорошее поведение. Однако, решая данную проблему, она сначала должна ответить нам, что такое “добро”, что такое “зло” и что такое “поведение”» [13, с. 58]. И далее Мур пишет, что поэтому наш первый вопрос звучит именно так: «Что такое добро?», «Что такое зло?» – и науку, занимающуюся решением этих вопросов (или этого вопроса), я называю этикой» [Там же, с. 59].

Так кто прав: Кант или Дж. Мур? Я считаю, что здесь прав Дж. Мур. Данное расхождение во взглядах на предмет моральных суждений двух великих мыслителей нельзя считать случайным фактом. Здесь

встает проблема природы самих философских суждений, самой философии. Как известно, Дж. Мур был одним из родоначальников логического анализа, который иногда относят к разновидности аналитической философии, или, как ее еще у нас называли, неопозитивизм. Сам Мур использовал логический анализ против субъективного идеализма, против сциентизма, принятого «Венским кружком». В онтологии Мур отстаивал принципы неореализма, здравого смысла, в этике – эмотивизма. Он признавал существование объективной реальности, отстаивал доверие не только нашим чувствам, но и интуиции, разуму.

Дж. Мур, как и другие представители логического анализа, давал логический, а не метафизический анализ обиходным философским понятиям. Как известно, анализ некоторых понятий встречается уже у Канта. Так, например, широкое толкование получила его трактовка бытия. В «Критике чистого разума» Кант писал: «Ясно, что бытие не есть реальный предикат... Оно есть только полагание вещи». Но у Канта не было систематического анализа всех основных понятий, у него было критическое учение о процессе познания, другими словами, у него присутствует критика использования понятий как логических атомов, но нет критического анализа самих атомов. В отношении этики это сделал Мур и открыл «натуралистическую ошибку». Это очень ценное для этики открытие.

Также возникает замечание и по поводу исторического экскурса Арендт в область истории этики. Х. Арендт сомневается, была ли в античности моральная философия самостоятельной дисциплиной. «Так, у Аристотеля мы видим два трактата, – пишет Х. Арендт, – которые вместе образуют то, что он называет философией человеческих вещей: “Никомахову этику” и “Политику”. В первом речь идет о гражданах, во втором – о гражданских учреждениях, первый предшествует последнему» [1, с. 102]. В русскоязычной философии существует иная интерпретация античной этики. Так, если брать античность, то этика как учение о добродетелях несомненно была у Аристотеля. «Никомахова этика» до сих пор является образцом этической мысли на эту тему.

Х. Арендт далее делает вывод, что «в период между античностью и Кантом моральной философии не существовало» [Там же, с. 104]. А как же средневековая «Добротолубие»?! Куда же деть этические работы Абельяра, Спинозы?! Х. Арендт заявляет: «Существует ли моральная философия со времен Канта – это вопрос, по меньшей мере, открытый» [Там же, с. 105]. Ну, если не признавать за философию моральные произведения хотя бы русских мыслителей, написанные в XIX – XX веках, то, наверно, можно так ставить вопрос. Хотя, думается, что это неправильно.

Хорошее замечание есть у Х. Арендт по поводу заповеди «Не лги». Вот это, действительно, остается открытым вопросом и материалом для будущей статьи.

Библиографические ссылки:

1. Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии. Ответственность и суждение. М., 2014.
2. Ханна Арендт (1906 – 1975) – немецко-американский философ еврейского происхождения, оставившая свой след в исследовании тоталитаризма, нацизма.
3. См.: Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии. Ответственность и суждение. М., 2014.
4. Апресян Р. Г. для обозначения подобных метаморфоз сознания людей использует понятие «нравоперемена». См. : Апресян Р. Г. Нравоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе. М., 2013.
5. Библия. Рим.
6. Библия. Исход.
7. Блаженный Августин. Исповедь. М., 1997.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности // Собр. соч. в 6 т. Т. 4(1). М., 1964.
9. Кант И. Религия в пределах только разума // Соч. в 8 т. Т. 6. М., 1994.

10. См. подробнее в кн.: Матвеев П. Е. Религия и мораль: ценностный аспект. Владимир. 2016.
11. Подробнее о нашей точке зрения на учение Ницше о религии см.: Матвеев П. Е. Религия и мораль: ценностный аспект. Владимир. 2016.
12. См., например: Дионисий Ареопагит. О божественных именах. СПб., 1994.
13. Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
14. Поппер Карл. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2010.
15. Рассел Бертран. История западной философии. Новосибирск. 1997.

P. E. Matveev

**RELIGIOUS AND MORAL JUDGMENT:
THE PROBLEM OF TRUTH AND RESPONSIBILITY**

Article is devoted to the problems of truth and responsibility of religious and moral judgments. The paper has the relevant article by H. Arendt on moral philosophy as its case study and gives some critique of this article. The strengths and weaknesses of this work are identified, and other moralists are addressed as well. The author's point of view on the raised issues is given.

Keywords: judgment, morals, religion, responsibility, truth, religious and moral codes, subjective idealism, realism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
ingaabramova2011@mail.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
eiarinin@mail.ru

ГЕРАНИНА Галина Александровна – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
geranina@list.ru

ГЛАДКОВА Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова
anngrin@mail.ru

КОСТЯЕВ Эдуард Валентинович – доктор исторических наук профессор Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина
edikost@bk.ru

МАКОВЕЦКИЙ Аркадий Валентинович – кандидат философских наук доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, настоятель храма св. Василия Великого г. Суздаля Владимирской епархии РПЦ МП.
avm12091963@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
markovius@gmail.com

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук
профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
mail@matvei.elcom.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
cyanideemo@mail.ru

СКОРОБОГАТЫХ Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия,
arhip2212@yandex.ru

СТЕПАНЕНКО (Ломова) Алина Ильинична – студентка V курса Филологического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
l.alina.i@mail.ru

ТРЯХОВ Илья Сергеевич – кандидат исторических наук
старший преподаватель кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ilja.tryahoff@yandex.ru